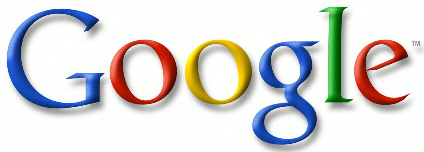


ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ и ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

МАРТЪ.

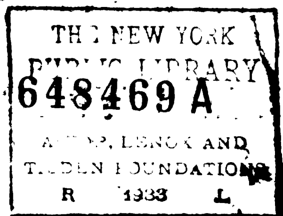
ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1863.



Печатать позволяется. Кіевъ. 18 Мая 1863 года.

Цензоръ Малышевскій.

I.

№ 27.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ГОНЕНІЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

I.

Жалоба въ владимірскій судъ Андрея и Александра Загоровскихъ на уніятскаго митрополита Ипатія Поцѣя, о нападеніи на православную владимірскую церковь св. Василія, причиненіи самимъ митрополитомъ побоевъ священнику сей церкви о. Мартыну, насильномъ уведеніи его въ митрополичій дворъ, остриженіи ему волосъ, поруганіи его и проч. 1601 г. [1]).

Выпис єкниг кгродских володимерскихъ.

Лѣта божего нароженья тисеча шестсотного первого мца геньвара девятого дня.

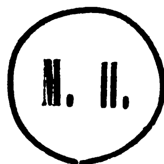
Што перве сего року теперешнего тисеча шессотного первого мца геньвара шостого дня писали и присылали и. м. панове Андрей и Александръ Заговорские до мене Григоря Собуха вощатинского наместника подстароства володимерского на вряд кгродски володимерски служебника своего пана Филипа чернца протестуючисе и соповедаючи на велебного вбозе ипатея влады-

[1]) Изъ подлинника, хранящагося въ архивѣ св. Васильевской церкви, доставлено священникомъ сей церкви.

ки володимерского и берестеиского и митрополита киевского втые слова иж от року теперешнего часу и дня недавноминулого зо дня четвергого мца генвара кгвалтечи покой посполитый и церковный вночи передоднемъ могло быт годы счотыри до дня на завтрее рожества Христова ведле календару старого наслалъ кгвалтовне на церков нашу вместе володимери будучую заложеня святого василья содвадцат особъ людей споегаками и вшелякимъ оружемъ войне належачимъ слугъ своихъ учинивши и придавши до того помочника исака долмацково томуто помененому отцу владице добре знаемыхъ имены и назвиски ведомых которые впадши до церкви зъкрикомъ великимъ застали там священика и слугу нашего духовного мартина уолтаря завтреню водле уставы и трибу давного отправуючого оного зуберу свещенического розшарпавши одно спетрахилемъ порвали и до помененого отца владыки яко злочинцу оного привели до церкви великое або до замочку которому обачивши его отецъ владыка рекъ хвала Богу поведи... (же)сте его привели и знакъ того сило нашии которыто священникъ нашъ. ... поведил ему на то жем ничого никому невинен и неукраломъ ничого пан владыка ему на то рекъ несправуйсе нецното и затым ему у губу дал и оного роскрывавилъ еще се тым не контентуючи але ку болшому нашему деспекту и желживости (поруганію) казал его убрати устихар и вризы и весь убер поповскій и келихъ (чашу) казал ему вруци отдат а сам отец владыка уступил наанбонъ (на амвонъ) а того священника нашого казал диаконови передсебе привести и той убер и речи священническиеоднегосамъ отобрал и взявши ножици голову начотыри стороны самъ стриг а потомъ давно чинови на то приспособленому стричи казал и всю голову оному острыжоно при которомъ насланю и найстью на церковъ пашу помененую подданые и мещане наши васильевские и иншие которые слухали слова Божого у завтрени того то исака долмацкого яко кгвалтовника церкви божое и взрушителя покою посполитого поймали и там же втой церкви замкнули и коня шерстъю мышатого зседломъ изуздою поймали то пакъ доведавшисе помененый отецъ владыка отом не контентуючисе такимъ учинкомъ уже пополненымъ але сам особою своею сприятелми изжолнерми и слугами своими и великою громадою людей ему самому имены и назвиски ведомыхъ праве могло быти третьеи годины на день тогож дня умыслне кгвалт кгвалтови

стосуючи натуюж церков нашедши замок одбит до церкви казал тогото кгвалтовника помененого через него первей посланого у церкви взяв антимис золтаря и агнец взял, который то свещеникъ стамтондъ (оттуда) отъ отца владыки ушедши до замку Его К. М. для спокойнейшого перемешканя и для беспеченства здоровя своего тамъ мешкал [1]), Яко и того коня помененого на врад отдал которого зась зуряду выручил и на рукоемство взял оферуюччисе его ставит когда того час будет и просилъ помененый служебник о придене возного на осведченье и огледане тыхъ знаковъ и кгвалту я ему на то возного шляхетного щасного злобоцкого придал который ставши втыежъ слова созналъ и тое протестации помененное потвердил же то так а неиначей было и нимъ есть обведено которая то протестация до книгъ принята и записана изъ скоторыхъ и сей выпис под печатю кгродскою володимерскою ест выдан писанъ у володимери.

Станиславъ Кандыба писаръ кгродски волод.



Кориговалъ ..а Т.... (подпись непрочитана).

II.

Копія жалобы православнаго духовенства и шляхты, кіевскаго, брацлавскато и подольскаго воеводствъ, на хелмскаго и львовскаго уніятскихъ епископовъ, на кіевскаго и брацлавскаго оффиціаловъ и вообще на унитское и католическое духо

---

[1]) Какой либо Падалица готовъ будетъ изъ этого заключить, что правительство польское защищало и давало убѣжище православнымъ гонимымъ отъ изувѣровъ уніатовъ: но тутъ нужно имѣть въ виду то, что владимірскій замокъ былъ тогда въ вѣденіи защитника православія князя Константина Острогскаго, подъ защиту котораго прибѣгали всѣ гонимые православные жители юго-западной Россіи—и находили ее у этого могущественнаго въ свое время русскаго вельможи.

венство и шляхту о причинении разныхъ насилій и гоненій православнымъ церквамъ и духовенству [1]).

Выписка изъ городскихъ Винницкихъ книгъ, Браславскаго воеводства. 1785 г. мѣсяца Генваря, 2-го дня.

(Переводъ съ польскаго).

Почтенные Оо. Лука Романовскій, священникъ Чечельницкій и Григорій Линевичъ, Протоіерей Гальницкій, явившись лично въ присутствіе городскаго Винницкаго Управленія и при мнѣ, Андреѣ Брудницкомъ, нынѣшнемъ намѣстникѣ винницкаго бургграфства, подали копію протеста въ акты, слѣдующаго содержанія: (1775 года 29-го декабря, въ Дашовѣ).

Мы ниже подписавшіеся, отъ лица всѣхъ протоіереевъ, священниковъ, отъ лица всей шляхты и всего греко неунитскаго народа, живущаго въ кіевскомъ, браславскомъ и подольскомъ воеводствахъ на основаніи общихъ правъ и привиллегій, пожалованныхъ греко не-унитамъ свѣтлѣйшими регентами и свѣтлѣйшею республикою польскою, равно какъ и отъ лица тѣхъ, кои изъ за очевидныхъ опасностей и открытаго преслѣдованія скрываются подъ маскою уніи, но именемъ, мыслію и духомъ соединены со всѣмъ греко неунитскимъ народонаселеніемъ, протестуемъ предъ лицемъ Всевышняго и предъ поставленными отъ Него властями и именно предъ винницкимъ городскимъ магистратомъ,—браславскаго воеводства, протестуемъ противъ Льва Шептицкаго, епископа львовскаго, Максимиліана Рыля, епископа хельмскаго, противъ ихъ оффиціаловъ—кіевскаго Михаила Примовича и браславскаго Ивана Любинскаго, также противъ гг. помѣщиковъ и разнаго рода арендныхъ владѣній коммисаровъ, губернаторовъ, военныхъ начальниковъ и вообще противъ польско-католической шляхты, находящейся въ упомянутыхъ воеводствахъ, т. е. въ кіевскомъ и браславскомъ, протестуемъ торжественно и предъ всѣмъ міромъ противъ тѣхъ неизреченныхъ насилій, преслѣдованій и му-

---

[1]) Изъ актовой градской винницкой книги, находящейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ.

ченій, какія причиняють они греко неунитамъ, и кои откроются въ нижеслѣдующихъ формальныхъ жалобахъ:

По всеподданѣйшей просьбѣ греко неунитскаго духовенства, поданной въ послѣднихъ числахъ Іюля 1774 г. его депутатами, почтеннѣйшими отцами Иваномъ Богдановичемъ, протоіереемъ граснянскимъ и Иліею Готошкевичемъ, протоіереемъ винницкимъ, свѣтлѣйшая республика польская, по сношеніи съ русскимъ министромъ, барономъ Шляхельбергомъ, опредѣлила, чтобы для прекращенія споровъ между унитами и не-унитами до особенно проэктируемой для этой цѣли коммисіи, обѣ партіи сохраняли миръ, и чтобы въ спорахъ ихъ войско не принимало участія. Такое милостивѣйшее постановленіе свѣтлѣйшей республики польской г. Млодзянскій, епископъ познанскій, и коронный канцлеръ, объявилъ вышеупомянутымъ депутатамъ для защищенія отъ нападенія унитовъ и въ тоже время убѣдилъ гг. унитскихъ епископовъ львовскаго, Льва Шептицкаго, и хельмскаго Максимиліана Рыля, чтобы они удерживали своихъ оффиціаловъ, декановъ и другихъ отъ преслѣдованія греко—неунитовъ, склоненія и принужденія ихъ къ уніи подъ какимъ бы то нибыло предлогомъ или видомъ. Кромѣ того тотъ же коронный канцлеръ своими оффиціальными письмами увѣдомилъ гг. помѣщиковъ, поссесоровъ, комисаровъ, чтобы они ни сами непосредственно, ни чрезъ своихъ подчиненныхъ, ни тѣмъ болѣе чрезъ военныя польскія команды не дѣлали разнаго рода насилій, обидъ и притѣсненій греко—не—унитамъ. И однакожъ вмѣсто того, чтобы повиноваться этому благоразумному распоряженію и убѣжденію свѣтлѣйшей республики, вмѣсто того, чтобы исполнять ихъ, почтеннѣйшіе отцы Михаилъ Грилевичъ, епископъ кіевскій и Іоаннъ Любинскій, епископъ браславскій и ихъ оффиціалы, пошли прямо наперекоръ опредѣленію свѣтлѣйшей республики. И во первыхъ, посредствомъ секретной корреспонденціи они побуждали пановъ притѣснять священниковъ не—унитовъ, не давая имъ земли, сѣнокоса, взимая съ нихъ десятину съ пасѣки, а народъ, стоящій за греко—не—унитскую религію, совѣтывали притѣснять и склонять къ уніи разными тяжелыми работами. Такія же секретныя письма писали они къ разнымъ начальствующимъ лицамъ, убѣждая ихъ принуждать громаду въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ къ подпискѣ въ пользу уніи, по изданной ими пунктуальной информаціи, вынуждать у ней публичное отреченіе

въ консисторіи кіевской и браславской отъ религіи не—унитской и клятву въ религіи унитской, а за тѣмъ по совершеніи этаго измѣнническаго обряда со стороны громады, отнимать у священниковъ не—унитовъ церковные ключи, вынимать окна церковныя, самихъ же священниковъ, отнявъ у нихъ все движимое и не движимое имущество, выгонять изъ домовъ, изъ селъ, а громаду, еслибы она не захотѣла свободно исполнять этаго распоряженія, жестоко бить и вѣшать, и такимъ образомъ принуждать къ исполенію задуманнаго ими дѣла. Въ своихъ универсалахъ они объявляютъ греко неунитскихъ епископовъ отступниками, схизматиками, таинства восточной православно христіанской церкви—не имѣющими никакого значенія и потому не допускаютъ, даже прямо запрещаютъ народу принимать послѣднія отъ священниковъ не-унитовъ. Доказательства такого поруганія—въ нижеслѣдующихъ пунктахъ. Эти дѣйствія почтеннѣйшихъ оо. Михаила Примовича, Іоанна Любинскаго и оффиціаловъ-унитовъ вызвали со стороны пановъ владѣльцевъ страшныя притѣсненія не-унитскаго духовенства и народа, а какія именно, видно изъ слѣдующихъ ясныхъ и праведныхъ фактовъ:

П. Гаджичь, генералъ королевскаго войска, и князь Шуйскій, удаливши священниковъ изъ своихъ имѣній, находящихся въ фастовскомъ протоіерействѣ, выгнали ихъ изъ собственныхъ домовъ, конфисковали все ихъ движимое имущество, и такимъ образомъ довели ихъ до окончательнаго разоренія. Подробности этого дѣла покажутъ пункты. П. Вольницкій, въ крайнемъ поруганіи не-унитскаго духовенства, забилъ въ тѣсные кандалы не-унитскаго священника Григорія, изъ прихода черногородскаго, и ключь отъ нихъ забросилъ въ бурьянъ. Для защиты этаго священника была прислана полковникомъ Тарнавскимъ русская команда, она взяла мучившагося отъ тяжкой боли священника, положила его на возъ съ кандалами и отправила въ Бѣлую Церковь. Весь народъ, находившійся здѣсь въ это время, помнитъ, какъ стыдно и тяжело было ему видѣть, что ключь отъ кандаловъ заброшенъ въ бурьянъ, и какъ кузнецы должны были употребить все свое искуство для того, чтобы молотомъ разбить кандалы. Другія притѣсненія и насилія со стороны разныхъ пановъ унитовъ, особенно же убійство священника не-унита въ селѣ Сѣгировкѣ, будутъ изложены

въ пунктахъ. Въ протоіерействѣ феліевскомъ, экономъ феліевскаго ключа п. Порплевичь, феліевскій губернаторъ Яницкій, пятигорскій—Зелинскій, гатаецкій—Козловскій, отнявъ отъ неунитскихъ церквей ключи, выгнали священниковъ изъ домовъ и арестовали ихъ.

Тотъ же губернаторъ Козловскій у приходскаго гатаецкаго священника Павла Фековскаго отнялъ все движимое и недвижимое имущество и представилъ его въ панскій дворъ. Аренддный владѣлецъ села Пархомовки п. Стембоцкій разрушилъ собственный домъ неунитскаго священника Григорія Семячевскаго, а его самаго совсѣмъ выгналъ изъ села. Въ животовскомъ протоіерействѣ, униты, при содѣйствіи тамошнихъ помѣщиковъ, поотнимали церковные ключи, а священниковъ повыгоняли изъ ихъ собственнымъ домовъ. Такимъ образомъ помѣщикъ Оранскій, владѣлецъ оратовскаго имѣнія, приказалъ одну не-унитскую церковь въ Оратовѣ сжечь со всѣми ея принадлежностями, а въ другой церкви страшно мучилъ священника въ самый праздникъ Успенія Божіей Матери, весь его скотъ морилъ голодомъ, держа въ заперти три дня и три ночи, не давая ему ни ѣсть, ни пить, забралъ хлѣбъ: жито, пшеницу, забралъ пасѣку, сжегъ хуторъ, народу запретилъ ходить въ церковь православную, насильно присоединялъ его къ католической церкви и дѣлалъ другія неслыханныя насилія. Въ протоіерействѣ уманскомъ, п. Ворцель, галицкій каштеляничъ, приказалъ балабановскому губернатору насильно отнять церковные ключи у шуметскихъ священниковъ и отдать ихъ унитамъ. Маіоръ короннаго войска, п. Мощенскій, желая силою отнять всѣ не-унитскія церкви, по возвращеніи изъ Бѣлой Церкви, тотчасъ велѣлъ запереть мѣстечко Умань и призвавши къ себѣ мѣщанъ и уманскую громаду, сказалъ имъ: вотъ пріѣхалъ тотъ, кто будетъ снимать кожу съ вашихъ головъ, и такъ, чего желаете: благочестія ли, или уніи? Напуганные мѣщане греко неуниты отвѣчали двусмысленно: «намъ що піпъ, то и батко.» Тогда Маіоръ закричалъ: не такъ канальи, чѣмъ желаете вы быть, унитами или благочестивыми? Знайте, что я—унитъ, а если панъ—унитъ, то и вы—униты, и за тѣмъ прибавилъ: «подписывайтесь на унію.» И мѣщане, боясь смерти, подписались. Если священники не хотѣли отдавать церковныхъ ключей, маіоръ Мощенскій приказывалъ даже въ Умани, силою отбить церкви

или вынимать окна и народъ трехдневною осадою мѣстечка и страхомъ принудилъ подписаться на унію. Такимъ же насильственнымъ образомъ онъ приказалъ отбирать церкви во всемъ уманскомъ округѣ, а не желавшихъ отдавать ключи или подписываться на унію, разрѣшилъ бить до смерти, у священниковъ неунитовъ приказалъ брать по 20 N чиншу, отнимать у нихъ скотъ—воловъ, коровъ, овецъ, пасѣку, выгонять ихъ изъ собственныхъ домовъ и за тѣмъ изъ селъ и дѣлать разныя другія непріятности. Подробно объ этомъ будетъ сказано въ пунктахъ. Въ протоіерействѣ смѣлянскомъ, тринадцатаго сентября 1775 года, Александръ и Іосифъ Любомирскіе, сыновья кіевскаго воеводы, по прибытіи въ свое родовое имѣніе, въ Смѣлу, тотъ часъ же приказали отнять ключи отъ неунитскихъ церквей и въ тоже время дали распоряженіе г. Лапчинскому отбирать церкви во всей смѣлянской волости. Когда между прочимъ окончили церковь въ селѣ Матусовѣ, унитскій священникъ Василій, къ крайнему униженію греко неунитовъ, скоблилъ и выбрасывалъ землю, по которой ходилъ въ алтарѣ священникъ неунитъ, а книги, мѣста и стѣны обмылъ святою водою, какъ бы очищая ихъ отъ еретиковъ и поганыхъ язычниковъ, и объявлялъ ихъ предъ народомъ проклятыми.

Другой унитъ въ селѣ Лазоволѣ, по приказанію своего помѣщика Сѣнецкаго, разрушилъ до основанія неунитскую церковь, построенную съ позволенія епископа переяславскаго и запретилъ возстановлять ее, а нѣкоторыхъ священниковъ неунитовъ выгналъ изъ ихъ собственныхъ домовъ. Подробнѣе будетъ говориться о всѣмъ этомъ въ пунктахъ. Въ протоіерействѣ франовскомъ въ первыхъ числахъ Іюля прошедшаго 1774 года арендный владѣлецъ села Огримовки п. Трембинскій три раза смертельно билъ неунитскаго священника Гавріила Апаловича, билъ или самъ непосредственно, или приказывалъ бить своему слугѣ Ластовицкому, въ первый разъ—на жидовскомъ смѣтникѣ, предъ корчмой, во второй разъ среди села, на мосту, а въ третій разъ при воротахъ панскаго двора. Не считая пощещинъ, ударовъ палкою по головѣ и по бокамъ, священнику отсчитали болѣе четырехъ сотъ ударовъ. И однакожъ дѣло покончилось въ настоящій годъ полюбовной сдѣлкою: п. Трембинскій повторилъ туже операцію надъ неунитскимъ священникомъ Гавріиломъ Апаловичемъ, а его скотъ до сихъ поръ дер-

житъ подъ арестомъ. Приходской куболовскій священникъ унитъ, Григорій Шумскій, напалъ съ сотникомъ и кубаловскими козаками на домъ священника неунита Антонія Дыдынскаго, въ селѣ Николаевѣ, и хотѣлъ браковѣнчать дочь сотника Грановскаго, неунитку и прихожанку священника Дыдынскаго. А когда священникъ неунитъ Антоній сталъ убѣждать *каплана*, что трактатъ 1768 года запрещаетъ всякія насилія, унитъ обругалъ его, объявилъ проклятыми и ничтожными греко неунитскія таинства, и, вышедши съ бранью изъ дома священника, напалъ съ сотникомъ и козаками кубаловскими на домъ сотника Грановскаго, схватилъ его дочь неунитку, насильно ввелъ ее въ унитскую церковь въ селѣ Мышковѣ и самъ браковѣнчалъ безъ исповѣди и свидѣтелей, объявивъ, что ксендзъ Кюбинскій, брацлавскій оффиціалъ желаетъ, чтобы схизматики не браковѣнчали въ чечельницкомъ протоіерействѣ. Пятаго сентября 1775 года князь Александръ Любомірскій, сынъ побрещинскаго воеводы, пріѣхавъ въ свое имѣніе въ мѣстечко Чечельникъ, отобралъ ключи церковные и церкви отдалъ унитамъ, чечельницкаго протоіерея Луку Романовскаго со всѣмъ его семействомъ и движимымъ имуществомъ арестовалъ. Приставленные къ арестованнымъ козаки пробрались въ амбаръ и утащили оттуда множество вещей; наконецъ п. Іокарчевскій, чечелинскій губернаторъ, сильно избилъ протоіерейскаго слугу и въ отсутствіи самаго протоіерея выгналъ изъ собственнаго дома его жену съ семействомъ. П. Николай Мрачковскій, комиссаръ чечельницкаго ключа, всѣ православныя церкви отдалъ унитамъ, а на священниковъ неунитовъ наложилъ чиншовыя повинности и доставку фуража и силою, посредствомъ экзекуцій, заставилъ отбывать ихъ.

Винницкій судья, п. Георгій Смицинскій, отнялъ церковь въ селѣ Рогачѣ и отдалъ ее унитамъ, а съ священника этого села взялъ довольно значительный оброкъ (чиншъ), побилъ церковнаго пономаря, а его жена сильно избила самаго священника, давъ ему болѣе двухъсотъ ударовъ и тирански высѣкла тамошняго дьячка. Арендный владѣлецъ села Пирозней п. Волянскій обратилъ церковь православную въ унитскую, а отъ приходскаго священника неунита Тимоѳея насильно взялъ N оброку (чиншу). Въ протоіерействѣ ришновскомъ вышеупомянутый п. Николай Мрачковскій отобралъ всѣ православныя церкви

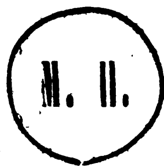
для унитовъ, а правителя Петра Степановича со всѣмъ его семействомъ выгналъ изъ дому. Въ камницкомъ протоіерействѣ п. Нѣвпадомскій, гальницкій губернаторъ, возбужденный ксендзомъ Любинскимъ браславскимъ оффиціаломъ, послалъ своихъ людей въ церковь въ послѣднихъ числахъ сентября 1775 года и они во время вечерни насильно отняли ключи, побили священника и порвали на немъ кафтанъ. Губернаторъ гайсынскій, п. Фельштынскій, насильно отобралъ церкви: гайсынскую, карбовецкую и мелинскую, выгналъ изъ селъ священниковъ неунитовъ и забралъ ихъ скотъ. Почтеннѣйшій ксендзъ Любинскій, браславскій унитскій оффиціалъ насильно отнялъ православныя церкви въ селахъ Каменскѣ и Зозовѣ. Въ томъ же 1775 году 3 го іюня ксендзъ Скочинскій благословилъ въ амбарѣ бракъ дочери Даніила Вербицкаго—греко неунита, благословилъ по приказанію ксендза оффиціала Любинскаго, который призналъ, что бракъ неунитовъ не имѣетъ никакого значенія и потому незаконно уничтожилъ второй бракъ. Губернаторъ дашовскій, п. Вольскій, отобралъ церковныя земли, половину церковнаго хутора и прудъ отдалъ жиду, дашовскому арендатору, позволилъ выкосить церковный сѣнокосъ, опредѣленный эрекціей, (фундушемъ) и обмежованный въ прошедшемъ году королевскимъ землемѣромъ, а въ настоящемъ году выкосилъ замокъ. Въ протоіерействѣ немѣровскомъ п. Винцентій Потоцкій, коронный подполковникъ, своею собственною властію наложилъ въ помянутомъ году 1775 3-го октября, запрещенія на всѣ неунитскія церкви, запрещая всякое богослуженіе, и даже до настоящаго времени всѣ эти церкви остаются запечатанными, забралъ священническіе пасѣки, изъ коихъ однѣ поставилъ въ степнинѣ, а другія велѣлъ выбить, и дѣлалъ всякія другія непріятности и притѣсненія. Эти нападенія на греко неунитское духовенство, эти удаленія его изъ городовъ, селъ и мѣстечекъ открывали свободный доступъ къ греко неунитскимъ приходамъ ксендзамъ официаламъ—кіевскому Михаилу Примовичу и брацлавскому Іоанну Любинскому, а епископъ львовскій Левъ Шептыцкій уже назначилъ на эти же греко неунитскія бенефиціи (приходы) новыхъ кандидатовъ. И такими средствами предоставленными пп. родовыми и арендными владѣльцами они старались совершенно изгнать и истребить греко неунитовъ.

Другія большія притѣсненія и насилія, причиненныя греко неунитскому духовенству и народу, будутъ изложены въ свое время и доказаны пунктуально. Теперь снова и самымъ торжественнымъ образомъ, повторяя свою просьбу, подписываемъ собственными руками. Данъ въ Дашовѣ 20-го Декабря 1775 года.

На этой копіи протеста находятся слѣдующія подписи какъ представителей, такъ и другихъ лицъ: фастовскій протоіерей греко неунитъ, Алексѣй Тендзеіовскій; православной тетіевскій протоіерей Іоаннъ Родзимовскій; животовскій протоіерей неунитъ Семенъ Перфовскій; уманскій протоіерей неунитъ Кириллъ Земницкій; православный смѣлянскій протоіерей Іоаннъ Войнарскій; православный прановскій протоіерей Іоаннъ Строцкій; православный чечельницкій протопопъ Лука Романовскій; православный камницкій протопопъ Григорій Ленковичъ; правитель рашковскаго протоіерейства Петръ Стефановичъ; православный чигиринскій протопопъ Максимъ Левицкій; православный маршевскій протопопъ Маркъ Клиницкій; православный черногородскій священникъ фелієвскаго протоіерейства Григорій Гота; священникъ Павелъ Сенковскій (неизвѣстно откуда). Мѣстечка Дашова священникъ О. Степанъ Корицкій и Яковъ Башкевичъ. Мѣстечка Липовца, изъ села Мельницъ, священникъ Степанъ Данилевичъ. Эта копія прописана буквально, записана въ мѣстныхъ городскихъ книгахъ, изъ которыхъ сдѣлана и выдана за городскою винницкою печатью и эта выписка. Писано въ Винницѣ.

Correxit Popławsky.

Egi cum actis Zegrzda.



№ 28.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

I.

Благословенная и утвердительная грамота кіевскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго на учрежденіе церковнаго братства въ Каменецъ-Подольскѣ, при Петро-павловской церкви. 1736 г. [1]).

Аѳанасій на Шептицахъ Шептицкій Божіею Милостію, и Святаго Апостолскаго Ѳрону Архи-Епископъ Митрополита Кіевскій, и всея Россіи, Епископъ Лвовскій, Галицкій, и Каменца Подольскаго, Архимандрита Кіеѵо-Печерскій, и Уневскій.

Всѣмъ обец (вообще), и каждому зъ особа отомъ вѣдати желающимъ, нынѣшняго инапотомъ будущаго вѣка, Духовнаго и мирскаго стану людемъ, въ Православіи святомъ обрѣтающимся; истиннымъ Церквы восточныя сыномъ Благодать Божая, и Нашего смиренія Благословеніе Архіерейское всегда даумножится. Видомо чинимъ симъ листомъ нашимъ благословеннымъ: ижъ заединостайною намовою въ несена донасъ была прозьба, Благочестивыхъ и Христолюбивыхъ ПП. Братства Церквы, Святыхъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, Мѣста Каменца Подольскаго, Абысьмо имъ Духовный Братства союзъ устроити, и въ немъ пребывати поблагословили: Мыже видяще ихъ огнемъ Святаго Духа, и любовію Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла палающихъ сердцемъ и душею, Пастирско возрадовахомся, вѣдяще яко ничтоже сего дѣла болше естъ. Сіе недостатствующимъ споможеніе, плѣнныкомъ во узахъ сущимъ свобожденіе: Нагимъ одѣяніе; страннымъ пріютелище: Печальнимъ утѣшеніе, скорбящимъ радости: бѣдствующимъ помощъ инеизреченныя Добродѣтели, Церквамъ огражденіе, украшеніе, и велелѣпіе, и Имже всяческая состоятся во всѣхъ, по Святому Апостолу

[1]) Сообщено изъ львовскаго ставропигіальнаго архива.

Іоанну, тако вѣщающу! Аще другъ друга любимъ, Богъ въ насъ пребываетъ, и любы Его совершенна естъ внасъ. О семъ разумѣемъ яко внемъ пребываемъ, ионъ вънасъ, ако отъ Духа своего далъ естъ намъ. Богъ самъ любовъ естъ, и пребывающъ волюбвѣ, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ вънемъ. Такожде и Павлу Апостолу (ко Коріѳ, зач. 153) глаголющу: Аще языками человѣческими глаголю и Ане.іскими, любеже неимамъ, быхъ аки мѣдь звинящая, или кимвалъ звяцая, и Аще имамъ Пророчество и вѣмъ тайны вся, и весь разумъ, и Аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любвиже неимамъ ничтоже есмъ. и Аще раздамъ вся имѣнія моя, и Аще предамъ тѣло мое воеже сожещи е, любве же нимамъ, никая ми польза естъ. любве долготерпитъ, любы милосердствуетъ любы незавидитъ, любы непревозносится, негордитъ, небезчинствуетъ, неищетъ свояси, Нераздражается, невмѣняетъ злое, нерадуетъся онеправдѣ, Радуетжеся Истинѣ, вся любитъ, всему вѣруетъ, вся терпитъ, любы николиже отпадаетъ. Сіе же дѣло союзъ Братства по Благословивши Духовнаго, неиное что, точію любовъ, а любовъ Божая: накоторое ихъ предреченныхъ Пановъ Братства соизволивши, сицевій уставъ нивчомъ непорушно повелеваемъ держати.

Вопервыхъ

Хотячи въ Ступити до Брацтва, маетъ лучшаго ради порядку, и Храненія, Артикуловъ нижей описанныхъ обѣтъ въ Церквы предъ Амъбономъ стануввши учинити на Еvангеліи таковій.

Во имя Отца, и Сына, и Духа Святаго. Аминь.

Я, имярек: въступуючи до Святого сего Церковнаго Братства, Присягаю, и Обѣщаюся Господу Богу Всемогущему, во Тройцы Святой Единому, и всему Брацтву сему, всею душею моею, чистымъ же и цѣлымъ умысломъ моимъ, быти въ Брацтвѣ семъ, при Церъквѣ, Святыхъ Верховныхъ Апостолъ Петра, и Павла, яко единъ отъвѣрныхъ Братій, допослѣдняго моего часа не отъступати, ниже Артикуломъ даннымъ сопративлятися,

но вовсемъ оніе хранити и совершенно исполняти; Такъми Господи помози, и дапрійдетъ намя Благодать Божія, миръ, и Милость, и Благословеніе, данное Братству сему во вѣчніе роды.

Апотомъ маетъ каждій человѣкъ, Хотячи соединитися, въ Сіе Брацтво принятый, и въписанный въ Метрику Братерскую быти. отъчого до Скринки Братерской фунтъ воску повиненъ будетъ двти.

Братія въписанніи повинны будутъ всѣ Единостайне безъ вимовокъ жадныхъ, оставивши каждій оказіи, и Привати свои сего свѣтніи, анайбарзѣй, подъ часъ Святъ, Праздниковъ, и недѣль, до дому спокойнаго, некорчемнаго; Але нато имъ умыслне обраннаго, Любъ (или) тежъ до дому Старшаго Брата сходитися, и Тамъ спокойне, зъ Боязнію Божіею чинно засѣвши порядне, провѣдовити, ирадити о Добру Церквы Святой непрекословячи Единъ другому, такъ менній старшому, яко и старшій молодшому. Егда же восвояси отходити время найдетъ, Повиненъ каждій Братъ до скриньки потри Грошѣ вложити.

Настаршихъ Братій, и молодшихъ, Каждого року, всѣ Братія, о Недѣли Святого Апостола Ѳомы мѣти Елекцію повинны: и Любъ (или) прешлорочъныхъ вислухавши Соборне, зъ Приходовъ, и расходовъ рахунку (отчетъ) притойже функціи заховати; Любъ ново инныхъ обрати старшихъ двохъ и молодшихъ двохъ; Которіи маютъ чистимъ сумленямъ навѣрность вовшелякихъ речахъ, Ассекуровати Братіи; и непривлащати (усвоивать) себѣ; Богу, и Верховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу, зъ Офѣрованныхъ Легацій [1]), и приносовъ ко Церквы Святой мѣютъ Промыслъ, и стараніе пилное (усердное) чистости.

Скринка Братерская, маетъ быти въ Едного Брата Старшаго, а ключъ отъ неи такожъ въ Единаго молодшаго, Которой сами два неповинъни николиже; нотилько въ схадцѣ отъмикати.

Братъ Брата сошедшися въ схадцѣ долженъ честію болшо творити отъ себе. и Ащеби единъ другаго словомъ сукорилъ, маетъ вины чтири фунти воску дати, и неотъходне перѣдъ Братіею оскорбленнаго перапросити. Оскорбленній же повиненъ

---

[1]) Пожертвованныхъ вкладовъ.

простотою сердца Богобоязненно ко Прощенію склонитися. Аще же навадній, ивиновній Братъ непріиметъ покори заразъ на себе, инеотъходне брата оскорбленнаго неперепроситъ передъ Братіею, виненъ буъетъ фунтовъ десять воску дати, и надзвонници въ Недѣлю по Службѣ Божой годинъ (часовъ) чтири сѣдѣти, Апотомъ перепросити Брата.

Ежелибы Порвался Единъ на Другаго, и ударилъ чимъ кольвекъ; Судомъ отъ Священника, и отъвсей Братіи караній в вынами прикритій, и осужденній да будетъ. А которійбися тимъ неконтентовалъ (неудовольствовался); таковій маетъ зъ Каталіогу Братерскаго быти вимазанній.

Маютъ тежъ Братія Еденъ Другаго въ припадкахъ въСпомагати, и ратовати (спасать), и Нетилько сами себе но и Инныхъ Христіянскихъ Людей; А особливе; Ежелибы Братъ которій въ Недостатчество подъупалъ, повинни Братія Церковними Пѣнязями Его подъпомагати.

Которій би тежъ Братъ, сТого свѣта преставитися моглъ, всѣ Еднодушно собравшися въ домъ его маютъ сосвѣщами и Иннымъ устроеніемъ, подлугъ Обычаевъ Древныхъ Христіянскихъ до Гробу зъ Почестію запровадити ко Церкви, и Молитвы належніе сотворше, тѣло яко долгъ земли отъдати: о Души же чрезъ Молитвы Священника должни провѣдовати. Такожъде обиноплеменныхъ, о убогихъ, и остранныхъ людехъ Попеченіе достоитъ имѣти

Актоби будучи въСіе Духовное, си рѣчъ Христово Братство, невписаннымъ жичилъ (желалъ) собѣ Братерскимъ обрядкомъ похованъ быти; Кревній его маютъ за тое до Скриньки пулътори гривни дати.

Братъ каждій длясвоеи привати (личныхъ видовъ), и гнѣву якого, немѣетъ волѣ токовой; абы въПисавшися всей любве Братеръской компутъ, знову вписалъся, данехулу на Святая наведетъ: развѣ сами Братія, викрочнаго (преступнаго), злосливаго, дерзостнаго, и Непокаяннаго сердцемъ, екскдюдовати соборне зъ Священныкомъ нарадившися, зъ Лику своего аки гнилій удъ цалие. Ажъ надень откровенія Божія гнѣва, маютъ иповинни будутъ.

Каждій человѣкъ Христіянскій, посторонній, и поближній, Духовній, Шляхетній, купецъ, и вшелякой кондицій, вписавъшися въ Сіе Брацтво, Повиненъ бывати въ схадцѣ въ Недѣль чтири, и Грошій шесть до скринки дати. Актобы такъ задале-

костію края немоглъ бывати, то принаймнѣй въ чверть Року (года), въ Пулъ Року, Альбо и въ цѣлій Рокъ, долженъ есть бывати въ сходцѣ, и раду Братерскую мѣти, и повинъность дорочную до Скриньки отъдавати.

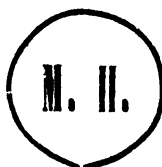
Прочіи зде жіючіи Братія подлугъ описаня вышшого маютъ рядитися, и писаній на Ползу Душевную отъ Священника послушати; Которому яко Отцу своему въшелякую належитую почесть, Реверенцію, и пошанованя отъдавати, Заховуючи его привсѣхъ належитихъ доходахъ, ипривиліегаціяхъ: Которіи для Особливъшихъ Молитвъ хоріи звыкли чинити. Що зась церквы отъкого будетъ ліеговано (вложено) Того анѣ Священныкъ, анѣ Братія на свой пожитокъ (пользу) привлащати неповинъни; по тилько на Церковный.

Сего ради, и Мы Братерскій Каталіогъ, соизволили Благодатію и Поспѣшеніемъ всесилнаго Господа Бога, и Святыхъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла Помощію, дабы во всемъ Церковь Божія имѣла благолѣпіе, и украшеніе въ обрядкахъ своихъ: Такожде абы во всякомъ строеніи Благочестномъ зоставала, и въмѣрѣ совершенномъ, во Брятолюбіи нелицемѣрномъ, во вѣрѣ непостидной всегда Сіяла, и отъ всѣхъ тыхъ Братій, аки отъ Возлюбленныхъ Братій чадъ своихъ любима, ивездѣ хранима была, наказуемъ.

Притомъ молимъ васъ Пастирско, слови: Святаго Апостола Павла, Достоини ходите званію, внеже званны бысте совсякимъ смиренномудріемъ, и Кротостію, со Долготерпѣніемъ, терпяще другъ друга любовію, Тщащеся блюсти единеніе Духа, въ Союзѣ мира. Едино тѣло, и Единъ Духъ, якоже и званны бысте во единомъ уповаціи званія вашего. Единъ Господь, Едина вѣра, Едино Крещеніе, Единъ Богъ и Отецъ всѣмъ и Паки глаголетъ (ко Галат. зач. 258). Облецѣтеся якоже избранніи Божіи Святыи, и возлюбленніи, во утробу щедротъ, благость, смиренномудріе, кротость, и долготерпѣніе пріемлюще Другъ Друга, и прощающе себѣ; Аще кто на кого иматъ пореченіе? Яко и Христосъ простихъ есть вамъ, Такожде и вы, надъ всяже сыя стяжѣте любовь, яже есть союзъ совершенъства, и миръ Божій да водворяетъся во васъ богатно во всякой Премудрости, Учаще и вразумляюще себе самѣхъ Псалъмы, Пѣніи и Пѣснъми Духовными, во Благодати поюще во сердцахъ вашихъ Господеви. И сего ради восвѣдительство истинъ-

нос Рукою Власною при Звыклэй Печати сіе цисмо подписуемъ. Данъ въ Катедрѣ Lvowskiey дня 1 Мѣсяца Мая 1736 Року

Аѳанасій Архіепископъ Метрополита



II.

Порядокъ школьный,

или Уставъ Ставропигійской школы въ Львовѣ 1586 года.

(Сообщено изъ Львова профессоромъ университета Я. Ѳ. Головацкимъ).

Наша галицкая или подкарпатская Русь никогда не отставала, въ дѣлѣ просвѣщенія и образованія, отъ другихъ народовъ. Она всегда стремилась въ лицѣ своихъ представителей напередъ; даже въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ предки наши пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ къ учрежденію благополезныхъ заведеній, къ подкрѣпленію упадающей народности, къ поднесенію народнаго духа. Въ самыхъ опасныхъ временахъ соединялись передовые люди нашего народа къ общеполезнымъ цѣлямъ и смѣло ставили отпоръkознямъ злоумышленныхъ противниковъ. Найболѣе лежало у нихъ на сердцѣ умственное образованіе и воспитаніе юношества въ народномъ духѣ.

Учрежденіе школъ вообще на Руси, а слѣдовательно и въ Червоной, современно крещенію Руси. Уже Владиміръ Вел. осно-

валъ школу и приводилъ дѣтей на книжное ученіе, тоже дѣлалъ сынъ его Ярославъ и другіе князья наслѣдники ихъ. Не только въ монастыряхъ и при епископскихъ каѳедрахъ издревле заводились училища, но учреждались школы во всѣхъ большихъ городахъ, и если при церкви Успенской львовской было братство, оно, безъ сомнѣнія, по давнему обычаю, удерживало и школу. Митрополитъ Кипріанъ возобновлялъ во время татарскаго разгрома, упадшія училища и возстановлялъ книжное ученіе на Руси.

Послѣ великихъ переворотовъ политическихъ и религіозныхъ въ западной Европѣ началось стремленіе къ всеобщему просвѣщенію. Во всѣхъ большихъ городахъ заводились училища или учебныя коллегіи. Въ тоже время совпадаетъ исправленіе учебной системы въ школахъ во всей Европѣ. И наша Русь, прикоснувшись къ западу, посредствомъ Польши, съ которою неумолимая судьба связала насъ на долгіе вѣки, не замедлила воспользоваться лучшими нововведеніями того времени. Въ XVI столѣтіи славился нашъ Львовъ просвѣщенными людьми не только между духовенствомъ, но и между почетними мѣщанами, какъ напр. Макарій Тучапскій, Семенъ Сѣдляръ [1]) и др. И въ

---

[1]) Макарія Тучапскаго, львовскаго мѣщанина избрали духовенство, шляхта, мѣщане и все посполъство закона греческаго православнаго въ намѣстника митрополичьего, который послѣ посвященъ былъ въ епископа львовскаго. Князь Курбскій, ревностнѣйшій поборникъ православія на Волыни, удостоилъ великой, по тому времени, чести письменнаго сообщенія и личнаго совѣщанія въ дѣлахъ вѣры съ просвѣщенными мѣщанами львовскими. Въ доказательство тому приводимъ письмо его къ мѣщанину львовскому **Семену Сѣдлярю**, котораго князь называетъ своимъ любимымъ братомъ и единовѣрнымъ другомъ: **Посланейцо краткое Андрея кн. Курбскаго къ Семену Сѣдлярю, мѣщанину Львовскому, мужу честному, о духовныхъ вещахъ вопрошающему.**

О превозлюбленный мой брате, правовѣріемъ украшенный!

Епистолію твою пріяхъ, и прочтохъ, и выразумѣхъ, и познахъ въ тобѣ искры отъ Божественнаго огня возгореніемъ являе-

томъ нашемъ русскомъ Львовѣ нашлись мужи умные, свѣдующіе, ревностные къ своему родному языку и къ православію и по внушенію патріарха антіохійскаго Іоакима учредили 1586

мыя. А желалъ еси насъ о духовной вещи, нжъ нѣцыи раскольники, взявши предъ себя упрямство, и отъ Оригенянъ будучи наквашены, утверждають, и на свидѣтельство ереси своей приводяще Апостольское слово, яко писалъ еси къ намъ во епистоліи своей. Твоя же честность, ревность ко благочестію имуще, хотяще ся Учителя вселенскаго толкованія о семъ довѣдати, яже златыми усты протолковалъ Павловы епистоліи: свыше благодать отъ Животворящаго духа пріемши, желаніе Твое исполнихомъ безъ закоснѣнія, не фольгуючи, или не щадячи старость и недуга, мнѣ належащаго и прочихъ приключившихъ ми ся напастей, вскорѣ преложихомъ отъ римскаго языка во словенскій, не токмо о семъ реченный виршъ или стихъ, но всю цѣлую бесѣду оную и со нравоученіемъ, и послахомъ къ твоей Честности, брату моему любимому и другу единовѣрному, послушливъ будучи во всемъ по любви духовной. А Вашей Милости прошу: пріими сей мой подарокъ духовный завдячно, и внимай, читаючи себѣ, и услаждайся имъ со правовѣрными восточныхъ церквей; а схизматикомъ онымъ не показуй того, ани споруйся съ ними: бо зело сварливы и упрямы; бо и Апостолъ великій не совѣтуетъ сваритися, а ни супротивитися, пишущи ко Апостолу Тимоѳею о семъ, мужу благодати исполненному сущу и пророчества дарованіемъ украшенному. А проси отъ мене отца **Мины** [1]), иже бы мя навѣдалъ, или самъ потщися навѣдати мя, прошу тя въ тѣхъ приключившихъ ми ся бѣдахъ; аще бы могло быти, тогда благодать духа на помощь призвавши, усты къ устомъ бесѣдовати о томъ будемъ, како съ ними подобаетъ поступовати, да не возмогутъ противитися правдѣ: бо имъ есть обычай въ томъ, зѣло искусными силлогизмами поганскихъ

---

[1]) Отецъ Мина, монахъ и типографъ въ св. Онуфрейскомъ монастырѣ во Львовѣ.

г. первую того рода школу или коллегіею во Львовѣ, которая процвѣтавши нѣсколько вѣковъ, воспитала много знаменитыхъ мужей для Руси, и есть незыблемымъ памятникомъ народнаго сознанія нашей Руси и ревности граждан львовскихъ къ своей народности и праотцовскому православію. По образу львовской школы заводилились другія братскія училища. Наши школы отличались тѣмъ отъ польскихъ, чешскихъ и другихъ европейскихъ, что въ нихъ не мучили дѣтей схоластически-варварскою латинщиною, а обучали на природномъ русскомъ или церковномъ (т. е. славяно-русскомъ), совершенно понятномъ для народа языкѣ. Еще въ 1860 г. мы въ особой статьѣ (Зоря Галицкая, Альбумъ) извѣстили о братской Ставропигійской школѣ, нынѣ помѣщаемъ тутъ въ дополненіе оной подлинный уставъ братской школы. До сего времени уставъ братства луцкаго (съ 1620 г.) считался найдавнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ, изъ котораго можно было узнать о внутреннемъ устройствѣ юго-западныхъ русскихъ училищъ, авторъ Исторіи Кіевской Академіи утверждаетъ, что луцкая школа «всего вѣроятнѣе заимствовала свой уставъ у кіевской» [1]). Напротивъ того примѣчено было нами въ статьѣ нашей, что львовская Ставропигія учредила «первое братство,» устроенное и подтвержденное патріархомъ; оно служило образцемъ для учрежденія виленскаго, кіевскаго, луцкаго, могилевскаго и др. [2]). Нынѣ потверждаемъ это и прибавляемъ, что и первый уставъ получила львовская школа, отъ

философовъ, смѣшавши ихъ со упорностію своею истинѣ Евангельской софистизмами сопротивлятися, и проповѣдь Апостольскую разоряти, а паче же на таковыхъ нападаютъ и сопротивъ тѣхъ возмагаютъ, которые зброи оружія отъ священнаго писанія аще и имѣютъ, а дѣйствовати ими не умѣютъ, и сопротивлятися врагомъ неискусны. Мудрому и разумному довлѣетъ. Данъ въ Милетовичъ року (15) 80, мѣсяца Генваря. **Андрей кн. Курбскій и Ярославскій.**

[1]) Исторія Кіевской Академіи, соч. воспитанника ея Іеромонаха Макарія Булгакова. Спб. 1843, стр. 23.

[2]) Начало и дѣйствованіе ставропигійскаго братства въ Львовѣ по отношенію историко-литературному.

которой всѣ другія, не исключая и кіевской, заимствовали свои уставы. Въ доказательство сему приводимъ тутъ «Порядокъ школьный» или уставъ ставропигійской школы, находящійся въ ставропигійскомъ архивѣ, писанный современною скорописью, (см. Альбумъ Ставроп. Института). Въ актахъ временной комиссіи напечатаны два устава школы луцкой съ 1624 года. Первый изъ нихъ составленный, кажется, по образцу среднихъ училищъ, существовавшихъ тогда и въ Польшѣ и въ другихъ краяхъ западной Европы. Самъ языкъ сильно спольщенный указываетъ на источникъ происхожденія устава. Вторый же порядокъ школьный, сходный съ нашимъ, безъ всякаго сомнѣнія переписанъ изъ первоначальнаго устава львовской школы, сочиненнаго вмѣстѣ съ уставами ставропигіи львовской во время учрежденія львовской братской школы (1586 г.), подъ руководствомъ патріарха антіохійскаго Іоакима, черезъ избранныхъ мужей нашего города. Львовскій уставъ какъ подлинный—полнѣйшій. Въ луцкомъ пропущены не только слова, но, какъ изъ 12 арт. видно, преподавались науки въ луцкой школѣ не въ той полнотѣ какъ у насъ, ибо когда въ львовскомъ уставѣ приказывается дидаскалу *учить* и ученикамъ *на письмѣ подавать* уроки изъ *грамматики, реторики, діалектики, музыки, и отъ внѣшнихъ* (иностранныхъ) *поетовъ*, и сверхъ того изъ *Евангелія и книгъ апостольскихъ*, то въ луцкомъ требуется только преподаванія *отъ святаго Евангелія* и *отъ книгъ апостольскихъ*. Изъ заключенія дополняющаго уставъ луцкій показывается, что тогда уже различали точно языкъ *словянскій* (церковный) отъ обыкновеннаго, разговорнаго, «обучано бо въ семъ послѣднемъ яко народномъ (простою мовою) и учено словенскій и греческій, яко жертвыи книжныи языки.»

Въ языкѣ и правописаніи устава львовскаго примѣчаемъ всѣ важнѣйшіе свойства нынѣшняго русскаго языка, однакоже есть и нѣкоторыя старинныя формы. Вліяніе польскаго языка тоже очевидно въ нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ, однакоже меньше нежели въ другихъ тогдашнихъ сочиненіяхъ и даже меньше нежели у многихъ нынѣшнихъ галицко-русскихъ писателей [1]).

---

[1]) Сбитыхъ съ толку внушеніями современныхъ русскихъ хохломановъ. (Ред.)

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что древніе уставы школъ нашихъ достойны вниманія, они выше стоятъ нежели статуты многихъ училищъ въ давной Польщѣ. Стоитъ только сличить нашъ уставъ съ статутами извѣстныхъ бурсъ славимой академіи краковской и др. [1]). Уставъ нашъ, составленный столь умно и предусмотрительно, что артикулы его могли бы еще нынѣ послужить хорошими правилами для любаго учебнаго заведенія; онъ даетъ свидѣтельство о высокомъ образованіи передовыхъ русскихъ людей XVI вѣка въ Львовѣ.

Яковъ Ѳ. Головацкій.

ПОРЯДОКЪ ШКОЛНЫЙ.

Благоволеніемъ Бога Отца, и со поспѣшеніемъ единороднаго его Сына, и дѣйствомъ Святаго Духа, благословеніемъ же совѣтомъ и повеленіемъ святѣйшаго Іоакима Патріархи великоя Антіохія, Киликія, Иверія, Сирія, и всего востоку солнца, сущу ему зде въ градѣ Львовѣ року 1786 мѣсяца Генваря 1 дня.

Совершеніемъ же и утвержденіемъ вселенскаго Патріархи Іереміи, Архіепископа Константинополя новаго Рима и всего Ѳрону великия церкве Конъстанътинюполскія, року 1784, составиша училище въ градѣ Львовѣ, при храмѣ успенія Пречистыя Божія матере, греческаго и славенскаго писанія; по чину святыхъ богоносныхъ отецъ, православія греческаго, великою пилностю, старанямъ же и накладомъ (иждивеніемъ) всего братства Львовскаго, храма успенія пресвятыя Богородица, и всего посполитого народа Российского [2]), даже и до убогихъ вдовицъ,

---

[1]) См. Michała Wiszniewskiego Histor. liter. polsk. T. IV.

[2]) Въ луцкомъ уставѣ введеніе и начало нѣсколько отмѣнно: „Волею Божіею вси купно братія въ Христѣ храма въздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня граждане Луцкие, жалающе имѣти строеніе изрядное въ училище семъ въ немже учащимъ писанню словенску и руску, вдахомъ ко симъ отъ братния нашея мужи два, ради всякаго вреженія, и всяко не по уза-

промышляючи о всякомъ недостатку законнои науки, нерадивыхъ человѣкъ подвизающе, противнымъ же уста загражающе, дабы отсюду злобѣ измѣнившеся благихъ начало восприяти, и по всей братіи спасенію распространитися: измѣненіе бо злобы, начатокъ естъ въ Спасеніе, близь бѣды спасеніе.

1) Дидаскалъ [1]) или учитель сея школы, маетъ быти благочестивъ, разуменъ, смиреномудрый, кротокъ, воздержливый, не пиянница, не блудникъ, не лихоимецъ, не сребролюбецъ [2]), не гнѣвливъ, не завистникъ, не смѣхостроитель, не срамословецъ [3]), не чародѣй, не баснословзатель, не пособитель ересемъ, но благочестію поспѣшитель, образъ благыхъ, въ всемъ себе преставляющий не въ сицевыхъ добродѣтелехъ, да будутъ и ученици яко учитель ихъ.

Маютъ быти приставлены отъ братии два человѣка искусные ради строенія школного, да соглядаютъ науки, и дѣлъ дидаскаловыхъ благыхъ и лукавыхъ, еже бо сѣетъ человѣкъ, тоже и пожнетъ. И тымъ братіямъ маетъ быти данъ реестръ под-

---

коненію строенія сего безчинне исправляти твореньми же и глаголаньми; да достовѣрно будетъ всякому хотящу испытно видѣти училища сего строеніе или отрока своего ко наученію отдати.

Волею Божіею совѣтомъ и повеленіемъ Святѣшаго Кирилла Архіепископа Константинограда новаго Рима и вселенского патріархи и благословеніемъ Архиепископа Метрополита Киевского, Галицкого и всея Россіи Кѵръ Іова Борецкого въ мѣстѣ Луцку при церкви въздвиженія честнаго Креста Господня составися школа кгрецькая и руская ведле стародавныхъ обычаевъ и порядковъ святыхъ Отецъ закону греческого великимъ стараньемъ и накладомъ и пилностію мещанъ Луцкихъ руского народу святого закону грецького и милостинями всѣхъ православныхъ християнъ, яко стану духовного, также особъ княженецькихъ, панскихъ, шляхецькихъ и всего посполитого народу.

[1]) Въ уставѣ луцкомъ испорченно: **даскалъ**, въ нашемъ же всегда писали знатоки греческаго языка правильно „**дидаскалъ**“ отъ греч. διδάσκαλος.

[2]) Это слово пропущено въ луцкомъ уставѣ.

[3]) Въ луцкомъ уставѣ: **срамословникъ**.

печатью братскою, въ который маютъ дидаскали вписовати дѣти данные до науки, и ведлугъ лѣтъ и науки дитинное маетъ быти и заплата имъ, то естъ дидаскаломъ.

А кто бы хотѣлъ взяти дѣти свои отъ науки, кгды приде кварталъ, при тыхъ же братіяхъ отпуститися маютъ порядне, учинивши дидаскалу за то досыть ведлугъ постановеня братского, якъ по чому постановятъ на кварталъ дидаскалу давати отъ хлопца [1]), таковому учителю каждый приводячи сына и приятеля и прочихъ на науку, маетъ взяти изъ собою сусѣда единого или двохъ, да при устѣхъ двою или триехъ станетъ глаголалъ, и чинити зъ дидаскаломъ постанавеня о науцѣ и о всемъ порядку и повинность его [2]) ведле реестру сего ниже писанного; и маетъ ему напервей той реестръ прочитатися, абы вѣдалъ яковымъ способомъ будутъ сына его учити, и што за то повиненъ [3]), и яко бы мѣлъ ему въ томъ порядку непрешкажати, але помагати всякимъ способомъ дѣтину ку науцѣ, и послушенству дидаскаловому приводячи, якъ правдивый отецъ, хотячи потѣху по праци и накладѣ [3]) благый плодъ видѣти, и маетъ реестръ по обычаю вписатися.

2) А дидаскалъ взявши порученное ему дѣтище, маетъ его учити съ промысломъ доброи науки, за непослушенство карати, не тирански, но учителски не выше, но по силѣ, не роспустне, но покойне и смирене, не толико мирски, но и выше мирскихъ, абы тежъ непилностю своею, или заздростію, или лукавъствомъ незосталъ виненъ ни за единого Богу вседержителю, и потомъ родичомъ его и ему самому, гкды бы человѣка ему зволокъ, а его отъ иного забавилъ, писано бо естъ: злый, лукавый, ленивый рабе, по что не отда сребро мое торжникомъ да пришедъ азъ взялъ быхъ свое со лихвою; и паки: щадяй жезла ненавидитъ сына, и аще безъ наказанія были быхомъ, убо прелюбодѣйчица бысте были а не сынове.

---

[1]) Отъ словъ: „**маютъ быти приставлены**" пропущено въ луцкомъ уставѣ.

[2]) Слова: „и повинность его" пропущены въ уставѣ луцкомъ.

[3]) Сяова: „и што за то повиненъ" пропущены въ уставѣ луцкомъ; тоже слово „накладѣ."

3) Сѣдати маютъ кождый на мѣсци своемъ певномъ назначеномъ ведле науки, котрый болше умѣетъ, сидѣти будетъ выше, бы и барзо нищъ былъ который меньшъ умѣти будетъ на подлѣйшомъ мѣсци сидѣти маетъ; реченно бо: имящему вездѣ дано будетъ [1]).

4) Богатыи надъ убогимъ въ школѣ нѣчимъ вышшии не маютъ быти, толко самою наукою, плотію же равно вси, вcѣ бо есми о Христѣ братія, главы единои уды, ни единъ же удъ, око руцѣ и рука нозѣ рещи можетъ не требѣ ми еси.

5) Учити дидаскалъ и любити маетъ дѣти вси заровно, якъ сыновъ богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и которые ходятъ по улицамъ живности просячи, якъ который ведле силы научитися можетъ, толко не пилнѣй единого нѣжли другого учити, писано бо: всякому бо просящему у тебе дай и хотящему у тебе взяти не возбрани, хощу бо всѣмъ спастися, и въ разумъ истинный прити.

6) Сходитися маютъ отрочища [2]) до школы на годину певную, то есть дня великого на девятую годину, абы всѣ стали, также тыжъ и иншихъ дний меншихъ, якъ постановитъ дидаскалъ, и пущати ихъ по науце до дому въ певную годину: писано бо: все да дѣйствуемъ въ славу Божію и въ подобное время.

7) Въ кождый поранокъ маютъ пилне смотрити дидаскалъ, если которого бы отрока [3]) небыло, маетъ по него послати заразъ и довѣдатися причины, для которои не пришолъ, если ся не забавилъ инде играніемъ, или ся дома обманилъ, или надъ потребу спалъ, и за тымъ бы до школы непришелъ, довѣдатися всего и привести его маютъ; бо писано: иныхъ страхомъ и нуждею спасай.

8) Рано ся зшедши вси на годину назначеную не маютъ початись учити, ажъ молитвы и предсловіе обычны проговорятъ: речено бо: въ началѣ дѣла твоего Бога поминай.

9) Въ школѣ маютъ быти дѣти роздѣлены на трое: едны которые ся будутъ учити словъ познавати и складати, другіи

---

[1]) Слова: „реченно бо“ и проч. пропущены въ луцкомъ уставѣ.

[2]) Въ луцкомъ уставѣ: хлопята вм. отрочища.

[3]) Въ луцкомъ уставѣ: хлопца вм. отрока.

которыися будутъ учити читати и на памятъ многихъ ся речий учити, третіи ся будутъ учити читаючи выкладати, розсужати, и розумѣти; рече бо Павелъ святый: егда бѣхъ младенецъ, младенческая мудрърствовахъ и смышляхъ, егдажъ достигохъ въ мужъ совершенъ, млека непотребую.

10) По рану напервѣе по молитвахъ маютъ мовити кождый вчорашную науку свою, и писмо свое што дома писалъ, выкладъ науки своеи показовати маетъ и потомъ учитися маютъ дроблѣ, псалтири или грамматики зъ розвязованямъ еи, и инымъ многимъ потребнымъ наукамъ, яко обачите на тотъ часъ ведлугъ потребы.

11) По обѣдѣ хлопци маютъ писати [1]), сами на таблицахъ кождый свою науку выданую имъ отъ дидаскала, кромѣ малыхъ, котрымъ самъ виненъ будетъ дидаскалъ писати, а въ школѣ научившиись отъ трудныхъ словъ ихъ [2]) спытовати маетъ единъ другого, то есть диспутоватися [3]) а до дому отходячи стихъ потвердити, абы у вечеръ изъ школы пришедши до дому дѣти умѣли предъ родичми своими или посторонныи дѣти всякого стану живучи въ господѣ предъ господаремъ своимъ науку, што въ школѣ учили, прочитати повинни зъ выкладомъ по обычаю науки школнои, а што учили того дне маютъ у вечеръ дома написати и до школы принести порану показати предъ дидаскаломъ своимъ, дабы всякый плодъ науки познавалъ ся; всяко бо древо отъ плода познавати подобаетъ.

12) Повиненъ будетъ дидаскалъ учити и на писмѣ имъ подавати отъ грамматики [4]), реторики, діалектики, мусики и отъ прочихъ внѣшныхъ поетовъ и отъ святаго евангелія, отъ книгъ апостолскихъ, вся бо елика писана суть къ нашему наказанію писана суть.

---

[1]) Въ луцкомъ уставѣ: „писати собѣ."

[2]) Въ луцкомъ уставѣ: „отъ трудныхъ словѣхъ."

[3]) Слова: „то есть диспутоватися" пропущены въ луцкомъ уставѣ.

[4]) Слова: „отъ грамматики, реторики, діалектики, мусики, и отъ прочихъ внѣшныхъ (иностранныхъ) поетовъ" пропущены въ луцкомъ уставѣ. Въ этихъ словахъ заключается полный перечень преподаваемыхъ предметовъ въ школѣ.

13) Въ суботу съ поранку мають поновляти всѣхъ речий, котрыхъ ся учили презъ тыждень, а по обѣдѣ [1]) ихъ учити мають пасхаліи и лунного теченія, и личбы, и рахованя, или мусикъ церковного пѣнія; вся бо писанія Богодухновенна и полезна суть къ наученію.

14) По вечерни [2]) въ суботу маетъ дидаскалъ зъ дѣтьми намовлятися часъ немалый болше нижъ въ дни иные, учачи ихъ страху Божіему и обычаемъ встыдливымъ младенческимъ яко мають быти во церкви противъ Богу, дома противъ родичокъ своихъ, и инде инымъ, цноту и встыдъ заховывати, Богу мовлю и его святымъ честь и страхъ, родичови и дидаскалови послушенство, посполите противъ всѣмъ покору и уваженя, собѣ самому встыдъ и цноту. И тые речи знову вливаны въ дѣтинку мають быти, на што имъ и памятного маетъ не боронити по чаши школнои; писано бо есть: любяй сына прилежнѣе наказуетъ, а нелюбяй щадитъ жезла; и паки: отрочатю безуміе на сердци привязано, жезломъ же изженеши е, новое бо вино въ мѣхи новые вливаютъ и обое соблюдетъ ся.

15) Въ недѣлю и въ празники Господскія со всѣми маетъ дидаскалъ поки пойдутъ до Литургіи розмовляти и ихъ учити о святѣ и празднику томъ и учити ихъ волѣ Божой, а по обѣдѣ евангелію и апостолу празника того маетъ всѣхъ научити: блаженъ бо, рече поучаяйся закону Господню день и нощь.

16) Двохъ или четырехъ хлопцовъ на кождый тыждень иншимъ порядкомъ мають на сохраненіе выставляти, зъ чого ся ни единъ вымовляти не можетъ, гды на него черга прийдетъ. Дѣло ихъ будетъ ранѣй до школы прийти, школу помести, въ печи затопити [3]) и у дверий сидѣти, а которыи вы-

---

[1]) Слова: „съ поранку" „а по обѣдѣ" пропущены въ уставѣ луцкомъ.

[2]) Въ луцкомъ уставѣ: „по обѣдѣ "всѣ„ по вечерни."

[3]) Въ луцкомъ уставѣ: „запалити" вм. „затопити." Луцкимъ братьямъ, кажется, неизвѣстно было коренное русское выраженіе „затопити," употребляемое до сихъ поръ у насъ на погорью Карпатскомъ.

ходятъ и входятъ, о всѣхъ вѣдати, и которыи ся бы неучили, пустовали, или въ церкви нерядне стояли, или до дому идучи обычайне бы ся незаховали, написовати и оповедати ихъ маютъ; речено бо: блюдетесь како да опасно ходите, не яко немудры, но яко премудры искупующе время, яко дни лукави сутъ.

17) Кгды бы тыжъ хлопецъ въ единъ день до школы ходилъ, а другий занедбовалъ, и такъ едно часъ бы собѣ тратилъ въ речи при школѣ, такого болше неприймати, бо и барвѣръ кгды бы хорого въ единъ день лѣчилъ а въ другий занедбалъ, вмѣсто лѣченя въ болшую бы хоробу его приправилъ, рече бо: всякого брата не по чину ходяща отрицайся.

18) Отцеве о дѣтехъ ихъ или господареве о порученныхъ имъ дѣтехъ сторонныхъ маютъ быти упоминаны [1]) отъ дидаскала и отъ братіи строителей школныхъ, абы дѣти въ домѣхъ ведле порядку науки школной справовалися, цвиченя и людскость повинную часовъ своихъ показуючи всякому стану. А если бы нѣшто науцѣ спротивного въ дѣтехъ ся найдовало, досведчено маетъ быти. Если бы дидаскалъ непилностію якоюжъ или родича или господаря непорядкомъ своимъ въ науцѣ и обычаехъ добрыхъ бы прешкажали, маетъ то быти повинному присужоно.

19) Кгды бы тыжъ кто хотѣлъ отъ дидаскала сына своего на потребу иную взяти, теды [2]) небезочне, а не презъ кого иного, толко самъ своею особою и при томъ человѣку единомъ, или двома, при которыхъ его отдалъ на науку взяти его маетъ, абы ся тымъ уближеня надѣяло, учню и ему самому за непорядное поступованя, такъ тежъ и дидаскалови, отъ которого бы не отповѣдне учня взялъ, гдыжъ тотъ порядокъ вси иные ремесници маютъ, кгды при людехъ и порядне не толко сына але и слугу до ремесника приказуютъ, и потомъ кгды ся чого научитъ, тымъ барзѣй занехати того нехотятъ, многихъ зобравши статечность и терпеливость родичовъ и его залецаютъ, отколя и мистрови великая потѣха, кгды видитъ учня не подлѣйшого, што далеко болше въ школахъ и людехъ хри-

---

[1]) Въ луцкомъ уставѣ: „мѣти упомнанье" вм. „быти упоминаны."

[2]) „Теды" пропущено въ луцкомъ уставѣ.

стіанскихъ мѣти потреба; писано бо: всякъ дѣлаяй злая не приходитъ ко свѣту, творяй же истину, грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его яко о Бозѣ сутъ содѣянна.

20) Если бы и самъ учитель или отъ учениикъ нѣкто былъ творцемъ речий тыхъ, ихже законъ неповелѣваетъ, но обаче и претитъ, сиречъ, блудникъ, пияница, тать, кощунникъ, нерадивъ, сребролюбецъ, клеветникъ, величавый, таковый не толико [1]) учителемъ, но ниже жителемъ здѣ отнюдь да не будетъ; да не соблазните, рече, ни единаго отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ имя мое, поне самъ сопротивенъ сый заповѣдемъ Господнимъ, како инѣхъ уцѣломудрити, и на ползу наставити можетъ. Самъ бо Господь рекъ: не можете добрѣ глаголати зли суще; и паки: всяку лозу нетворящу плода добра посѣкаютъ и въ огонь вмѣтаютъ. Извѣстно вѣдуще убо, яко вси имами предстати судіи нелицемѣрному Христу Богу, ижъ имать воздати комуждо по дѣломъ его, обѣмъ убо яко трудивши ся, въ подаяніи силы слова, обѣмъ же яко землѣ блазѣ сѣмя приемлющимъ, и сторичный плодъ паки инымъ приподающимъ, обояжъ пиюще премудрости воду живу отъ источника неисчерпаннаго и струя приснотекущаго отъ святаго утѣшителнаго Духа, ту бо лучше есть куповати паче сребра и злата, и каменія многоцѣннаго, зане сею состоится животъ человѣческий.

И та есть мати, и корень, и основаніе небеси и земли, морю и всѣмъ безднамъ, еюжъ обладающу непостижимому Богу творцу всяческихъ, и открывающу и дарующу младенцемъ [2]).

Я. Ѳ. Г.

---

[1]) Въ луцкомъ уставѣ „токмо“ вм. „толико.“

[2]) Примѣчаніе. Цѣлый текстъ со словъ: „Извѣстно будуще убо“ до конца пропущенъ въ луцкомъ уставѣ; вмѣсто того же прибавлено въ немъ слѣдующее заключеніе: „Школы словенское наука починается. На первѣй научившися складовъ литеръ, потомъ грамматики учатъ, при томъ же и церковному чину учатъ, читаютъ, спѣваютъ; также учатъ на каждый день, абы дѣти единъ другого пыталъ по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, и тыжъ пытаются по словенску, абы имъ отповѣдано по простой (обыкновенной) мовѣ. И тыжъ не маютъ съ собою мовити простою мовою, ено словенскою и грецкою. А такъ нынѣ тому учатся, до большихъ приступаючи, въ диалектице и риторице, которые науки по словенску переведеные, рускимъ языкомъ списано діалектику и риторику и иные философские писма школѣ належачие.

II.

ОЧЕРКЪ

дѣйствій папской пропаганды въ древней Руси и безуспѣшность ея въ покореніи русскихъ славянъ римской церкви.

(*Продолженіе*).

Въ какомъ состояніи находились востокъ и западъ Европы отъ начала паденія западной римской имперіи до явленія въ ней на западѣ новой римской имперіи подъ рукою Карла великаго и до совокупленія во едино народовъ востока подъ державою Рюрикова дома?—Въ состояніи всеобщаго волненія и борьбы народовъ, неизвѣстно откуда являющихся для разоренія Имперіи и изчезающихъ въ борьбѣ самыхъ съ собою. Народы эти, какъ волны, неслись для потопленія древней Европы и едва основывали государства, какъ тотъ часъ же должны были вступать въ новую борьбу съ иными дружинами, которыя стремились съ востока и сѣвера неожиданно и неотразимо. Трудно было предвидѣть, когда кончится это хаотическое бореніе и настанетъ жизнь тихая, потому что трудно было остановить этотъ всеистребляющій потокъ силою человѣческою. Но, по неисповѣдомымъ судьбамъ Божественнаго Промысла, этотъ хаосъ не жданно и не предвидѣнно разсѣваютъ два противоположныя явленія на востокѣ и западѣ.—На востокѣ начинаетъ созидаться славянская отрасль вселенской церкви, умиривщая свои народы и предназначенная заступить мѣсто римской, отвергшей

православіе. [1]) На западѣ же является Карлъ Великій и силою своей могучей воли совокупляетъ всѣ почти волнующіяся царства германо-латинской Европы въ одну имперію.—Славяно-Руссы, по явленіи Карла Великаго, съ одной стороны почувствовали свою отдѣльность отъ запада, а съ другой увидѣли опасность подпасть подъ власть враждебныхъ магометанскихъ народовъ, быстро стремящихся въ Европу изъ Азіи, и начали сосредоточивать свои силы,—сознаютъ необходимость самодержавія и призываютъ къ себѣ князя Рюрика, »иже бы володѣлъ ими и судилъ по праву.« [2]) А между тѣмъ въ это же время на югѣ славянъ, Кирилъ и Меѳодій переводятъ съ греческаго Библію на славянскій языкъ. Переводъ этотъ быстро распространяется между славянами, проникаетъ все существо ихъ и полагаетъ прочное основаніе православной церкви славянской, окончательно утвердившейся въ Россіи при Св. Владимірѣ. Такимъ образомъ Рюрикъ и славянскіе наши Апостолы произвели то, что въ половинѣ IX вѣка Востокъ Европы сдѣлался чуждымъ и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніи Западу, отдѣлившемуся отъ православія и занявшемуся устройствомъ единственно своего политическаго бытія, на основаніи, положенномъ Карломъ Великимъ. Но Промыслу угодно было положить между ними еще большее средостѣніе, которое бы препятствовало ихъ столкновенію.—Въ то время, когда Карлъ Великій отдѣлялъ Западъ свой отъ Востока, а на Востокѣ Русь готовилась къ образованію великаго православнаго государства, изъ Азіи и Африки еще продолжали стремиться народы въ Европу. Но на Западѣ Карлъ удерживалъ нападеніе магометанъ, на югѣ же Россіи козары отклоняли азійцевъ отъ Востока. Одни только мадьяры (венгры), данники козаръ, успѣли пробраться въ Европу, и, возобладавъ по-дунайскими и за-карпатскими Славянами, не умѣвшими сосредоточить свои силы съ самобытною Русью, основали свои жилища на Дунаѣ. Между тѣмъ Франконія часть

---

[1]) Въ Грамотѣ на учрежденіе въ Россіи патріаршества греческіе святители именно говорятъ, что »ветхій Римъ палъ отъ ереси аполлинаріевой, и что мѣсто его заступаетъ Русь.“ Ист. Г. Р. т. X. стр. 121, 122.

[2]) Нест. по Кенигсб. спис. стр. 16.

при дунайской Словеніи и при-балтійская Сербь мало по малу начали подвергаться владычеству тевтоновъ (нѣмцевъ) [1]. Такимъ образомъ между Востокомъ и Западомъ, на пространствѣ отъ устьевъ Дуная и Рааба до устьевъ Эльбы и Нѣмана, явилось нѣсколько государствъ на славянской почвѣ, но подъ вліяніемъ венгровъ и тевтоновъ. Государства эти скоро приняли вѣроученіе римское и такимъ образомъ явились и родными и чуждыми той и другой сторонѣ. Славяно—руссамъ онѣ были родны потому, что заключали въ себѣ единоплеменниковъ ихъ славянъ, и вмѣстѣ чужды—по иному населенію, состоящему изъ пришельцевъ, и вообще по религіи; съ народами же Запада Европы онѣ состояли въ семействѣ по религіи, но чужды были по происхожденію народовъ. По такой чудной смѣси своей государства эти не могли скоро войти въ составъ ни Востока, ни Запада, и по предопредѣленію Божію должны были существовать отдѣльно для того чтобы отклонять, по возможности, нападенія олатинившагося—послушнаго папѣ Запада на православный Востокъ, пока не окрѣпнетъ въ православіи Русь и не станетъ въ состояніи сама собственными силами защищать свою святыню. Что эта именно была цѣль политическаго бытія этихъ государствъ, доказательствомъ тому служатъ образъ и время ихъ существованія.—Въ то время, когда Русь въ первый разъ явилась самобытнымъ государствомъ на сценѣ политическаго бытія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первый разъ началъ проникать въ нее и свѣтъ благовѣстія Христова, въ то время папѣ, спорившему съ греческими патріархами, необходимѣе и легче всего было просвѣтить Россію своимъ ученіемъ, дабы тѣмъ ослабить православную Грецію. Но онъ встрѣтилъ преграду для свободнаго дѣйствіи на Русь въ государствахъ, отдѣляющихъ ее отъ подвластныхъ ему народовъ, и началъ покорять ихъ своему престолу. И государства сіи были въ кровавой борьбѣ съ папизмомъ до тѣхъ поръ, пока не окрѣпла и не просвѣтилась христіанствомъ вся Русь подъ державною рукою Св. Владиміра [2]. Со временъ Владиміра, государства эти, увидѣвши невозможность долѣе сопротивляться папѣ, покорились

[1] **Маякъ 1845 г. т. 23 гл. 2 стр. 9.**
[2] **См. Ис первоб. Цер. у Слав. Маціевскаго.**

ему, и это необходимо было по тогдашнимъ обстоятельствамъ.— Болеславъ Храбрый, при посредствѣ германскаго императора Оттона III, получаетъ отъ папы королевскій титулъ, съ обѣщаніемъ ввести въ Польшу римскую вѣру и воевать съ Славяно-Руссами, усиливая и распространяя католицизмъ. Выполнивъ, или правильнѣе обѣщавъ выполнить это тягостное условіе, какъ замѣчаетъ одинъ ученый историкъ, Болеславъ спасъ отъ гибели свое государство и сосѣдственную Русь; потому что на вѣрное подъ предлогомъ обращенія Польши въ римско-католическое вѣроисповѣданіе, германцы безпрестанно нападали бы на этотъ край, а отсюда и далѣе распространили бы свои завоеванія, и такимъ образомъ хозяйничая сами на Руси, они дѣятельнѣе поборствовали бы тамъ вліянію папы, нежели поляки*). Тоже нужно сказать и объ обращеніи къ папизму прочихъ сосѣдственныхъ государствъ славянскаго племени, что сказано о Польшѣ. Для православной Руси было бы еще опаснѣе, вмѣшательство въ дѣла этихъ государствъ чуждаго народа, ревностнаго приверженца папѣ, нежели славянъ. Но когда государства сіи ослабѣвали, и папа успѣлъ сдѣлать изъ нихъ ревностныхъ распространителей своей власти (особенно Венгрія и Польша), къ нимъ присоединяется на помощь юго-западная часть Россіи (къ Венгріи Галиція, къ Польшѣ Литва и Малороссія); а православіе Руси переносится въ глубь ея для большей безопасности отъ примѣси западныхъ злоупотребленій. И эта юго-западная Россія долго—до тѣхъ поръ отстаивала православную мать свою—церковь всероссійскую, пока сама Россія не окрѣпла подъ державою нынѣ царствующаго Дома РОМАНОВЫХЪ. Наконецъ Россія сдѣлалась могущественною, сильною, крѣпкою православіемъ,—для ней не опасны стали уже нападенія папъ,—помощь ея нужна даже для умиротворенія самаго папскаго Запада, и эта цѣпь государствъ, отдѣляющихъ ее нѣсколько вѣковъ отъ Запада, какъ призракъ изчезаетъ съ лица земли, теряя свое политическое бытіе. Эту цѣпь государствъ замыкала на Югѣ Греція, оставленная ниспровергшимъ всю прочую Европу потокомъ народовъ, какъ бы, нарочно для утвержденія руссовъ въ православіи. Истощенная, потрясенная въ самыхъ основаніяхъ, Греція долго еще существовала, и,

*) **Тамъ же стр. 120, 121.**

непріязненная непрвославному Западу, она до самаго паденія своего благотворно предохраняла Россію, какъ мать чадо, отъ злоухищреній Запада, и пала тогда только, когда Россія почувствовала уже свои силы.—Съ своей стороны и Россія, совершенно чуждая Запада, одиночная въ политическомъ мірѣ Европы, естественно должна была обратиться съ сыновнею любовію къ давнишней присной наставницѣ своей—православной Греціи, и сама утверждалась въ православіи.

Такимъ образомъ Промыслъ Божій, издревле избравшій Россію въ кивотъ православія, такъ чудно привелъ ее къ предопредѣленной цѣли, что русскимъ невозможно было и принять иной вѣры, кромѣ православной,—и вмѣстѣ такъ естественно, что предки наши сами добровольно избираютъ ее; хотя неостались и для нихъ бездѣйственными тѣ средства, какія употребилъ Промыслъ Божій для достиженія въ нихъ своей цѣли. Предъ избраніемъ вѣры всѣ русскіе предрасположены были къ вѣрѣ православной. Вел. князь Владиміръ, отвергшій предложеніе папы на томъ основаніи, что отцы не принимали отъ него вѣры, съ охотою выслушиваетъ греческаго философа, опровергшаго прочія вѣры, и на вопросъ: желаетъ ли слышать вѣру православную? Князь, неохотно слушавшій прежнихъ миссіонеровъ, отвѣчалъ: «послушаю радъ». И при предложеніи о семъ народу, вел. князь тоже, умалчивая о рѣчахъ другихъ миссіонеровъ, съ подробностію излагаетъ ученіе греческое [1]). Съ другой стороны и народъ, видѣвшій многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, исповѣдующихъ вѣру православную, между которыми были даже лица, глубоко уважаемые всѣми, склоненъ былъ болѣе всего къ вѣрѣ греческой. Но русскіе знали, что въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково избраніе религіи, неумѣстно и вредно всякое предубѣжденіе. Съ одной стороны, они опасались, чтобы не принять вѣры такъ же не удовлетворительной, какъ и прежняя,—съ другой—они опытно желали убѣдиться въ истинѣ избираемой вѣры въ самомъ началѣ, чтобы послѣ, безъ всякаго сомнѣнія, быть твердыми хранителями ея;—а потому общимъ голосомъ положили послать въ различныя страны довѣренныхъ умныхъ людей для испытанія на мѣстѣ

[1]) Нест. по Кенигсб. спис. стр. 73—76.

«коегождо изъ приходившихъ миссіонеровъ службу, и кто какъ служитъ Богу» [1]). Опредѣленіе исполнено: десять избраннѣйшихъ мужей отправляются для испытанія вѣръ. Въ чемъ должно было состоять ихъ испытаніе? Это видно изъ опредѣленія совѣта: «испытайте коегождо службу, и кто какъ служитъ Богу», т. е. разсмотрите каждой вѣры внѣшнее обрядовое Богослуженіе и узнайте, какъ та или другая вѣра проявляется въ людяхъ. Что же увидѣли испытатели вѣръ у римско-католиковъ и у православныхъ грековъ? [2]).

«И пріидохомъ въ Нѣмцы,» сказали посланные для испытанія вѣръ мужи по возвращеніи своемъ, «и видѣхомъ въ храмѣ службы творящія, а красоты не видѣхомъ никое яже» [3]). Увидѣли именно то, въ чемъ церковь западная отступила уже тогда отъ православнаго востока и духа христіанской религіи. Повидимому впрочемъ, замѣченные русскими недостатки въ церкви римской, если не служатъ къ чести католиковъ, по крайней мѣрѣ маловажны, потому что не составляютъ сущности христіанской религіи. Богъ живетъ въ нерукотворенныхъ храмахъ и не нуждается въ красотѣ видимой; отправленіе же службъ многихъ есть выраженіе усердія къ своей вѣрѣ и набожности. Но, вникнувши въ сущность дѣла, нельзя не видѣть, что при этихъ недостаткахъ мало имѣетъ значенія сама вѣра христіанская. Какъ цѣль пришествія на землю Христа Спасителя, такъ равно и назначеніе религіи христіанской—спасеніе человѣка. Но чтобы спасти человѣка, для сего необходимо, чтобы самъ человѣкъ достоинъ былъ къ воспріятію таинственныхъ, благодатныхъ дѣйствій Духа Святаго, возраждающихъ, укрѣпляющихъ и приводящихъ его въ жизнь вѣчную. А чтобы человѣкъ сдѣлался и по душѣ и по тѣлу достойнымъ храмомъ Св. Духа, для сего также необходимо, какъ необходимо было Сыну Божію воплотиться для спасенія человѣка, и какъ необходимо для души тѣло—необходимо и то, чтобы религія хри-

---

[1]) Нест. по Кенгс. сп. ст. 77.

[2]) Не упоминаемъ о прочихъ вѣроисповѣданіяхъ, испытываемыхъ русскими, какъ стороннихъ для насъ и не стоявшихъ вниманія даже самыхъ предковъ нашихъ. Отз. о нихъ см. Нес. по Кен. сп. стр. 78.

[3]) Тамъ же.

стіанская имѣла и внѣшнюю сторону, чрезъ которую просіявалъ бы внутренній, таинственный духъ ея, освящающій и возвышающій всецѣло человѣка, живущаго въ мірѣ образовъ и видящаго нынѣ только отъ части, якоже зерцаломъ въ гаданіи [1]). Недостатокъ этой то внѣшней стороны, отображающей внутреннее величіе религіи христіанской, освящающей и возвышающей мысль, чувство и все существо человѣка въ храмъ Бога живаго и замѣтили въ церкви римско-католической наши предки. «И видѣхомъ въ храмѣ службы творящія.» Слова эти, выражая механическое отправленіе службъ, указываютъ на тотъ общій недостатокъ римско-католической церкви, въ которой обрядовое Богослуженіе такъ подавлено чрезмѣрно опредѣленною внѣшнею формою, что въ немъ почти не видно того внутренняго величія, какое оно должно изображать. Всѣ обряды и дѣйствія опредѣлены въ служебникѣ римскомъ съ самою скрупулезною точностію механики, уподобляющей священнодѣйствующаго машинѣ: такъ что онъ иначе не можетъ обращаться къ народу, распростирать руки, подымать глаза къ небу, брать чашу или другую какую нибудь вещь тѣми или другими перстами и т. д., какъ такимъ именно образомъ, какъ предписано. А такое безжизненное, въ полномъ смыслѣ, твореніе службы, такое подавленіе внутренней стороны внѣшнею, если не подавляетъ, по крайней мѣрѣ не можетъ возбудить въ человѣкѣ никакого чувства благоговѣнія къ священнодѣйствію (не говоримъ уже объ освященіи); потому что духовное только духовнымъ востязуется и сердце отзывается только сердцу. Присовокупимъ къ этому дѣйствіе на душу другаго бывшаго уже тогда злоупотребленія церкви римской и замѣченнаго нашими предками: службы многи творящія,—обыкновенія совершать нѣсколько литургій въ одно и тоже время на разныхъ престолахъ, но не огражденныхъ одинъ отъ другаго, извѣстныхъ подъ именемъ тайныхъ миссъ [2]). Обыкновеніе сіе, лишая столь великое священнодѣйствіе, какъ литургія, приличной ему важно-

---

[1]) 1 Кор. XIII, стр. 12.

[2]) Начало миссъ Клейнъ полагаетъ между VII и IX вѣк. (Hist. Eccles. Christiani Clein. t. 1, pag. 580, 581), а нашъ отечественный церковный историкъ въ X. (Начерт. Цер. ист. Иннокентія, отд. II, стр. 135).

сти, благолѣпія и торжественности, развлекаетъ вниманіе предстоящихъ и производитъ странное и непріятное впечатлѣніе на чувство, не привыкшее къ такому зрѣлищу. Можетъ быть римляне и не испытуютъ сего; но это потому только, что они занимаются во время Богослуженія чтеніемъ псалмовъ и молитвъ, имѣя всегда съ собою свою молитвенную книгу. Какое же послѣ сего можетъ быть освященіе мыслей и чувствъ человѣка, если и это величайшее священнодѣйствіе остается бездѣйственнымъ, скучнымъ? И что дѣлать при этомъ человѣку, не имѣющему у себя молитвенной книги, или не умѣющему читать? Скажете: храмъ есть мѣсто особеннаго присутствія Божія, а потому и одно уже пребываніе во храмѣ можетъ освящать человѣка. Но въ храмѣ римско-католическомъ «красоты не видѣхомъ никоеяже.» Храмъ у римлянъ не имѣетъ иконостаса; содержитъ только два, три и болѣе открытыхъ престоловъ, устроенныхъ при самой стѣнѣ и не отдѣленныхъ одинъ отъ другаго, какъ у насъ стѣною; нѣсколько скамей по срединѣ для сидѣнія; надъ престоломъ крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя, и нѣсколько иконъ по стѣнамъ, не больше какъ въ обыкновенномъ домѣ православнаго христіанина. Вообще храмъ римскій мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго дома. Что же можетъ напомнить въ этомъ храмѣ душѣ человѣка, что въ немъ мѣсто особеннаго присутствія Божія? Собственная мысль и чувство христіанина? Но для возбужденія и поддержанія этой мысли и чувства человѣка необходимо, чтобы мѣсто назначенное въ жилище Бога, соотвѣтствовало его величію. Это не дѣтское, а естественное требованіе духа нашего, не могущаго дѣйствовать безъ внѣшней опоры. Самые высочайшіе подвижники, чемъ высшаго достигали совершенства духовнаго, тѣмъ сильнѣе истаевали отъ желанія видѣть селенія Господа силъ и двора Его [1]), съ необыкновеннымъ веселіемъ притекали въ храмы Божіи [2]), и нигдѣ кромѣ ихъ не хотѣли вселяться [3]). Если же человѣкъ и въ самомъ храмѣ Божіимъ, единственной на земли сокровищницѣ, откуда въ особенность

[1]) Псал. LXXXIII, стр. 3.
[2]) Псал. CXXI, ст. 1.
[3]) Псал. XXVI, ст. 4.

и можно почерпать ему освященіе для себя, не находитъ пищи для подкрѣпленія своего нравственно религіознаго чувства, то гдѣ больше онъ можетъ найти побужденія и силы для достойнаго приготовленія себя въ нерукотворенный храмъ Божій. Въ подтвержденіе этихъ мыслей разсмотримъ, что нашли предки наши въ церкви греческой и какое впечатлѣніе произвело на нихъ богослуженіе православное? «Пріидохомъ же въ греки и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли были есмы; нѣстъ бо на земли таковаго вида, ни красоты таковыя; и не доумѣваемъ сказати, токмо вѣмы, яко всюду Богъ со человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя.» [1]). Что же это такъ несказанно дѣйствовало на нихъ въ церкви православной! Вѣра въ ней таже христіанская, какая и у римлянъ. Именно то, чего они не видѣли тамъ, устройство храма, соотвѣтственное величію Божію, и внѣшніе обряды богослуженія, которые чрезъ слухъ и видѣніе поучаютъ тому, что не постигается ни видѣніемъ, ни слухомъ. Православные храмы созидаются обыкновенно въ мѣстахъ открытыхъ, отдѣльныхъ отъ прочихъ зданій въ великолѣпіи, какое прилично Божію на земли дому. Но красота ихъ собственно внутрь ихъ. Здѣсь они являются не столько храмомъ земнымъ, сколько Іерусалимомъ небеснымъ, горнымъ Сіономъ, обителью ангеловъ и ликовъ святыхъ. Самое раздѣленіе ихъ внутреннее многознаменательно: соотвѣтственно различнымъ духовнымъ степенямъ вѣрующихъ и близости ихъ къ Богу: предверіе для кающихся; далѣе общее мѣсто вѣрующихъ, гдѣ они молятся, по срединѣ его амвонъ или особенное мѣсто для чтенія Евангелія, возвышенностію своею напоминающее хребетъ горы, съ которой Господь Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ народу; наконецъ возвышается олтарь, представляющій Святая Святыхъ, или лучше нерукотворенная Святая-небо, селеніе Божіе, и имѣющій не только сообразное сему знаменованію устроеніе, но и соотвѣтственную важность. Онъ устрояется на возвышенномъ мѣстѣ въ видѣ жертвенника, на которомъ приносится Агнецъ Божій за грѣхи міра, и, вмѣстѣ какъ престолъ, на которомъ невидимо присутствуетъ Царь царствующихъ и Господь господствующихъ;

---

[1]) Нест. по Кенигсб. сп. стр. 49.

а потому преграда и завѣса не только стопамъ, но и взорамъ непосвященныхъ, не позволяетъ проникать внутрь его. На сей преградѣ какъ бы отпечатлѣваются лики невидимо присутствующихъ здѣсь: Бога, Преблагословенной Богородицы, слугъ Божіихъ Святыхъ и ангеловъ, и, какъ истинное украшеніе церкви, изображенія эти живо напоминаютъ о церкви небесной и общеніи съ нею, и вмѣстѣ возбуждаютъ къ подражанію и послѣдованію симъ вождямъ въ царство небесное. Сообразно сему величію храма и Богослуженіе православное представляетъ, можно сказать, живое изображеніе, олицетвореніе всей откровенной религіи. Здѣсь въ символахъ и образахъ, въ трогательныхъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ разкрываются предъ нами тайны домостроительства Божія: твореніе міра, паденіе человѣка, его постепенное приготовленіе посредствомъ закона и пророковъ, къ принятію обѣтованнаго Искупителя; здѣсь, предъ нашими глазами повторяется вся жизнь Спасителя: Его рождество, проповѣдь, страданія, смерть и воскресеніе; здѣсь торжествующая церковь соединяется съ воинствующею, чтобы вкупѣ молить, благодарить и славословить Божественнаго Примирителя. Здѣсь мы видимъ Господа нашего, выну присутствующаго въ церкви своей: поучающаго, освящающаго, укрѣпляющаго, поставляющаго пастырей и учителей, приносимаго въ жертву за грѣхи всего міра, врачующаго душевные и тѣлесные недуги и проч. И все это совершается по чину и благообразно, съ удивительною простотою, чуждою излишней, такъ сказать, пышности. Вообще вся внѣшность храма и Богослуженія церкви православной такъ величественна и вмѣстѣ выразительна, что всякъ, хотя бы кто и не имѣлъ понятія о духѣ истиннаго Богослуженія, взирая на оное окомъ чистымъ, безъ предубѣжденія, не можетъ не возчувствовать особеннаго благоговѣнія, не можетъ не признать здѣсь особеннаго присутствія Божія, а потому не можетъ не освятиться и возвыситься въ своихъ мысляхъ и чувствованіяхъ. И кажется, что сами предки наши, испытующіе внѣшнее богослуженіе грековъ, были освящены внутреннимъ духомъ его, когда изъяснялись предъ своимъ государемъ какъ прилично изъясняться христіанину: «Не знаемъ, говорили они, на землѣ или на небѣ мы были; ибо на землѣ нѣтъ таковыя красоты и благочинія; не можемъ всего объяснить, только знаемъ, что Богъ тамъ пребываетъ. Какое же

сравненіе послѣ сего между храмомъ и богослуженіемъ римлянъ и грековъ? А по сему какъ могли принять предки наши бездѣйственную, мертвую для нихъ и по своимъ обрядамъ и по языку вѣру римлянъ и промѣнять на ее православную вѣру греческую, за которую, кромѣ того, что видѣли въ ней пребываніе Божіе, говорили душѣ ихъ и давная связь съ исповѣдующими ее и внѣшняя ея родная форма? Это было бы несообразно съ обычною мудростію русскихъ.

Была и еще одна причина, такъ же сильно отклонявшая нашихъ предковъ отъ римлянъ, какъ и недостатки ихъ богослуженія, хоть не такъ важная. Это образъ проявленія вѣры въ людяхъ, въ частности, что особенно предки наши могли знать и видѣть, образъ дѣйствованія миссіонеровъ при распространеніи своей вѣры. Говоря вообще о грекахъ, «яко всюду Богъ тамъ пребываетъ,» наши испытатели вѣръ умалчиваютъ въ этомъ отношеніи о римско-католикахъ. Да что и къ чему было говерить имъ, послѣ того невыгоднаго отзыва ихъ о богослуженіи римскомъ, о томъ, что давно было извѣстно русскимъ отъ миссіонеровъ папскихъ, которые не разъ уже приходили къ нимъ, и, безъ сомнѣнія, при всякомъ приходѣ своемъ, не разъ уже высказывали, что требуетъ отъ новообращенныхъ ихъ вѣра и какъ они должны были дѣйствовать, сообразуясь съ нею? Не былъ неизвѣстенъ русскимъ и вопль единоплеменниковъ ихъ славянъ, съ которыми всегда были въ тѣсной связи, и которые жестоко страдали отъ римскихъ проповѣдниковъ, а потому не преминули повѣдать намъ о притѣсненіяхъ за непринятіе нѣмецкаго Бога [1]). Чего же и какъ требовали announcements папписты отъ новообращаемыхъ въ свою вѣру? Такъ какъ цѣлью распространенія папою христіанства было распространеніе своего могущества, то и главными условіями, какихъ требовали паписты отъ всякаго принимающаго ихъ вѣру, были: покорность папѣ, какъ главѣ христіанства,—Христову на землѣ намѣстнику, и десятина, какую должны были давать папѣ для собственнаго его благосостоянія. Для того, чтобы заставить

[1]) Такъ называли славяне Іисуса Христа, проповѣдуемаго латинянами. Vita S. Ottonis, III, 3. Ис. перв. Цер. у Сл. стр. 128, пр. 297.

кого нибудь къ принятію столь тягостныхъ условій, необходимо было употребить силу, и отличительныя средства папскихъ миссіонеровъ были: мечь и разнаго рода притѣсненія. Такая несообразность съ духомъ религіи христіанской требованій папы и средствъ къ принужденію принятія ихъ, естественно должна была произвести новыя злоупотребленія въ рукахъ ихъ епископовъ и въ особенности тѣхъ, которые поставляемы были въ такія мѣста, гдѣ не было ни одного христіанина [1]). Эти епископы, такъ называемые титулярные, подкрѣпляя проповѣдь свою для большаго успѣха силою оружія [2]), должны были требовать отъ обращенныхъ въ христіанство, сверхъ положенной для папы десятины, способовъ пропитанія для себя и своихъ сотрудниковъ. Отсюда и произошли тѣ злоупотребленія, общія всѣмъ миссіонерамъ папскимъ, какъ замѣтилъ одинъ изъ западныхъ писателей XI вѣка о саксонцахъ, обращавшихъ въ христіанство прибалтійскія славянскія племена. «Племена эти, говоритъ онъ, безъ сомнѣнія, давно были бы обращены въ христіанскую вѣру, еслибы не препятствовало тому корыстолюбіе саксонцевъ, которыхъ душа больше чувствуетъ охоты къ десятинамъ, чѣмъ обращать язычниковъ. Они новообращенныхъ христіанъ въ Славоніи сперва возмутили корыстолюбіемъ, потомъ покоривъ, довели до бунта жестокостію, и теперь, домогаясь только денегъ, не радятъ о спасеніи тѣхъ, кто и захотѣлъ бы увѣровать.» [3]). Эти жестокости въ особенности стали тягостными для славянъ съ тѣхъ поръ, какъ папа началъ дѣйствовать на нихъ чрезъ императоровъ франкскихъ, а потомъ германскихъ. Увидѣвъ въ римско-католическомъ вѣроисповѣданіи средство къ порабощенію славянъ, или по крайней мѣрѣ къ искорененію между ими народности, императоры начали ревностно распространять его между славянами,—и пользуясь положеніемъ дѣлъ, какое всего чаще указываютъ намъ лѣтописи

---

[1]) Въ 962 г. имп. Оттонъ I учредилъ титулярное епископство даже русское. Ис. первоб. Цер. у Сл., ст. 135.

[2]) Проповѣди ихъ были подкрѣпляемы съ мечами и оружіемъ франкскихъ комесовъ, а потомъ импер. франкскихъ и германскихъ. Тамъ же, стр. 36.

[3]) Адамъ Бременскій (около 1070 г.) (Hist. Eccl. 3, 25).

въ славянскихъ государствахъ (раздоромъ между вельможами и слабостію правительства), они тамъ, гдѣ не могли успѣть собственными силами, употребляли самыхъ же славянъ въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Входя въ сношенія съ одними партіями, императоры тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовали противъ другихъ, и такимъ образомъ ослабляли всю страну [1]). Ослабленные, по необходимости, для спасенія жизни, должны были принимать вѣру римско-католическую, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняться чуждому владычеству.

Такое политико-религіозное вмѣшательство императоровъ въ дѣла славянъ произвело и другое несчастіе для сихъ послѣднихъ. Императоры, желая воспользоваться выгодами, могущими произойти отъ обращенія славянскихъ народовъ, начали поставлять имъ сами епископовъ, которые хотя и зависѣли отъ папы въ церковныхъ дѣлахъ, однако, по причинѣ учрежденія епархіи свѣтскою властію, подвѣдомственны были императорамъ. Папа увидѣлъ, что императоры, дѣйствуя такимъ образомъ, обращаютъ болѣе вниманія на увеличеніе собственныхъ доходовъ, нежели на его выгоды, и, желая подчинить славянъ своей непосредственной власти, началъ посылать туда же своихъ миссіонеровъ. Такое столкновеніе епископовъ, стремящихся къ достиженію личныхъ выгодъ, породило между ими споры доходящіе до того, что они изгоняли другъ друга [2]), и сильнѣйшіе гнали даже тѣхъ новообращенныхъ, которые приняли христіанство не отъ нихъ [3]). При такихъ дѣйствіяхъ славяне не знали кого слушаться, а между тѣмъ должны были удовлетворять тѣмъ и другимъ. Послѣ сего какъ и для чего могли

[1]) Такъ поступилъ Карлъ Вел. въ Панонін. 782 г. Ann. Petaviens. 1. стр. 17. Ис. пер. Цер. у Сл. 36, 43. Такъ дѣйствовали Оттоны въ Богеміи и Моравіи и проч.

[2]) Такъ наприм. въ Паннонін, зальцбургскій и пассавскій епископы, дѣйствуя на основаніи постановленія Карла Вел., уничтожили здѣсь учрежденную папою Евгеніемъ II архіепископію Урольфа и обращенныхъ имъ христіанъ подчинили своему вѣдомству. Ис. перв. Цер. у Сл. с. 39.

[3]) Датчане повѣсили даже одного Чудскаго Старѣйшину за то, что онъ принялъ крещеніе отъ нѣмцевъ. Ис. Т. Р. т. III, с. 189.

принять русскіе вѣру папистовъ, угрожавшихъ лишеніемъ имущества, свободы и независимости, когда греки, у которыхъ, какъ выразились сами испытатели вѣръ, «всюду Богъ пребываетъ,» проповѣдывали православную вѣру мирно, кротко, съ однимъ желаніемъ блага другимъ. «Греки, говоритъ одинъ современный намъ историкъ, не опоясывали своихъ проповѣдниковъ мечемъ, не проливали крови, не зажигали костровъ; ихъ проповѣдникъ приходилъ къ Владиміру не съ войскомъ, а съ картиною страшнаго суда Божія, онъ имѣлъ дѣло только съ душею, сила его заключалась только въ силѣ слова Божія, онъ вводилъ совѣсть въ права ея надъ страстями и заблужденіями, не требовалъ земныхъ выгодъ; проповѣдь его не отягчала никого новою земною властію сверхъ одной законной [1]). Такимъ образомъ вѣра греческая во всѣхъ отношеніяхъ оправдала избраніе ея Ольгою. Послѣ сего, что могъ сдѣлать великій князь Владиміръ, какъ не спросить народъ: «гдѣ крещеніе пріимемъ?» Равно что могъ отвѣчать на это своему любимому князю народъ, какъ не то, что отвѣчалъ онъ; «гдѣ ти любо?» [2]).

Но это добровольное согласіе на принятіе православной вѣры греческой произошло изъ глубины души нашихъ предковъ въ слѣдствіе всей ихъ жизни. Къ этому, как мы видѣли, они были издревле приготовляемы Промысломъ Божіимъ, такъ же чудно образовавшимъ ихъ въ сосудъ православія чрезъ сношенія съ образованными, а потомъ и православными греками, какъ чудно отдѣлилъ Онъ ихъ отъ неправославнаго запада—въ отношеніи религіозномъ—славянскимъ переводомъ, и въ политико-географическомъ сосѣдними государствами, по самому составу своему и цѣли долженствовавшими служить преградою нападеніямъ папы на русскихъ. Къ этому пришли они путемъ собственнаго убѣжденія въ истинности православной вѣры греческой. А потому русскіе въ отвѣтѣ своимъ папамъ, ссылаясь на прянятіе отцами вѣры греческой, тѣмъ самымъ давали знать римско-католикамъ о невозможности принятія ихъ вѣры уже и потому, что ея не могли принять еще предки ихъ по причинамъ столь основательнымъ и дѣйственнымъ, что слѣдствія ихъ имѣли великое вліяніе и на всю послѣдующую жизнь потомковъ русскаго народа. (*Продолженіе впредь*).

---

[1]) Ис. Р. Цер. ч. 1, Моск., 1848. [2]) Нес. по Кениг. сп. стр. 79.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ ІЕЗУИТОВЪ ДО ПОСЕЛЕНІЯ ИХЪ ВЪ РОССИИ *).

Орденъ іезуитовъ основанъ Игнатіемъ Лойолою, младшимъ изъ одинадцати дѣтей испанскаго дворянина изъ Бискаіи. Будучи военнымъ до тридцатилѣтняго возраста, Игнатій былъ героемъ множества любовныхъ приключеній; но полученная имъ у Пампелуны рана заставила его перемѣнить карьеру. Въ продолженіи долгаго леченія онъ выучился читать и писать при содѣйствіи одного монаха, который обратилъ его къ монашеской жизни. Безобразіе, результатъ раны, помогло его обращенію къ ней, лишивъ его всякой надежды на возобновленіе своихъ любовныхъ похожденій. Онъ составилъ общество изъ десяти лицъ духовныхъ и такихъ же, какъ самъ, дворянъ, и обошелъ Францію и Италію.

Это было въ то время, когда Лютеръ проповѣдывалъ противъ пороковъ римскаго двора, общаго развращенія нравовъ въ духовенствѣ и продажи индульгенцій. Новые монахи предприняли защиту святаго престола, который и призналъ ихъ подъ именемъ *общества Іисусова*; особенною булою папа даровалъ имъ множество привиллегій, къ которымъ другіе ордена оказались крайне завистливыми. Они сдѣлались избраннымъ войскомъ Рима, и Бенедиктъ XIV назвалъ ихъ ***Янычарами Церкви.***

Спиритуалистическимъ стремленіямъ, строгимъ правиламъ протестантовъ они противопоставили ученія, діаметрально противоположныя. Именно, чрезъ нихъ входили въ церковь пра-

---

*) Переводъ съ французскаго.

ктическія суевѣрія и легкая мораль, которыхъ справедливо ужасалось благочестіе просвѣщенныхъ вѣрующихъ.

Папы Павелъ III и Юлій III награждали ихъ привиллегіями, которыя сдѣлали ихъ мало по малу независимыми даже отъ папской власти.

Общество іезуитовъ основано въ 1540 году.

Въ 1578 году іезуиты были изгнаны изъ Антверпена, а въ 1581 г. трое изъ нихъ казнены смертію въ Англіи за заговоръ противъ королевы Елисаветы.

Во Францію они были допущены Генрихомъ II вопреки оппозиціи парламента и парижскаго епископа Евстафія Беллея. Ихъ увидѣли тотъ часъ же участниками во всѣхъ смутахъ; они были душою Лиги.

Въ 1589 г. Генрихъ III умерщвленъ монахомъ Яковомъ Климентомъ, по внушенію іезуитовъ.

Въ 1593 г. ученикъ іезуитовъ, Барьеръ покушается умертвить Генриха IV.

Въ 1594 г. является новый убійца короля, Іоаннъ Шатель. Іезуиты, уроки которыхъ вложили ножъ въ его руку, впервые изгоняются изъ Франціи. Ихъ не видѣли, но всегда однакожъ чувствовали.

Въ 1595 г. отецъ Гиньяръ (Guignard), одинъ изъ ихъ ученыхъ, повѣшенъ въ Гревѣ за апологію цареубійства.

Въ 1598 г. они покушаются умертвить Морица Нассаускаго, и изгоняются изъ Голландіи.

Въ 1610 г. Равальякъ умерщвляетъ Генриха IV на этотъ разъ окончательно. Іезуиты нарисовали картину, на которой убійца представленъ восходящимъ въ славѣ на небо, а его жертва, Генрихъ IV, низвергающимся въ глубину ада. Эта картина еще видна была въ 1845 г. въ архивѣ судебной палаты въ Парижѣ. Но не будемъ утверждать, тамъ ли она нынѣ.

Въ годъ убіенія Генриха IV іезуитъ Маріана издалъ свое Institution du Prince, въ которомъ содержится апологія цареубійства.

Въ 1618 г. іезуиты изгнаны изъ Богеміи, какъ возмутители общественнаго спокойствія и развратители нравственности.

Въ 1619 г. они изгнаны изъ Моравіи по тѣмъ же причинамъ.

Въ 1643 г. они прогнаны съ Мальты.

Въ 1646 г. они производятъ въ Севильѣ банкротство, сдѣлавшееся знаменитымъ.

Въ 1713 г. іезуитъ Ювансъ, въ исторіи своего общества, ставитъ между мучениками убійцъ французскихъ королей. Его книга осуждена на сожженіе.

Въ 1723 г. Петръ Великій находитъ безопасность для себя и спокойствіе для Россіи въ изгнаніи іезуитовъ.

Въ 1757 г. сдѣлано покушеніе на жизнь Людовика XV Даміеномъ, который жилъ у іезуитовъ. Въ томъ же году эти отцы публиковали изданіе одной своей книги, въ которой предлагается ученіе объ умерщвленіи царей. Ихъ изгоняютъ вновь. Было бы всего лучше, если бы они уже не могли возвратиться.

Въ 1758 г. португальскій король умерщвленъ въ слѣдствіе заговора, составленнаго отцами Малагридою, Матусомъ и Александромъ. Іезуиты были изгнаны изъ Португаліи.

Въ 1761 г. открылось банкротство отца Лавалетта *). Приговоръ парламента, 5-го Марта 1762 г., изгоняетъ іезуитовъ изъ Франціи и ея владѣній, по причинѣ ихъ гибельныхъ ученій, оправдывающихъ убійство, воровство, клятвопреступленіе, безстыдство, однимъ словомъ—всѣ преступленія. Этотъ приговоръ былъ произнесенъ общимъ собраніемъ палатъ (toutes Chambres assemblées).

Вотъ краткая исторія этого замѣчательнаго процесса:

Въ 1743 г. Общество послало на островъ Мартинику, въ качествѣ инспектора миссіи, отца Лавалетта, человѣка предпріимчиваго и ловкаго. Этотъ іезуитъ основалъ на Антильскихъ островахъ коммерческій домъ, который почти исключительно овладѣлъ продажею товаровъ западной Индіи, называвшейся тогда также Америкою. Домъ этотъ вступилъ въ сношенія съ первыми домами Франціи и Англіи. Братья Ліонси, въ Марсели, сдѣлались главными соучастниками О. Лавалетта, и имъ пришлось искать съ него уплаты суммы почти въ 2,000,000 ливровъ. Чтобы освободиться отъ этаго долга, О. Лавалеттъ отправилъ два корабля, богато нагруженные; но они были захвачены на морѣ Англичанами, шедшими объявить войну Франціи.

*) См. Дополнительное примѣчаніе въ концѣ этой исторіи.

Домъ Ліонси, имѣя настоятельную нужду въ своихъ деньгахъ, попросилъ у марсельскаго настоятеля іезуитовъ суммы въ 400,000 ливровъ для избѣжанія банкротства. Этотъ настоятель, по имени отецъ Сасей (Sasy), бывшій до толѣ прямымъ агентомъ и повѣреннымъ О. Лавалетта, объявилъ, что общество не можетъ быть солидарно; но что оно доставитъ гг. Ліонси утѣшеніе своими молитвами, что оно прослужитъ для нихъ миссу. Миссы, однакожъ и молитвы іезуитовъ не наполнили сундука братьевъ Ліонси, и они были принуждены (**de deposer son bilan**) и искать предъ парламентомъ уплаты своего долга. Іезуиты хотѣли потушить дѣло; но г. де Шуазель, первый министръ въ то время, убѣдилъ короля, Людовика XV, поддержать ищущихъ, и іезуиты были присуждены къ уплатѣ векселей своего агента. Они имѣли неблагоразуміе отказываться отъ этой уплаты, ссылаясь на *свои постановленія*. Это слово было для нихъ громовымъ ударомъ. Эти постановленія донынѣ оставались тайными; слѣдовало ихъ обнаружить. Они были представлены непосредственно въ парламентъ Аббатомъ Шовеленемъ, совѣтникомъ верхней палаты (conseiller à la Grand Chambre), и сдѣлались однимъ изъ главныхъ основаній обвиненія, кончившагося приговоромь 1762 г., изгоняющимъ іезуитовъ изъ Франціи, «какъ людей, признающихъ ученіе, по-«слѣдствія котораго ведутъ къ извращенію естественнаго зако-«на, нравственныхъ правилъ, самымъ Богомъ напечатанныхъ «въ сердцѣ человѣческомъ, а за тѣмъ и къ разрыву всякихъ «связей гражданскаго общества, такъ какъ это ученіе покрови-«тельствуетъ воровству, лжи, вѣроломству, самому виновному «безстыдству, и вообще—всѣмъ страстямъ и преступленіямъ, «научая тайному воздаянію (compensation occulte), двусмыслен-«ностямъ, подразумѣваемымъ условіямъ, правдоподобіямъ (pro-«babilisme) и грѣхамъ философскимъ.»

Въ подтвержденіе своего торжественнаго мнѣнія парламентъ опредѣлилъ, чтобы къ его рѣшенію былъ присоединенъ экстрактъ изъ книгъ и ученій іезуитовъ въ видѣ побудительной причины его рѣшенія, и чтобы придать ему болѣе силы. Вотъ нѣкоторыя мѣста этого экстракта.

По мнѣнію о. Еммануила Спа, изъ общества іезуитовъ:

«Ничуть не дѣлаютъ обмана, когда для замѣны потерян-«наго документа на наслѣдство или дворянство составляютъ

«подложный.»—(Afforismes des confesseurs. Cologne. 1590 г.)

«Не смертный грѣхъ взять у кого нибудь тайно то, что «онъ далъ бы, если бы попросить у него; хотя бы онъ и не «хотѣлъ, что бы у него взяли это тайно, *но возвращать не* «*должно*.»—(id. ibid).

«*Не воровство*—взять тайно небольшую вещь у своего «мужа, или у своего отца.»

«Кто, взявши не принадлежащую ему вещь, не дѣлаетъ «никакого убытка, потому что ея владѣлецъ не пользуется ею, «*тотъ не обязанъ возвратить ее*.»—(id ibid).

Въ своемъ *Опытѣ общественнаго Богословія*, изданномъ въ 1736 г., отецъ Таберна утверждаетъ, что:

«Если судья взялъ деньги, чтобы произнести несправедли-«вый судъ, то, *по всей вѣроятности*, онъ можетъ сохра-«нить эти деньги. «Это мнѣніе пятидесяти восьми іезуитскихъ «учителей».

На вопросъ:

«Въ какихъ случаяхъ монахъ можетъ перемѣнить свою «одежду, не подвергаясь отлученію отъ общества?»

Онъ отвѣчаетъ:

«Если онъ перемѣнитъ ее для дѣла безчестнаго, какъ то «для воровства, или для входа incognito въ мѣста разврата.

«**Si habitum** dimittat ut furetur occulte, vel fornicetur.» (Praxis ex societatis Jesu schola. Tr. 7, ex. 6, nº 103).

Другой вопросъ:

«Слуги, недовольные своимъ жалованьемъ, могутъ ли са-«ми собою увеличить его, забирая своими руками столько иму-«щества своихъ господъ, сколько, по ихъ соображенію необ-«ходимо, чтобы уравнять жалованье съ своимъ трудомъ?»

Отвѣтъ:

«Они могутъ это въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, напр., «они были столько бѣдны при заключеніи договора, что должны «были согласиться на предложеніе, какое имъ сдѣлали, и когда «другіе слуги одного съ ними разряда получили преимущество «въ слѣдствіе другихъ причинъ.»—(Somme du P. Banny, pages 213 et 214 de la 6-e edition).

По Ескобару:

«Женщина можетъ веселиться и брать для этого деньги у своего мужа.»—(Chap. du larcin., tr. 1, nº 13).

Санше (Sanchez) говоритъ:

«Можно присягнуть, что что нибудь не сдѣлано, хотя бы «дѣйствительно было сдѣлано, думая про себя, что оно не сдѣ«лано въ извѣстный день, или не сдѣлано прежде, чѣмъ на«чато, или же подразумѣвая какое нибудь подобное обстоя«тельство, такъ однакожъ, чтобы употребляемыя слова имѣли «такой смыслъ, который бы не могъ дать замѣтить это. А это «весьма выгодно во многихъ случаяхъ и совершенно справедли«во всегда, когда необходимо или полезно для здоровья, чести, «или имущества.» (Oper. mor. pag. 2, 1, 3. c. 6, n. 13).

По *сочиненію о покаяніи* отца Валезія Режинальда.

«Слуги могутъ брать тайно имущество своихъ господъ «подъ видомъ вознагражденія, подъ предлогомъ, что ихъ жало«ванье слишкомъ мало, *и они свободны отъ отвѣтствен«ности.*»

Отецъ Антоній Каскеди утверждаетъ, что:

«Богъ запрещаетъ воровство только тогда, когдо оно по«читается зломъ, но не тогда, когда оно признается благомъ.»

По *Нравственному Богословію* іезуита Ѳомы Тамбурена, напечатанному въ Ліонѣ въ 1659 г.

«Никому не обязательно подъ страхомъ смертнаго грѣха— «возвращать то, что взято при многихъ малыхъ похищеніяхъ, «какъ бы ни была велика въ итогѣ похищенная сумма.»

«Вы меня спрашиваете (говоритъ отецъ Трашела въ сво«емъ Régle du Confesseur, изданномъ въ Бамбергѣ въ 1759 г.), «подлежите ли вы отвѣтственности въ томъ случаѣ, когда вы «поможете кому нибудь учинить воровство съ большею скоро«стію и легкостію.

«*Я отвѣчаю отрицательно съ правдоподобіемъ.* (avec probabilitè).

«Тоже самое, когда вы держали лѣстницу вору для кра«жи, или повинуясь своему господину, который повелѣваетъ «вами, вы несли шкатулку, имъ уворованную, особенно, если «она уворована имъ безъ вашей помощи.»

Въ *афоризмахъ* О. Еммануила Са находимъ:

«Убійство позволительно для защиты себя самаго, защиты «другаго равно и своего имущества.»

Отецъ Генрике (Henriquez) въ своемъ *Нравственномъ*

Богословіи выражается такимъ образомъ,—tom 1, liv. IV, chap. 10, n° 3, page 809:

«Если бы прелюбодѣй, даже и *церковнослужитель*, «хорошо зная объ опасности, вошелъ къ прелюбодѣйной жен-«щинѣ, и захваченный ея мужемъ, убилъ его для защиты «своей жизни или своихъ членовъ, то, *кажется, онъ не «поступилъ бы неправильно.*»

Отецъ Лессій увѣренъ, что монахъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать, «убьетъ напавшаго на него, ни сколько не грѣшитъ «предъ закономъ, потому что онъ не обязанъ бѣжать.»

Стефанъ Фагундэ (Fagundez), въ *сочиненіи о заповѣдяхъ Десятословія*, изданномъ въ Ліонѣ въ 1640 г., tom. 1, chap. 2, p. 501, выражается такимъ образомъ:

«Дѣти христіанъ и католиковъ могутъ обвинить своихъ «родителей въ преступленіи ереси, хотя бы они и знали, что «ихъ родителей за это сожгутъ или казнятъ смертію, comme «l'enseigne Tolet.., и не только они могутъ отказать имъ въ «пропитаніи, если тѣ намѣрены отклонить ихъ отъ католической «вѣры, но даже *по справедливости могутъ убить ихъ*, «не преступая этимъ границъ правой обороны, если бы ихъ «родители захотѣли принудить ихъ насиліемъ къ отступленію «отъ вѣры.»

Іезуитъ Бонасина освобождаетъ отъ всякаго проступка «мать, «которая желаетъ смерти своимъ дочерямъ, *если не «можетъ выдать ихъ замужъ по своему желанію, по «причинѣ ихъ безобразія или бѣдности.*»

По *Нравственному Богословію* Антонія Ескобара:

«Позволительно предательски убить изгнанника.»—(Tom. IV, page 276).

«Равно позволительно умерщвлять тѣхъ, которые вредятъ «намъ предъ начальниками и знатными лицами.»—(id. ibid. page 284).

Іезуитъ Іаковъ Плателій, авторъ *Курса Богословія*, изданнаго въ Дуэ въ 1680, высказываетъ такія положенія:

«Если кто нибудь столько глупъ, что твердо увѣренъ, «будто желаніе учинить человѣко-убійство не составляетъ грѣ-«ха, то онъ не грѣшитъ, желая учинить его.»

«Позволительно убить другого для сохраненія своихъ да-«ровъ фортуны.»

«Іоаннъ де Кардена предполагаетъ, что позволительно же-«лать смерти чьей нибудь для большаго блага хотя бы вещест-«веннаго, общества или церкви, потому что общее благо «имѣетъ преимущество предъ благомъ частнаго лица.»

Еммануилъ Са учитъ въ своихъ *Афаризмахъ*, что:

«Возстаніе *духовнаго* противъ короля не есть преступле-«ніе оскорбленія величества, потому что *духовный* есть под-«данный не короля, а папы, который можетъ устранять и са-«мую свѣтскую власть королей и освобождать ихъ подданныхъ «отъ всякаго повиновенія.»

По Лессію, «двусмысленности позволительны, когда есть «справедливый поводъ къ самосохраненію.»

Отцы Санше (Sanchez) и Кардена приводятъ для этого примѣры. Они говорятъ: «такъ какъ слово **Gallus** на латын-«скомъ языкѣ можетъ означать и *пѣтуха* и *француза*, то «еслибы у меня спрашивали на этомъ языкѣ, убилъ ли я *фран-«цуза*,—хотя бы я и убилъ, я отвѣчалъ бы: нѣтъ, разумѣя «*пѣтуха*. Также, слово esse по латыни значитъ *быть* и *ѣсть*, «теперь еслибы меня спросили: есть ли у него Тилій, я отвѣ-чалъ бы, что нѣтъ, разумѣя, что онъ тамъ не ѣстъ.»

Вотъ нѣчто, еще болѣе важное:

«Когда берутъ деньги, чтобы сдѣлать худое дѣло обязаны «ли возвращать ихъ?»

Отвѣтъ:

«***Нужно различать***: если не сдѣлано то, за что было «заплочено, должно возвратить деньги; но если сдѣлано, не «обязательно. Si non fecit hoc malum, tenetur restituere; secus, «si fecit.»—(Molina, cite par Escobar. tr. III, ex II, nº 138).

Отецъ Васке (Vasquez), по указанію о. Кастро Палао, tome 1-er, tr. VI, nº 12, p. 6, говоритъ, что «когда кто «увидитъ вора, рѣшившагося и уже готоваго обворовать бѣд-«наго человѣка, можетъ для отклоненія его отъ этого, указать «ему какого нибудь богатаго человѣка, чтобы онъ обворовалъ «этого вмѣсто бѣдняка.» и проч. и проч. и проч.

Если обратимся теперь къ ученію іезуитовъ о любострастіи, то встрѣтимъ такія вещи, которыхъ не только нельзя будетъ привести здѣсь, но о которыхъ даже нельзя будетъ дать и слабаго понятія. Это неслыханныя выдумки невообразимыхъ преступленій, нечестивѣйшихъ прелюбодѣяній, извращеній природы,

какія только могло произвести въ помраченномъ разсудкѣ принужденное безбрачіе И все это у іезуитскихъ казуистовъ находитъ поблажку, даже оправданіе.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ положеній, которыя могутъ быть приведены здѣсь безъ оскорбленія чувствъ приличія:

«Отецъ Корнелій указываетъ женщинамъ, находящимся въ «положеніи Сусанны, средство извернуться безъ грѣха, и однакожъ съ удовольствіемъ: это—перенести все, твердя себѣ «внутренно, что не согласны на это; потому что жизнь и репутація гораздо больше значатъ, чѣмъ цѣломудріе.»

«Quia majus bonum est fama et vita quàm pudicitia.»

Отецъ Гаспаръ (Gaspard) *въ сочиненіи о Таинствахъ* разрѣшаетъ утвердительно вопросъ:

«Позволительно ли совершать супружескій актъ до брачнаго благословенія?»

Санзъ (Sanz), Наварръ и другіе доказываютъ, что это позволительно, «и разумно, *и достойно*» (avec raison **et merito**) присовокупляютъ эти добродѣтельные богословы.

Отецъ Симонъ де Ляссо, профессоръ казуистики въ Аміенской коллегіи въ 1656 г. говоритъ: «для женщинъ, выставляющихъ свою красоту на показъ молодымъ людямъ, въ которыхъ онѣ желаютъ возбудить похотливыя желанія, не смертный грѣхъ, если, дѣйствуя такимъ образомъ, онѣ въ какихънибудь видахъ необходимости или пользы стараются доставить «себѣ право легко выходить изъ дому, оставаться за дверью «или въ окнѣ дома.»

Есть еще случаи когда можно безъ грѣха обольстить дочь: достаточно *клонить къ добру свое намѣреніе*; и случаи, когда дочь можетъ прелюбодѣйствовать. Но оставимъ эти мерзости.

Эти извлеченія, *Парламентскими коммиссарами провѣренныя и скрѣпленныя во исполненія опредѣленія Двора 31 Августа 1761 г. и опредѣленія 3-го Сентября*, составляютъ не меньше четырехъ книгъ. Эти подлинные акты находятся во всѣхъ возможныхъ библіотекахъ, и во многихъ частныхъ собраніяхъ книгъ.

Поспѣшимъ окончить нашу исторію.

Въ 1774 г. папа Климентъ XIV самъ издалъ буллу объ

уничтоженіи общества іезуитовъ, онъ вскорѣ погибъ отравленнымъ.

Іезуиты убѣжали въ Россію, гдѣ снискали благосклонность многочисленныхъ любимцевъ Императрицы Екатерины II (1779).

Изгнанные изъ Рима французами въ продолженіи революціи, они однакожъ снова поднялись въ 1814 г., и возвратились съ Бурбонами. Въ департаментахъ помнятъ ихъ соблазнительныя миссіи. Революція 1830 г. разсѣяла ихъ.

Іезуиты всегда стремились исключительно овладѣть воспитаніемъ. Извѣстно, какъ они стремились къ этому, и какимъ именно образомъ они преподавали своимъ ученикамъ исторію. Одинъ изъ ихъ историковъ, отецъ Лорико (Loriquet), настоятель въ Парижѣ въ недавнее время, составилъ исторію Франціи, которая стала извѣстностью. Революція и имперія едва только упомянуты. Людовикъ XVIII начинаетъ свое царствованіе съ 1795 г. а *Маркизъ Бонапартъ*, при его входѣ въ Берлинъ и Вѣну, представленъ *генералъ-лейтенантомъ* этого *достолюбезнаго монарха*, который, въ продолженіи походовъ его побѣдоносныхъ войскъ, былъ удержанъ *Провидѣніемъ* въ Англіи, у нашихъ будущихъ освободителей. Шесть первыхъ изданій этой исторіи, продававшихся въ Ліонѣ у книгопродавца Рузанда, раскуплены въ четыре года. Въ 1821 г. явилось седьмое изданіе, мало, правда, измѣненное, но въ которомъ сверхъ того читалось, tom. II, page 375, что *у Ватерлоо видѣли разсвирѣпѣвшихъ солдатъ императорской гвардіи нападавшими однихъ на другихъ и убивавшими другъ друга предъ глазами англичанъ, на которыхъ это странное зрѣлище наводило ужасъ, смѣшанный съ отвращеніемъ.*»

Этой исторіи слѣдовали во всѣхъ французскихъ коллегіяхъ еще въ 1830 г.

Съ этого времени они стали дѣйствовать съ большою осмотрительностію. По документамъ ихъ нѣтъ и ничтожной доли, но они есть вездѣ. Подъ ихъ именно вліяніемъ основано множество свѣтскихъ религіозныхъ асоціацій, покрывающихъ міръ въ настоящее время.

Также, торжественно осужденные за свои дѣла и ученія, іезуиты тѣмъ не менѣе смѣло открыли свои школы въ сердцѣ той Франціи, изъ которой три раза были выгоняемы съ без-

честіемъ. Ихъ изгоняютъ; они остаются всегда, и становятся еще могущественнѣе. Министры проходятъ, перемѣняются правленія, революціи измѣняютъ страну, обновляются законы: одни іезуиты остаются всегда и не смотря ни на что.

Какая же тайная сила покровительствуетъ имъ вопреки общему праву, вопреки нашимъ законамъ, вопреки самой власти?.. Кто знаетъ?

Должно надѣяться безъ сомнѣнія, что они сдѣлаютъ или побудятъ сдѣлать какое нибудь большое преступленіе, чтобы заставить выполнить столько разъ повторенное опредѣленіе нашей старой, почтенной магистратуры.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Вотъ дѣло еще болѣе ненавистное, чѣмъ банкротство Лавалетта. Оно было представлено на судъ въ Брестѣ, въ 1715 г., но іезуиты умѣли такъ ловко маневрировать, что увѣковѣчили это дѣло, и въ концѣ концовъ привели его къ ничтожному результату.

Извѣстный Амвросій Газъ (Guys), родомъ изъ Апта, прибылъ въ Брестъ, въ 1701 г., съ достаточнымъ состояніемъ, которое онъ вынесъ изъ Бразиліи. Его сундуки заключали *тысячу сто девятнадцать ливровъ золота, значительную сумму серебромъ, большое количество драгоцѣнныхъ камней и другихъ дорогихъ вещей.* Будучи боленъ, онъ поселился со всѣмъ своимъ имуществомъ у какого то Гимара (Guimar), содержателя гостинницы на набережной де ля Рекувpансъ. Чувствуя себя весьма непокойнымъ, онъ призвалъ духовника іезуита и поручилъ ему письма къ своимъ сотоварищамъ, чтобы онъ передалъ ихъ чрезъ іезуитовъ страны, изъ которой онъ прибылъ. Судя по этимъ письмамъ о значительности удара, который они имѣли сдѣлать, монахи поручили исполненіе его брату Шовелю, главному попечителю ихъ дома. Этотъ убѣдилъ Гиза оставить гостинницу, въ которой худо заботились о немъ, и перейти въ домъ общества, гдѣ будутъ заботиться о немъ гораздо больше. Больной согласился; но изъявилъ желаніе предварительно совершить духовную. Отецъ Шовель одобрилъ этотъ проэктъ, и въ тотъ же вечеръ несчастный Гизъ подписалъ ее при нотаріусѣ и четырехъ свидѣтеляхъ. Но этотъ мнимый нотаріусъ былъ очень просто садовникъ іезуитовъ, а четыре свидѣтеля—отцы іезуиты, переодѣтыя въ буржуа. Больной

переселился къ добрымъ отцамъ, гдѣ спустя три дня и умеръ.

Франсуа Журданъ, племяница покойнаго, и супруга какого то Еспри Беранжера, изъ Марсели, узнавъ по народной молвѣ о томъ, что произошло съ ея родственникомъ, подала, 11 Апрѣля 1715 г., прошеніе брестскимъ судьямъ о произведеніи слѣдствія. Іезуиты, предвидя грозу, стали грозить Беранжеру *уничтожить его*, если онъ не отступитъ отъ этого иска. Этотъ бѣднякъ, запуганный и разоренный двухлѣтнимъ походомъ въ Бретань, нашелся принужденнымъ покориться этимъ угрозамъ. Г. канцлеръ д'Алессо, разслѣдывавшій это дѣло, побудилъ генералъ-прокурора Бретаньскагѳ парламента остановить слѣдствіе. Процедура, каждый разъ пріостанавливаемая деньгами іезуитовъ, протянулась до 1736 г. Въ это время, отецъ Шовель, главный виновникъ воровства, ставши старъ и слабъ, почувствовалъ угрызенія совѣсти; онъ написалъ изъ ля Флеша, куда онъ удалился оканчивать дни свои, о всемъ томъ, что произошло въ Брестѣ, и препроводилъ это объясненіе маршалу д'Естрэ (d'Estrées). Тогда король, получивъ достовѣрныя свѣденія о воровствѣ, выдалъ по *собственной волѣ* (proprio motu) опредѣленіе, которымъ іезуиты присуждались къ отдачѣ наслѣдникамъ Гиза восьми милліоновъ. Отцы были на столько искусны и могущественны, чтобы препятствовать исполненію этого опредѣленія.

КЪ ВОСТОЧНОЙ ИЛИ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ ПРИНАДЛЕЖАЛИ СВ: КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ?

Вопросъ этотъ какъ бы грѣховенъ по отношенію къ знаменитымъ апостоламъ славянскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, совершивъ свое служеніе въ предѣлахъ церквей частію восточной, частію западной, бывши въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тою и другою, они въ своей жизни и дѣятельности оживляютъ передъ нами черты того первобытаго единства ихъ, которое въ вѣкъ ихъ хотя начинало падать, но еще не пало, было не только свѣжимъ преданіемъ, но давало видѣть себя, въ текущихъ явленіяхъ жизни церковной. Память св. братьевъ, почитается церковію западною, какъ и восточною, должно бы говорить о союзѣ, мирѣ ихъ, а не борьбѣ и раздѣленіи и устранять самый вопросъ о томъ, къ какой изъ двухъ церквей принадлежали св братья, дѣйствовавшіе въ духѣ и разумѣ единой, вселенской церкви. Къ сожалѣнію вопросъ этотъ—есть, и никогда еще не было такого горячаго и упорнаго стремленія дать ему рѣшеніе противурѣчащее высокому, примиряющему характеру апостольской дѣятельности св братьевъ. Сторонники католичества изъ славянъ и не славянъ готовы теперь совершенно отнять славянскихъ учителей у церкви восточной и присвоить Римской. Не повторяя здѣсь столько извѣстной исторіи этого мнѣнія, скажемъ только, что въ немъ надобно различать два мотива: научный и политическій. Если Копитаръ, Шафарикъ высказали подобное мнѣніе болѣе на основаніи научныхъ изслѣдованій, несовсѣмъ впрочемъ чуждыхъ католическаго пристрастія, то другіе, Гинцелъ, Ганушъ, Шульцъ и наконецъ рядъ современныхъ славяно-католическихъ публицистовъ и га-

зетныхъ борцовъ проповѣдуютъ это мнѣніе просто руководясь католическою догмою и политикой, совершенно подчиняя ей науку, которая впрочемъ по строго-католическому воззрѣнію и не должна имѣть самостоятельнаго значенія, а служитъ только даннымъ цѣлямъ церковной политики.—Въ литературѣ польской, вопросъ этотъ получилъ особенный интересъ со времени Маціевскаго, который въ сочиненіяхъ своихъ, особенно въ своей знаменитой «Исторіи первобытной христіанской церкви у Славянъ» послѣдовательно развилъ мысль, что проповѣдь и Церковь св. Кирилла и Меѳодія простирались на всѣ славянскіе народы въ томъ числѣ польскій, и что это была церковь восточнаго исповѣданія. Противъ этой мысли сильно вооружились было польскіе писатели, какъ Рихтеръ, Тышинскій, Бѣліовскій и другіе. Полемизируя противъ нее, нѣкоторые изъ нихъ должны были сдѣлать уступки Маціевскому; но при этомъ сдѣлали и такой оборотъ, на которомъ уступки эти могутъ быть допущены безъ смущенія: они свернули на старую дорогу—къ уніи. Стали утверждать, что восточное исповѣданіе Кирилла и Меѳодія не было еще тогда (по выраженію латинянъ) схизматическимъ, въ смыслѣ фотіевой схизмы и находилось въ полномъ согласіи съ римскою церковію. Такое мнѣніе высказывалъ ученый Баліовскій, библіотекарь заведенія имени Оссолинскихъ въ Львовѣ *). Той же мысли постоянно держался и гораздо болѣе знаменитый Лелевель. Впрочемъ у него, какъ и Бѣліовскаго, мысль эта выражается не совсѣмъ опредѣленно. Въ послѣдніе годы польскіе писатели вновь ободрены были и притомъ поставлены на болѣе опредѣленную точку зрѣнія извѣстнымъ сочиненіемъ Шафарика «о происхожденіи и родинѣ Глаголицы,» въ которомъ онъ вопреки прежнимъ мнѣніямъ своимъ, высказалъ, что Кириллъ изобрѣлъ не кириллицу, а глаголицу, считающуяся носительницею славянскаго латинства, что вообще дѣятельность св. братьевъ принадлежала церкви западной и западнымъ славянамъ, а съ греческою церковію они уже расходились, такъ что и сама она какъ бы от-

*) См. его „Wstęp krytyczny do Dziejow Polski" Lwow 1850 г. снес. статью его: "Pomniki języka polskiego" въ библіотекѣ варшавской 1853 г. T. III. str. 20.

ворачивалась отъ ихъ дѣла, заподозрѣвая ихъ въ латинствѣ; кириллица же хранительница восточнаго православія и усвоенная юго-восточными славянами, изобрѣтена уже послѣ Кирилла и Меѳодія въ Болгаріи—Климентомъ Болгарскимъ. Мнѣніе это, высказанное такимъ авторитетомъ, становится теперь для польскихъ изслѣдователей базисомъ, на которомъ пытаются строить цѣлыя теоріи о судьбахъ славянскаго религіознаго сознанія и славянскаго языка, сосредоточенныхъ въ польской націи, этой вѣрнѣйшей хранительницы славяно-католическаго преданія идущаго отъ временъ Кирилла и Меѳодія и обладательницы совершеннѣйшаго славянскаго языка, болѣе другихъ способнаго объединять собою прочіе славянскіе языки, объединенные нѣкогда письменнымъ языкомъ Кирилла и Меѳодія. Къ такимъ мыслямъ приходятъ, впрочемъ, болѣе увлекающіеся изъ поляковъ, которые были бы въ неописанномъ энтузіазмѣ, еслибы мысли эти стали ясны и общи въ мірѣ славянскомъ теперь, когда приближается наконецъ празднованіе тысящелѣтія христіанскаго просвѣщенія славянъ и славянской грамотности (говорятъ 11-го Мая въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія). Другіе же католики-славяне и даже не-славяне, но заинтересованные въ вопросѣ славянскомъ (каковы австрійскіе, нѣмецкіе прелаты въ епархіяхъ, гдѣ живутъ славяне), заговаривая объ этомъ празднованіи, налегали вообще на мысль о латинскомъ исповѣданіи св. Кирилла и Меѳодія и основанной ими церкви, о полномъ единеніи ея съ Римомъ, о которомъ по мнѣнію ихъ и должны бы подумать теперь славяне, особенно тѣ 50 милліоновъ, которые бурею греческой схизмы отторгнуты отъ этого св. единенія (слова—каноника Щульца). Дѣйствительно, скажемъ мы принадлежащіе къ этимъ 50-ти милліонамъ, въ тысящелѣтіе памяти безсмертныхъ апостоловъ славянства въ высшей степени поучительно и отрадно было бы вспоминать о томъ вѣроисповѣдномъ характерѣ ихъ проповѣди и церкви, въ которомъ отражались черты истиннаго вселенскаго единства, хр. церкви. Этотъ характеръ проповѣди славянскихъ учителей именно и условился принадежностію ихъ церкви восточной, гдѣ хранилось неприкосновенно начало вселенскаго православія и единство церкви, падавшее на западѣ, куда они какъ бы пришли возвѣстить его.

Общеизвѣстно, что знаменитые братья были родомъ греки или греческіе славяне, дѣти важнаго правительственнаго санов-

ника въ городѣ Солуни, съ давнихъ поръ окруженномъ славянскимъ населеніемъ, имѣвшимъ своихъ представителей въ самомъ городѣ. Для всего этого населенія греческій элементъ былъ и правительственнымъ и христіански-образовательнымъ, просвѣтительнымъ: здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, славяне издавна и постепенно проникались греко-христіанскимъ вліяніемъ, приготовляясь къ полному усвоенію христіанства въ духѣ восточнаго православія. За тѣмъ въ исторіи духовнаго развитія св. братьевъ знаменательны еще слѣдующія обстоятельства. Младшій Константинъ еще въ отрочествѣ возлюбилъ «прекрасную Софію или мудрость» и искалъ удовлетворенія этой любви въ изученіи великихъ учителей восточной церкви; особенно плѣняло его изученіе твореній св. Григорія Богослова, которому онъ молился, чтобы былъ ему учителемъ и просвѣтителемъ. Скоро Константинъ нашелъ для себя достойнѣйшаго учителя и на землѣ—въ лицѣ Фотія, въ обученіе которому поступилъ онъ въ Царьградѣ. Будущій патріархъ константинопольскій, столько знаменитый своею любознательностію, ученостію, просвѣщеніемъ, любилъ распространять просвѣщеніе и среди другихъ и имѣлъ у себя училище и учениковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ теперь и Константинъ, соединившійся тѣсною дружбою съ учителемъ. Эта ранняя и глубокая связь Константина съ Фотіемъ должна бы быть очень назидательнымъ фактомъ для тѣхъ, которые хотятъ теперь, такъ сказать, оторвать перваго отъ послѣдняго, оторвать вообще отъ восточной церкви. По выходѣ изъ училища, Константинъ обнаружилъ рѣшительную наклонность къ жизни подвижнической и способность къ служенію духовному просвѣщенію людей. Открытый въ монастырскомъ уединеніи своемъ, онъ былъ упрошенъ принять учительскій санъ «учити философіи *своземця и странныя:* потомъ, не смотря на свою молодость, выставленъ былъ на прѣнія съ еретиками и невѣрующими (иконоборцами и магометанами) и вышелъ съ побѣдою изъ этого труднаго дѣла. Скоро послѣ сего онъ перешелъ въ Олимпъ къ брату Меѳодію, который, державъ нѣсколько лѣтъ «княжение словеньско,» удалился на сію гору «идѣже святіи отцы живутъ» и тамъ постригся [1]). Недолго однакожъ прожили

---

[1]) Послѣ прежнихъ мнѣній объ этомъ Олимпѣ, весьма любопытно недавно высказанное мнѣніе, что это именно—знаменитый

здѣсь братья подвижники. Скоро, по желанію греческаго императора они отправились «въ грады сѣверскіе» (сѣверные) къ козарамъ, просившимъ у него учителей, которые могли бы оградить ихъ отъ евреевъ и срацынъ, старавшихся обратить ихъ въ свою вѣру. Эти «сѣверскіе грады» были у сѣверскихъ береговъ Чернаго моря или южныхъ предѣловъ нынѣшней Россіи. Между прочимъ св. братья были здѣсь въ Корсунѣ или Херсонѣ, откуда потомъ отправлялись еще далѣе на сѣверъ. Константинъ имѣлъ продолжительныя пренія съ мудрецами казарскими, іудейскими, сарацинскими, которыя потомъ братъ его Меѳодій включилъ въ одну книгу и перевелъ на славянскій языкъ. Въ сказаніи о казарской миссіи св. братьевъ видятъ еще указаніе на то, что они могли здѣсь встрѣчаться и съ славянами, составлявшими значительную долю въ разнородномъ составѣ козарскаго царства и потомъ вошедшими въ составъ русскаго государства. Думаютъ далѣе, что самый выборъ ихъ на козарское миссіонерство условливался близостію ихъ къ славянамъ, давнимъ, какъ бы природнымъ знакомствомъ ихъ съ славянскимъ языкомъ, извѣстнымъ и въ странахъ козарскихъ. Думаютъ, что св. братья передали здѣшнимъ славянамъ вмѣстѣ съ начатками христіанства и начатки славянской письменности, надъ которой начали они трудиться еще до козарской миссіи, относимой къ 858 г. Здѣсь имѣетъ всю важность ясное и рѣшительное свидѣтельство черноризца Хробра, относящее изобрѣтеніе Константиномъ письменъ къ 855 г. Это же свидѣтельство, при другихъ соображеніяхъ, даетъ заключать, что мысль христіанскаго просвѣщенія славянъ была давнею мыслію св. братьевъ, развивавшеюся въ нихъ вмѣстѣ съ собственнымъ духовнымъ развитіемъ, что, ратуя за вѣру противъ еретиковъ и исламистовъ, Константинъ воспитывалъ въ себѣ также ревность къ обращенію или утвержденію въ вѣрѣ столько близкихъ и знакомыхъ ему славянскихъ племенъ, въ разныхъ мѣстахъ встрѣчавшихся съ пропагандою исламистовъ; что нако-

---

Аѳонъ. „Дѣятельность св. Константина и Меѳодія среди ѳракійскихъ, македонскихъ и булгарскихъ славянъ." Пигулевскаго. Кіевъ. 1862 г.

нецъ эта ревность къ обращенію славянъ и привела св. братьевъ къ мысли о словянскихъ письменахъ, словянской грамотности, какъ средство къ болѣе прочному и глубокому просвѣщенію ихъ въ вѣрѣ. Въ такомъ смыслѣ дѣйствовалъ наконецъ св. Меѳодій въ Болгаріи при князѣ Борисѣ, къ которому пришелъ чрезъ три года послѣ миссіи козарской. Меѳодій вдохнулъ ему любовь къ прекрасному отечественному языку, и при помощи славянской грамотности всецѣло плѣнилъ Бориса, одаривши его благодатію ученія. Въ 861 г. онъ принялъ отъ Меѳодія св. крещеніе. Здѣсь, можно сказать, оканчивается первый періодъ жизни и дѣятельности св. братьевъ; въ слѣдующемъ 863 г. они отправились въ Моравію и Паннонію,—въ предѣлы церкви западной. При всемъ различіи взглядовъ на весь этотъ періодъ и на отдѣльные факты изъ него, несомнѣнными должны быть признаны слѣдующія, важныя для насъ положенія. Во первыхъ, какъ происхожденіемъ, такъ и духовнымъ развитіемъ своимъ св. братья принадлежатъ церкви восточной, гдѣ притомъ рано зашла у нихъ тѣснѣйшая связь съ патріархомъ Фотіемъ, воспитателемъ и другомъ Кирилла. Объ этой связи и дружествѣ говоритъ и злѣйшій врагъ Фотія, Анастасій библіотекарь. Если же онъ свидѣтельствуетъ также и о размолвкѣ знаменитыхъ друзей, то напрасно Копитаръ, Шафарикъ, Гинцель забываютъ настоящій, прямой смыслъ этого свидѣтельства, дѣлаютъ собственныя прибавки къ нему. Анастасій говоритъ только, что Фотій, желая выставить неспособность Игнатія къ дѣламъ церковнымъ, къ дѣйствованію противъ еретиковъ, сталъ распространять ходячее въ философскихъ школахъ мнѣніе о двойственности души въ человѣкѣ (доброй и злой). Кириллъ обличилъ своего друга и бывшаго учителя за такой соблазнительный образъ дѣйствій. Фотій съ своей стороны извинился предъ Кирилломъ, такъ что прежнія отношенія между ними возстановились. Таково свидѣтельство Анастасія: что же дѣлаютъ изъ него? Копитаръ утверждаетъ, что со времени упомянутой размолвки, Фотій возненавидѣлъ Кирилла и послѣдній тѣмъ охотнѣе рѣшился переселиться изъ Греціи, принявъ миссію къ славянамъ [1]). Имѣя въ виду это мнѣніе Копитара, Ша-

[1]) Glag. Cloz. p. LXXVII.

фарикъ проводитъ его далѣе, обобщая разрывъ Кирилла съ Фотіемъ до разрыва его съ греческою церковію вообще, побудившаго будтобы Кирилла перенесть свою дѣятельность въ предѣлы церкви западной [2]). Гинцель поступилъ еще рѣшительнѣе, поставивъ фактъ разрыва св. братьевъ съ греческою церковію исходною точкою ихъ дѣятельности и своихъ изслѣдованій о ней [3]). Удивительно, что и такіе возвышенные и свѣтлые умы, какъ у Шафарика, способны дѣлать сильнѣйшіе промахи подъ вліяніемъ симпатій и антипатій католическихъ: а у всякаго *сознательнаго* католика одна изъ живѣйшихъ антипатій есть антипатія къ Фотію и къ его духу, не подчиняющемуся церкви римской. Принадлежа происхожденіемъ и духовнымъ развитіемъ церкви восточной, св. братья, *во вторыхъ*, въ этой же церкви воспитали и укрѣпили въ себѣ тотъ духъ просвѣтительной, апостольской дѣятельности, съ какимъ пришли и въ предѣлы церкви западной къ славянамъ западнымъ и который внушилъ имъ мысль о слав. грамотности и переводѣ свящ. книгъ, мысль, осуществляемую ими еще до этой послѣдней миссіи. Только самые отчаянные антагонисты восточной церкви и ея просвѣтительнаго вліянія на славянъ въ родѣ напр. Духинскаго, могутъ еще оспаривать у церкви восточной обычай давать новопросвѣщеннымъ народамъ слово Божіе и богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ. Не свидѣтельствуясь здѣсь такими писателями, какъ Мацѣевскій, приведемъ только слова Шафарика изъ того же сочиненія его о глаголицѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ олатинить вѣроисповѣдный характеръ проповѣди св. Константина и Меѳодія. Сказавъ объ изобрѣтеніи Константиномъ азбуки для славянъ въ Панноніи и Моравіи, Шафарикъ продолжаетъ: «онъ держался правила христіанскихъ народовъ на востокѣ: для всякаго народа, исповѣдающаго истин-

---

[2]) „О происхожденіи и родинѣ глаголитизма“ соч. Шафарика, пер. Шемякина въ Чт. Имп. Моск. Общ. Истор. 1860. Кн. IV. стр. 16. 30.

[3]) Ginz. Gesch. d. Slawen. Ap. p. 23 и слѣд. См. у Викторова: „Послѣднее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ. 11. въ Лѣт. Русск. Лит. и древн. 1859—60 г. кн. 5-я, стр. 23—24.

ную вѣру, необходимо его собственное, приспособленное къ языку его письмо; только посредствомъ такой письменности надобно назидать его въ христіанствѣ. Такъ греки, копты, эѳіопы, сирійцы, готы, армяне, иверы или грузины и т. д.» [1]). Шафарикъ лучше долженъ былъ бы сказать, что это было правило восточной церкви, прилагаемое ею ко всѣмъ новообращаемымъ народамъ, а не правило, созданное самими этими народами, изъ которыхъ многіе, напр. копты, эѳіопы, иверы едва-ли могли имѣть больше чувства своей самобытности, саморазвитія, чѣмъ народы западные, не державшіеся однакожъ или державшіеся, но съ ограниченіями, упомянутаго правила. Въ такомъ смыслѣ мысль Шафарика будетъ повтореніемъ того, что говорилъ и самъ св. Константинъ латино-нѣмецкимъ епископамъ, порицавшимъ его славянскій переводъ книгъ священныхъ, какъ дѣло незаконное. «Мы многи роды знаемъ, книги имѣюща и Богу славу воздающи своимъ языкомъ кождо; явѣ же суть си: ормени, перси, авазги, иверіи, гугди, готьѳи, обри, турсіи, козари, аравляне, египтяне, сури и иніи мнози (Панн. Жит.)» Идя далѣе, припомнимъ свидѣтельство св. Златоуста, который въ толкованіи на св. Іоанна, писалъ: «и сиріяне, и египтяне и индійцы, и персы и еѳіопляне и многіе другіе народы, переложивши на свой языкъ его (Ап. Іоанна) ученіе, научились любомудрствовать, хотя и варвары.» Ко всему слѣдуетъ прибавить еще, что правило восточной церкви—давать народамъ слово Божіе и богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ было также и правиломъ Фотія. Это само собою разумѣется о немъ, какъ первосвятителѣ восточной церкви, наставникѣ и другѣ Кирилла и можетъ также подтверждаться извѣстнымъ сказаніемъ византійскимъ касательно крещенія руссовъ при императорѣ Василіѣ Македонянинѣ и Фотіѣ. По свидѣтельству Фотія, въ его окружномъ посланіи 867 г. новообращенные руссы приняли епископа, пресвитеровъ и богослуженіе. Въ сказаніи же говорится, что тогда отправленъ былъ къ руссамъ архіерей, человѣкъ благочестивый и добродѣтельный и съ нимъ два мужа: Кирилъ и Аѳанасій, также замѣчательные добродѣтелію и мудростію, и не только исполненные знанія священ-

---

[1]) О происх. и родинѣ Глаголицы, ibid. 12. 23.

ныхъ книгъ, но и отличавшіеся внѣшнею (свѣтскою) образованностію; они, прибывши туда, стали учить и крестить всѣхъ и приводить къ христіанскому благочестію. Находя же этотъ народъ совершенно варварскимъ и дикимъ, мужи эти не были въ состояніи обучить его 24-мъ греческимъ письменамъ и потому, опасаясь, чтобы онъ снова не уклонился отъ благочестія, изобрѣли для него тридцать пять письменъ и научили его этимъ буквамъ. Названія ихъ слѣдующія: азъ, буки—слѣдуетъ исчисленіе славянскихъ буквъ. Куда бы впрочемъ ни относить это сказаніе, во всякомъ случаѣ въ немъ выражается господствующая черта просвѣтительной дѣятельности восточной церкви во времена Фотія [1]. Не такой образъ дѣйствій по отношенію къ славянамъ встрѣчаемъ мы въ предѣлахъ западной церкви.

Въ 862 г. Константинъ и Меѳодій отправились въ Моравію, въ слѣдствіе посольства тамошнихъ князей въ Константинополь, просившихъ прислать имъ учителей вѣры. Мы, говорили они, отверглись поганства и держимъ законъ христіанскій, но не имѣемъ учителей, которые бы изъясняли намъ вѣру на нашемъ языкѣ. Пришлите намъ такихъ учителей, потому что отъ васъ и на другія страны добрый законъ исходитъ. Пришедшіе, въ слѣдствіе этой просьбы, въ Моравію Константинъ и Меѳодій приняты моравскимъ княземъ Ростиславомъ съ честію, скоро собрали къ себѣ учениковъ, устроили христіанское богослуженіе по переведеннымъ на славянскій языкъ книгамъ. «И отверзошася уши глухихъ услышати книжная словеса, и языкъ ясенъ бысть гугнивымъ. Богъ же ся возвесели о семъ вельми. Рады быша словене, слышавше величія божія на своемъ языкѣ.» Но нашлись такіе люди, которые весьма не порадовались этому дѣлу. «Не славится Богъ о семъ, говорили они. Еслибы ему это было угодно, не могъ ли бы онъ сотворить, чтобы народы съ самаго начала славили Его, пиша своимъ языкомъ? Три только есть языка, которыми должно славить Бога:

---

[1]) Преосвящ. Макарій пріурочиваетъ это сказаніе къ крещенію руссовъ 867; г. Гильфердингъ къ козарской миссіи Кирилла и Меѳодія.

еврейскій, греческій и латинскій. Это говорили латинскіе и фряжскіе (нѣмецкіе) епископы, священники и ученики ихъ. И не это только говорили они, но учили и другимъ безчиніямъ: говорили напр., что подъ землею живутъ люди велеголовы, что всѣ гады—суть тварь діавола, что если кто убіетъ змію, то избавится отъ девяти грѣховъ, а кто убіетъ человѣка, тотъ пусть три мѣсяца пьетъ изъ деревянной чаши, а къ стеклянной не прикасается; не запрещали они творить старинныхъ жертвъ и безчинныхъ браковъ [1].»

Боролся Константинъ съ такими учителями, какъ «Давидъ съ иноплеменниками,» побѣждалъ ихъ «книжными словесы,» называя ихъ треязычниками и пилатниками, такъ какъ свою мысль о трехъ языкахъ для прославленія Бога они основывали на надписи, сдѣланной Пилатомъ на крестѣ. Обличалъ онъ и другія заблужденія и суевѣрія ихъ, между тѣмъ увеличивалъ число своихъ учениковъ и именно въ Панноніи въ владѣніяхъ Коцела, который и самъ внялъ ученію св. братьевъ, выучился славянскимъ письменамъ. Но здѣсь св. братья были уже на пути въ Римъ, по вызову папы Николая, до котораго дошелъ слухъ о восточныхъ, необычайныхъ учителяхъ, пришедшихъ въ предѣлы его церкви. Когда они пришли въ Венецію, то снова собрались противъ нихъ «яко врани на соколовъ,» латинскіе епископы, священники и черноризцы и опять принимались за свою треязычную ересь, говоря Константину: «скажи намъ, человѣче, какъ это ты выдумалъ для славянъ книги и учишь по нимъ, когда прежде сего никто не рѣшался изобрѣтать ихъ,—ни апостолы, ни папа римскій, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ, ни Августинъ? Мы знаемъ только три языки, которыми прилично славить Бога въ книгахъ: еврейскій, греческій, латинскій.» Мудрый учитель отвѣчалъ: дождь не идетъ ли отъ Бога на всѣхъ и сонце не сіяетъ ли на всѣхъ? Не всѣ ли мы равно дышемъ воздухомъ. Какъ же вы не сты-

---

[1]) Едва ли нужно говорить, что эти отзывы о латинскомъ духовенствѣ и вообще почти все, что будетъ говориться далѣе о борьбѣ съ нимъ Кирилла и Меѳодія, находятся въ такъ называемыхъ „Паннонскихъ житіяхъ,“ свидѣтельство которыхъ тѣмъ важнѣе, что онѣ проникнуты уваженіемъ къ римской церкви.

дитесь, допуская только три языка, а всѣмъ народамъ и племенамъ велите быть слѣпыми и глухими? Скажите мнѣ: вы хотите сдѣлать Бога немощнымъ, какъ немогущаго или завистливымъ, какъ не желающаго дать это людямъ? А мы много знаемъ народовъ, которые имѣютъ свою грамоту и воздаютъ славу Богу своимъ языкомъ, каковы: армяне, персы, абазы, иверы, сугды, готы, авары, турки, козары, аравитяне, египтяне и многіе другіе. Если не хотите убѣдиться этимъ, убѣдитесь изъ книгъ св. писанія. Давидъ взываетъ: *Пойте Господеви вся земля, воспойте Господеви пѣснь нову*. И въ другомъ мѣстѣ: *воскликните Богови вся земля, воспойте, и радуйтеся и пойте*. И опять: *Хвалите Господа вси языцы, похвалите его вси людіе*. И еще: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* (Псал. 95, 1; 97, 4; 96, 1; 108, 6). Въ новомъ завѣтѣ видимъ тоже. Евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что *всѣмъ вѣрующимъ дана область чадомъ Божіимъ быти*, слѣд. всѣмъ дано право взывать къ Богу, какъ къ Отцу, на какомъ языкѣ кто можетъ. А Спаситель молилъ, *да вси вѣрующіе въ Него будутъ едино въ Немъ*, посылалъ учениковъ своихъ учить и крестить *вся языки, итти въ міръ весь и проповѣдывать Евангеліе всей твари*, и между *знаменіями вѣры* поставилъ *глаголаніе языки новы*. Затѣмъ весьма кстати употреблены были здѣсь и слѣд. слова Спасителя: *горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣры, яко затворяете царствіе небесное предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити*. И еще: *горе вамъ законникамъ, яко взясте ключь разумѣнія; сами не внидосте, и входящимъ возбраните*. Наконецъ сильное обличеніе своимъ порицателямъ нашли славянскіе учители въ 14 главѣ 1 посланія Ап. Павла къ коринѳянамъ, объясняя изъ нее умѣстность употребленія въ богослуженіи разныхъ языковъ и неразумность употребленія одного непонятнаго языка [1]): *кто говоритъ на незнакомомъ язы-*

---

[1]) Текстъ приводимъ здѣсь по русскому переводу. Передѣлку же на русскій языкъ самаго текста „Панн. житій“ Кир. и Меѳодія можно видѣть въ статьѣ г. Платонова: „Жизнь и подвиги первоуч. слав. Кир. и Меѳодія“ въ „Дух. Вѣстникѣ.“

къ, тотъ говоритъ не людямъ, а Богу... Я желалъ бы, чтобы вы всѣ говорили языками: но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующій превосходнѣе того, кто говоритъ языками, развѣ онъ притомъ и истолковывать будетъ, дабы церковь получила назиданіе... И бездушныя вещи, издающія звукъ, какъ то свирѣль или гусли, если не производятъ раздѣльныхъ тоновъ, то какъ распознать то, что играютъ на свирѣли или на гусляхъ? И если труба будетъ издавать неопредѣленный звукъ: кто станетъ готовиться къ сраженію? Такъ если и вы языкомъ произносите невразумительныя слова: то какъ узнаютъ, что вы говорите? Вы будете говорить на вѣтеръ. Сколько напримѣръ различныхъ словъ въ мірѣ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія. Но ежели я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ, и говорящій для меня чужестранецъ. Такими разсужденіями славянскіе проповѣдники пристыдили треязычниковъ. Но какъ могло образоваться то невѣжественное мнѣніе, какое заявили треязычники и какое неизвѣстно было на Востокѣ? Конечно, оно находится въ связи съ развивавшеюся тогда на Западѣ идеей ѳеократическаго монархизма въ церкви, выражаемаго главенствомъ и верховною властію Рима надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Онъ стремился сперва подчинить этому монархизму церкви запада, какъ ближе связанныя съ нимъ, и для этой цѣли объединить ихъ съ собою обрядами, учрежденіями и въ особенности общимъ языкомъ слова Божія и богослуженія, какимъ языкомъ естественно долженъ былъ стать языкъ латинскій, какъ языкъ самаго Рима, самаго верховнаго владыки церкви—папы, языкъ не только образованный, но и священный. При такомъ значеніи латинскаго языка, въ рукахъ папы-латинянина и его латинской іерархіи естественно оставался *ключь разумѣнія* слова Божія и ученія вѣры, что и сообразно съ притязаніемъ папы на верховное, непогрѣшимое учительство его и его церкви. Не дозволяя употреблять слово Божіе на иномъ языкѣ кромѣ латинскаго, латинская іерархія какъ бы не хотѣла допустить входа въ это сокровище вѣры христіанамъ, которые должны были засматривать въ него тогда и на столько, когда и на сколько пріютворитъ имъ его сама она, полновластно владѣющая ключемъ къ

нему. Если этотъ ключь разумѣнія, т. е. эту латынь, какъ священный языкъ, она ставила пока рядомъ съ другими священными языками, проповѣдуя треязычество, то это была уступка необходимости, съ которою она не могла совладать, удовлетворяясь ссылкою на пилатову надпись [1]). Но если так. обр. латино-нѣмецкіе епископы въ спорѣ за языкъ слова Божія и богослуженія обнаруживаютъ предъ нами особенное католическое воззрѣніе на цѣлый характеръ церкви—характеръ ѳеократо-монархическій, то славянскіе учители, какъ учители восточные, даютъ замѣчать здѣсь и свое воззрѣніе—воззрѣніе восточное, православное. Защищая свою мысль объ умѣстности и законности для каждаго народа имѣть слово Божіе и богослуженіе на родномъ, понятномъ языкѣ, они говорятъ, между прочимъ, что какъ всѣмъ людямъ равно даются дары природы, такъ всѣмъ равно даны дары благодати: вѣра, евангеліе, истинное богопочтеніе. Вѣруя такъ, восточная церковь не создала у себя ни той кастично-аристократической монополіи іерархіи, по которой бы она только у себя держала *ключь разумѣнія* вѣры, евангелія, не давая его въ руки братіи, т. е. всѣмъ вѣрующимъ, ни того ѳеократическаго монархизма въ церкви, по которому бы вся полнота власти и духовнаго вѣденія всей церкви могла быть усвоена одной *мѣстной* церкви и ея представителю. Словомъ, восточная церковь вѣрно сохранила начало соборности и во внутреннихъ отношеніяхъ членовъ церкви и въ отношеніяхъ церквей между собою. Слѣдуя этому началу, она дозволяла и каждому вѣрующему непосредственно пользоваться сокровищемъ слова Божія и каждой отдѣльной церкви употреблять его на ея родномъ языкѣ, чтобы свободно и сознательно усвоять

---

[1]) Извѣстно, что въ позднѣйшія времена крайніе ультрамонтаны, послѣдовательно проводя мысль объ исключительномъ значеніи латинскаго языка, какъ языка священнаго, языка церкви, готовы были отнять это значеніе и у языка греческаго. Хотя языкъ этотъ, разсуждали они, и есть подлинный языкъ новаго завѣта, но, послѣ раздѣленія церквей, онъ есть вмѣстѣ языкъ схизмы, а потому и долженъ остаться языкомъ какъ бы мертвымъ, достояніемъ археологіи и филологіи, подобно языку еврейскому, живое же употребленіе въ церкви долженъ имѣть лишь языкъ латинскій, какъ языкъ единой, истинной, католической церкви.

себѣ его разумѣніе, а съ нимъ духъ вѣры. Можно ли послѣ этого сказать, что характеръ воззрѣній и дѣйствій славянскихъ учителей возникъ, развился на почвѣ церкви западной, когда этотъ характеръ нашелся въ такомъ противурѣчіи съ воззрѣніями и дѣйствіями ея латинскаго духовенства? Справедливость требуетъ присовокупить, что воззрѣнія эти находились въ нѣкоторомъ противурѣчіи съ практикой самой латино-нѣмецкой іерархіи. На соборѣ Франкфуртскомъ 794 г. было опредѣлено: никто не долженъ думать, что Богу можно молиться только на трехъ языкахъ; можно молиться ему на всякомъ языкѣ. На другихъ мѣстныхъ соборахъ вмѣнялось священникамъ въ обязанность проповѣдывать въ праздники евангеліе, говорить поученія на народномъ языкѣ, а міряпамъ знать на своемъ языкѣ молитвы. Были въ IX вѣкѣ даже опыты перевода нѣкоторыхъ книгъ священныхъ на нѣмецкій языкъ [1]). Конечно, все это еще не то, что общее введеніе въ церкви чтенія слова Божія и богослуженія на народномъ языкѣ, передачи народу на этомъ языкѣ всѣхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ:—апостольское дѣло славянскихъ учителей все-таки остается въ этомъ отношеніи отличнымъ отъ отрывочной и нерѣшительной практики латино-нѣмецкаго духовенства. Тѣмъ не менѣе безусловное отрицаніе имъ законности этого св. дѣла во имя догмата треязычества, отъ котораго само оно дѣлало отступленія, показываетъ, что тутъ дѣйствовало и эгоистическое недоброжелательство къ славянамъ, къ ихъ духовному возрожденію и зависть къ великимъ учителямъ ихъ, предъ которыми такъ бѣднымъ оказывалось это духовенство. Иначе, къ счастью, отнесся Римъ къ дѣлу Константина и Меѳодія.

Отправляясь въ Римъ по вызову папы, братья взяли съ собой и нѣсколько учениковъ изъ славянъ, съ цѣлью испросить тамъ для нихъ поставленіе на священныя степени. Взяли съ собой и мощи св. Климента (часть ихъ), папы римскаго, вынесенныя ими изъ Херсона. Папа Николай въ эту пору скончался (867 г. ноября 13); на каѳедрѣ былъ уже Адріанъ.

---

[1]) „О св. Кириллѣ и Меѳодіѣ" Москвит. 1843, № 6, стр. 429, примѣч. 31.

Братья сознавали, что области, въ которыхъ они дѣйствуютъ, принадлежатъ къ патріаршеской области папы и готовы были подчиняться ему. Вообще они проникнуты были уваженіемъ къ римской каѳедрѣ, какъ каѳедрѣ апостольской, какое высказываетъ и *православный* авторъ Паннонскихъ Житій ихъ, постоянно называющій папу *апостоликомъ*. Торжественно встрѣтилъ Адріанъ славянскихъ проповѣдниковъ изъ благоговѣнія къ несомой ими святынѣ мощей Климента, отъ которыхъ во время принесенія совершилось нѣсколько чудесъ. Съ любовью принялъ онъ и новопереведенныя книги славянскія, положилъ ихъ въ церкви св. Маріи, гдѣ совершена была на нихъ литургія (пѣша же съ ними литургію); потомъ повелѣлъ двумъ епископамъ посвятить изъ «славянскихъ учениковъ» трехъ въ пресвитеры, нѣсколькихъ въ діаконы, двухъ въ чтецы, и посвященіе совершено на литургіи, пѣтой на славянскомъ языкѣ въ церкви св. Петра. На другой день совершали литургію въ церкви св. Петрониллы, на третій въ церкви св. Андрея первозваннаго, и послѣ того ночью совершалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ въ церкви св. Ап. Павла, а на утро надъ гробомъ его совершена славянская литургія, въ которой участвовали епископъ Арсеній и Анастасій библіотекарь. Радовались и благодарили Бога за все это св. братья, къ которымъ теперь съ любовью и уваженіемъ обращались многіе римляне, распрашивая объ ихъ апостольскомъ трудѣ. Нашлись однакожъ и здѣсь порицатели этого труда, по прежнему твердившіе, на основаніи пилатовой надписи, что св. Писаніе должно быть писано только тремя языками. Но папа, назвавъ этихъ порицателей пилатниками и треязычниками, предалъ мнѣніе ихъ проклятію. Въ тоже время Меѳодій посвященъ папой въ епископа [1]) для новой славянской паствы. Между тѣмъ Кириллъ, удрученный трудами, заболѣлъ въ Римѣ и скончался 14-го февраля 869 г. сорока двухъ лѣтъ отъ рода. Во время болѣзни онъ удостоился видѣть явленіе Господа, призывавшаго его въ селенія праведныхъ; предъ самою кончиною онъ молился Богу—сохранить вѣрное стадо его, избавить его отъ нечестивой злобы хулящихъ Бога,

---

[1]) По другимъ Меѳодій поставленъ былъ теперь въ пресвитера, а въ послѣдствіи въ епископа—въ Римѣ же.

погубить треязычную ересь, возрастить церковь его множествомъ исповѣдающихъ Господа, соединить ихъ въ единодушіи, сотворить единомыслящими въ истинной вѣрѣ и правомъ исповѣданіи, покрыть ихъ кровомъ крылъ своихъ, чтобы всѣ они славили имя Его—Отца и Сына и Св. Духа [1]). А Меѳодію говорилъ: «мы, братъ, съ тобою тянули одну борозду, и я, падая на грядѣ, кончаю дни свои. А ты любишь сильно гору: то ради своего Олимпа [2]), пожалуйста, не бросай ученія нашего: ты этимъ еще лучше можешь спастись.» Торжественно совершены были папой похороны св. Кирилла; рака съ мощами его поставлена была въ церкви св. Климента, гдѣ и доселѣ почиваетъ. Жители Рима стали чтить память преподобнаго, котораго Богъ прославилъ чудесными знаменіями. Между тѣмъ въ Римъ приспѣло посольство отъ паннонскаго князя Коцѣла [3]), просившаго папу прислать Меѳодія. Папа отправилъ послѣдняго съ посланіемъ на имя всѣхъ трехъ князей мораво-паннонскихъ. Прославляя Бога за успѣхи вѣры въ ихъ странахъ, папа хвалитъ князей за то, что они просили учителей и у его апостольскаго стола и у благовѣрнаго царя Михаила, который, прибавляетъ папа, и послалъ вамъ блаженнаго философа Константина съ братомъ, пока мы не успѣли въ томъ (т. е. прислать учителей). Они же, продолжаетъ папа, увидѣвши, что страны ваши суть достояніе апостольскаго стола, не сдѣлали ничего противъ канона (противъ церковныхъ правилъ), но пришли къ намъ, неся мощи св. Климента. Мы же, возрадовавшись этому, испытавши учителей, умыслили послать въ страны ваши Меѳодія съ учениками его—мужа совершеннаго разумомъ и правовѣрнаго, чтобы онъ училъ васъ, какъ вы просили, изъясняя письменами на вашемъ языкѣ весь сполна церковный

---

[1]) Есть еще отдѣльное исповѣданіе вѣры Кирилла, на которое сошлемся далѣе.

[2]) Т. е. монастыря на Олимпѣ, гдѣ прежде подвизался Меѳодій съ братомъ и откуда послѣ вышли они на апостольское служеніе свое.

[3]) Ростиславъ былъ тогда въ заточеніи, Святополкъ тоже сильно стѣсненъ нѣмцами; почему одинъ Коцѣлъ и могъ продолжать теперь заботы о дѣлѣ славянскихъ учителей.

чинъ съ святою службою и крещеніемъ... Только храните тотъ обычай, чтобы на службѣ (мши) читаны были апостолъ и евангеліе сперва по латынѣ, а потомъ по славянски. Затѣмъ папа повторяетъ церковное отлученіе тѣмъ, которые будутъ охуждать славянскія книги, называя такихъ развратителями и волками. Возвратясь въ мораво-паннонскія страны, Меѳодій встрѣчаемъ былъ съ великою честью, любовью, радостью, которая соединялась съ всеобщею скорбью о кончинѣ Кирилла. Меѳодій ревностно продолжалъ апостольское служеніе свое во владѣніяхъ Коцѣла, который скоро однакожъ послалъ его опять въ Римъ для посвященія въ санъ архіепископа Паннонін, на престолъ св. Андроника одного изъ семидесяти. Папа исполнилъ желаніе князя. Сильно озлились на это нѣмецкіе епископы, давно причислявшіе славянъ къ своимъ епархіямъ, именно пассавской и зальцбургской, хотя вовсе не исполнявшіе по отношенію къ нимъ долга пастырей-учителей. «Ты учишь въ нашей области,» говорили они Меѳодію. «Если бы я зналъ, что она ваша, отвѣчалъ Меѳодій, то не ходилъ бы въ нее; но это область св. Петра А если вы, ради корысти, защищаете старые (епархіальные) предѣлы, вопреки каноническихъ правилъ возбраняете ученіе Божіе, то берегитесь, чтобы васъ не постигла высшая кара.» «Не сдобровать тебѣ,» отозвались епископы. Меѳодій отвѣтилъ на это: «истину говорю предъ владыками земли и не стыжусь. А вы дѣлайте надо мною волю вашу. Я ничѣмъ не лучше тѣхъ, которые, говоря правду, скончались мученическою смертію.» Нѣмецкіе епископы употребили всѣ козни, возстановили противъ него германскаго императора и самаго князя моравскаго Святополка, такъ что Меѳодій былъ наконецъ сосланъ въ заточеніе, гдѣ и пробылъ два года съ половиною. Узнавъ объ этомъ, папа Іоаннъ VIII (вступившій послѣ Андріана на престолъ, въ 872 г.) писалъ въ защиту Меѳодія Людовику и Карломану, выражая, между прочимъ, ту мысль, что паннонская область издревле есть достояніе апостольскаго престола, и потому паннонская епископія и должна быть возвращена Меѳодію, поставленному отъ этого престола. Писалъ и славонскому князю Монтемиру, съ увѣщаніемъ возвратиться къ паннонской епархіи, имѣющей епископа отъ св. Петра. Защищая такимъ образомъ свою непосредственную власть надъ Панноніей, папа тѣмъ строже относся къ хотѣвшимъ удер-

жать ее въ своей власти нѣмецкимъ епископамъ, изрекъ (около 874 г.) на нихъ анаѳему и запретилъ имъ служеніе, пока не освободятъ Меѳодія. Они принуждены были освободить невиннаго страдальца, но грозили мщеніемъ Коцѣлу, если онъ будетъ держать въ своей области Меѳодія. «Не отдѣлаешься ты отъ насъ добромъ,» говорили они первому. «Но, прибавляетъ панонскій жизнеописатель, сами они не отдѣлались отъ суда св. Петра: четыре изъ нихъ скоро умерли [1]). Наконецъ и сами моравскіе славяне съ своимъ княземъ Святополкомъ убѣдились, что нѣмецкіе епископы ищутъ только власти надъ ними, а не духовной пользы. Они изгнали ихъ отъ себя и послали въ Римъ съ просьбою къ папѣ, что такъ какъ отцы ихъ приняли крещеніе отъ св. Петра, то чтобы папа далъ имъ Меѳодія въ учителя и архіепископа, т. е. всего моравопаннонскаго государства. Папа сдѣлалъ это. Святополкъ принялъ Меѳодія съ честью, поручилъ ему всѣ церкви и духовенство во всѣхъ городахъ. Съ того времени, замѣчаетъ жизнеописатель, начало особенно рости ученіе Божіе, стали умножаться священники, остававшіеся еще язычники обращаться къ истинной вѣрѣ; само государство моравское стало распространяться и возрастать въ силѣ. Святитель Меѳодій являлъ въ себѣ обиліе даровъ благодатныхъ, и между прочимъ даръ предвидѣнія. Но нѣмецкіе епископы ничего знать не хотѣли, кромѣ своей власти и не думали оставить Меѳодія въ покоѣ. Они стали разглашать, что Меѳодій учитъ не православно, не исповѣдуетъ исхожденія св. Духа и отъ Сына, не признаетъ вселенской власти папы, хочетъ выйдти изъ подъ зависимости его, для чего и вводитъ славянскую службу. Какъ нестерпима была эта служба латино-нѣмецкому духовенству, показываетъ разсказъ о протопресвитерѣ Рахбальдѣ, поставленномъ зальцбургскимъ архіепископомъ: «видя, какъ нѣкій грекъ, именемъ Меѳодій, изобрѣтши славянскія письмена, лжемудро унизилъ латинскій языкъ, римское ученіе и всю достопочтенную римскую письменность, и привелъ въ презрѣніе у всего народа, по крайней мѣрѣ, частію, и обѣдни и евангелія и всю цер-

---

[1]) Это свидѣтельство жизнеописателя оправдывается исторически. См. о Кириллѣ и Меѳодіѣ въ Москв. 1843. кн. IV, пр. 30.

ковную службу, совершавшуюся на латинскомъ языкѣ,—видя все это, не могъ наконецъ стерпѣть такого посрамленія и возвратился въ Зальцбургъ.» [1]). По всему этому понеслись въ Римъ жалобы на Меѳодія, встревожившія самаго папу Іоанна VIII. Онъ повелѣвалъ Меѳодію немедленно явиться въ Римъ для отвѣта касательно правоты своей вѣры, а между тѣмъ запретилъ ему совершать службу «на варварскомъ т. е. славянскомъ языкѣ: не на этомъ языкѣ совершай ты службу, а на латинскомъ или греческомъ, какъ совершаетъ вся церковь, распространенная по всему свѣту и у всѣхъ народовъ. Проповѣдывать же и говорить поученія народу можешь (и на народномъ языкѣ), потому что и псалмопѣвецъ говоритъ: хвалите Господа всѣ языки, и апостолъ: всякъ языкъ да исповѣсть, яко Господь Іисусъ въ славу Бога Отца. Это было въ 878—879 г. Возрадовались теперь враги Меѳодія, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые болѣли «υопаторскою ересью,» т. е. вѣрованіемъ въ исхожденіе св. Духа отъ Отца и Сына: они разглашали, что папа изгоняетъ Меѳодія и его ученіе, а власть его передаетъ имъ. Все это опечаливало многихъ, привязанныхъ къ достойнѣйшему пастырю своему. Меѳодій не хотѣлъ ослушаться папы, чтобы не повредить святому дѣлу христіанскаго просвѣщенія славянъ. Онъ отправился—уже третій разъ—въ Римъ, свидѣтельствовалъ предъ папой о благочестіи Святополка и о томъ, что князь этотъ со всѣми знаменитыми мужами и всѣмъ народомъ хранитъ преданность апостольскому престолу и хочетъ имѣть себѣ единственнымъ покровителемъ св. Петра. Меѳодій былъ испытуемъ о своей вѣрѣ и вообще дѣлѣ служенія своего и во всемъ оправданъ. Онъ возвратился съ посланіемъ папскимъ къ Святополку (880 г.), въ которомъ папа, уполномочивая Меѳодія надъ всею моравскою церковію, писалъ между прочимъ, что нашелъ его *во всемъ православнымъ*, потому что онъ принимаетъ *и поетъ на литургіи символъ вѣры, какъ поетъ и св. римская церковь и какъ обнародовано и передано шестью вселенскими соборами*

---

[1]) Платонова: „Житіе и подвиги, переводъ слав. Кир. и Меѳодія“ ibid. примѣч. 40.

и св. отцами, по евангельскимъ словамъ самаго Іисуса Христа. Оправдалъ папа и совершеніе службы на славянскомъ языкѣ, говоря, что славянскія письмена, изобрѣтенныя философомъ Константиномъ, которыми воспѣваются должныя хвалы Богу, онъ похваляетъ и повелѣваетъ: чтобы на этомъ языкѣ говорились проповѣди, возвѣщались дѣла Христа Бога; ибо священное писаніе повелѣваетъ не тремя только, но всѣми языками хвалить Господа, говоря: *Хвалите Господа вся языки, восхвалите Его вси людіе;* и св. Павелъ учитъ—*всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца*, а въ посланіи къ Коринѳянамъ увѣщеваетъ насъ, да, *глаголя языки, созидаемъ церковь Божію*. Потому, говоритъ папа, не противно вѣрѣ пѣть литургію на славянскомъ языкѣ или читать на немъ св. евангеліе или божественныя чтенія изъ ветхаго и новаго завѣта, хорошо переведенныя или истолкованныя и вообще пѣть всякія другія службы (alia horarum omnia officia psallere): ибо Кто сотворилъ три главные языки, т. е. еврейскій, греческій и римскій, Тотъ же сотворилъ и всѣ другіе къ славѣ и хвалѣ своей. И однакожъ къ концу своей буллы папа повелѣваетъ, чтобы во всѣхъ церквахъ моравской земли, для большей важности, евангеліе читано было сперва по латыни, а потомъ, во услышаніе народа, возвѣщаемо было въ переводѣ на славянскій языкъ, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ церквей. А Святополку говоритъ еще, что если ему и судьямъ его нравится болѣе слушать литургію на славянскомъ языкѣ, то пусть совершается она и на этомъ языкѣ. Послѣ такого посланія папы, которое, по словамъ жизнеописателя Меѳодіева, было читано предъ народомъ, Меѳодій могъ, казалось, оставаться спокойнымъ отъ преслѣдованія своихъ враговъ. Случилось однакожъ иначе. Увидѣвъ неуспѣхъ своихъ интригъ со стороны Рима, они стали теперь тревожить Меѳодія слухами о гнѣвѣ на него въ Константинополѣ за то будтобы, что онъ дѣйствуетъ для пользы церкви западной. Меѳодій какъ нарочно между тѣмъ получилъ почтительное письмо отъ императора византійскаго, въ которомъ тотъ приглашалъ Меѳодія посѣтить его и преподать ему святую молитву свою. Меѳодій поспѣшилъ побывать въ Константинополѣ, гдѣ императоръ (Василій) принялъ его съ честью и радостью, похвалилъ его ученіе, а изъ учениковъ его,

одного священника, другаго діакона удержалъ въ Константинополѣ съ книгами,—вообще осыпалъ Меѳодія всѣми знаками вниманія, любви и отпустилъ съ дарами. Также обошелся съ Меѳодіемъ и патріархъ, которымъ былъ тогда именно Фотій. Но враги Меѳодія не уставали отъ неудачъ. Они принялись снова возстановлять противъ него Святополка. Какъ человѣку грубому и до крайности распущенному, Святополку по душѣ были латинскіе священники, которые охотно поблажали его страстямъ и привычкамъ, лишь бы удержать его на сторонѣ своего ученія и своего церковнаго авторитета; между тѣмъ Меѳодій, какъ учитель истинный и самоотверженный, не позволялъ себѣ потакать князю, напротивъ строго обличалъ и назидалъ его; отъ того Святополкъ тяготился имъ и даже готовъ былъ видѣть въ немъ своего врага. Двигателемъ интригъ былъ именно нѣмецъ Викингъ, который недавно взятъ былъ Меѳодіемъ въ Римъ (въ послѣднее путешествіе его) и по рекомендаціи его посвященъ папой въ епископа, съ подчиненіемъ Меѳодію. Платя послѣднему неблагодарностью и измѣной, Викингъ пускалъ въ ходъ сплетни, выдавая, будто бы папа поручилъ ему тайно наблюдать за Меѳодіемъ. Оскорбленія Меѳодію увеличивались, и онъ счелъ нужнымъ написать письмо къ папѣ. Въ отвѣтномъ посланіи папа старается утѣшить Меѳодія, выражается, что весьма сожалѣетъ о причиненныхъ ему непріятностяхъ, и какъ бы желая поддержать въ немъ довѣріе къ своей благопріязни, говоритъ: «это ты можешь уже заключить изъ того, что мы убѣждали тебя, когда ты явился къ намъ, слѣдовать ученію церкви римской по достовѣрному преданію св. отецъ и поручили тебѣ учить и проповѣдывать символъ и истинную вѣру.» Въ словахъ этихъ нѣкоторые хотятъ видѣть указаніе на то, что Меѳодій, въ бытность свою въ Римѣ, былъ, можетъ быть, убѣждаемъ папой слѣдовать римскому обряду со всею точностью, дабы не возмутить противъ себя латинскаго духовенства; но Меѳодій хотѣлъ неуклонно держаться обряда восточной церкви, въ чемъ папа ему уступилъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ [1]). Напоминая эту уступ-

[1]) Платоновъ ibid. 584—586.

ку свою, это полное свое довѣріе къ Меѳодію, папа тѣмъ самымъ сильно успокоивалъ его. Тутъ же (т. е. въ посланіи) говорилъ папа, что ничего не писалъ о немъ Святополку, кромѣ того, что писалъ прежде; ничего особеннаго не поручалъ и Виникингу, ни явно, ни тайно. По сему убѣждалъ Меѳодія отложить всякое сомнѣніе и продолжать свое святое служеніе. Наконецъ обѣщалъ, что еслибы Меѳодій явился въ Римъ, то онъ законнымъ образомъ положитъ конецъ всѣмъ замысламъ противъ него и укротитъ дерзость клеветника его. Новаго путешествія въ Римъ Меѳодій уже не предпринималъ. Возложивши упованіе на Бога, онъ спѣшилъ довершать апостольскіе труды свои, въ томъ числѣ и переводъ книгъ священныхъ.

Приблизилось время успокоиться праведнику отъ своихъ трудовъ и отъ стольких козней. Неутомимый проповѣдникъ, становившійся далеко извѣстнымъ, простиралъ свое духовное вліяніе и за предѣлы своей моравской паствы—на Чехію, Польшу, въ Угры... [1]). Но уже приспѣло время почить ему отъ трудовъ. Поучая учениковъ своихъ, онъ предостерегалъ ихъ отъ еретиковъ, которые, искажая слово Божіе, всячески стараются привить къ нимъ свое ученіе превратное; предсказывалъ, что по смерти его *внидутъ къ нимъ волци тяжки,* не щадящіе стада, чтобы увлечь народъ за собою. «Вы имъ противустаньте, заключалъ онъ, твердые вѣрою... Но сый надъ всѣми Богъ и Отецъ, и прежде вѣкъ безстрасно отъ него рожденный Сынъ, и Духъ святый, отъ *Отца исходящій,* наставитъ васъ на всяку истину и представитъ васъ *непорочны въ похвалу мою въ день Христовъ»* (Фил. 2, 16.) [2]). «Кого ты, отче и учителю, спрашивали ученики, избираешь въ преемники своего учительства? Меѳодій указалъ на Горазда, говоря: «онъ вашей страны, человѣкъ по званію свободный, знающій хорошо книги, правовѣрный. Такъ да будетъ на это Божія воля, ваша любовь, какъ и моя.» Въ цвѣтную недѣлю

---

[1]) Не входимъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ подробности, потому что излагаемъ исторію апостольства Кирилла и Меѳодія на столько, на сколько нужно это для главной задачи нашей.

[2]) Житіе Климента.

Меѳодій послѣдній разъ вышелъ въ церковь и бесѣдовалъ съ паствою уже больной, благодаря князя, клиръ, народъ. Потомъ сказалъ: «поберегите меня, дѣти, до третяго дня.» И утромъ третяго дня онъ скончался на рукахъ іереевъ, съ словами: «въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой.» Это было 6-го апрѣля 885 г. Погребальная служба надъ нимъ совершена была на языкахъ: греческомъ, латинскомъ, славянскомъ. Безчисленный народъ провожалъ св. тѣло любимаго и оплакиваемаго пастыря. Оно положено въ церкви св. Маріи въ городѣ Велеградѣ въ Моравіи.

Теперь, изложивши исторію дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія среди славянъ западныхъ, въ предѣлахъ церкви западной,—что должны мы сказать о проявившемся здѣсь характерѣ отношеній ихъ къ церкви восточной и западной? То прежде всего, что какъ вступленіе святыхъ братьевъ на эту дѣятельность не было условлено какимъ либо фактомъ разрыва ихъ съ восточною церковью, подобнымъ тому, на какой указываютъ Копитаръ, Шафарикъ, Ганушъ, такъ и вся исторія этой дѣятельности не представляетъ ни одного факта, говорящаго объ этомъ разрывѣ. Видимъ напротивъ факты другаго свойства. Такъ самое отправленіе св. братьевъ въ предѣлы западной церкви для учительства совершилось не безъ участія Константинополя; напротивъ, здѣсь именно убѣждали ихъ принять приглашеніе славянскихъ князей. Далѣе, папа Адріанъ, упоминая въ посланіи къ моравскимъ князямъ о томъ, что они просили себѣ учителей у *благовѣрнаго* царя Михаила, ничего не говоритъ ни противъ этого факта, ни противъ характера самихъ учителей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ словахъ папы и просказывается чувство нѣкотораго сожалѣнія о томъ, что онъ не могъ дать славянамъ учителей отъ себя. Съ другой стороны и на востокѣ въ дѣятельности св. братьевъ не видѣли ничего исключающаго союзъ ихъ съ восточною церковью; росказни латино-нѣмецкаго духовенства на этотъ счетъ оказались сплетнями, и Меѳодій, явившись въ Константинополь, былъ здѣсь принятъ съ честью и любовью царемъ и патріархомъ Фотіемъ и получилъ одобреніе своему ученію и своей дѣятельности. Всѣ эти факты не требуютъ никакихъ сложныхъ объясненій; они объясняются просто тѣмъ общимъ фактомъ, что раздѣленіе церквей во время Кирилла и Меѳодія только начиналось, но не

совершилось, и миръ неоднократно возстановлялся: потому, проходя свое апостольское служеніе, св. братья могли пребывать въ союзѣ съ тою и другою церковью. Да и не думали они своею дѣятельностью преслѣдовать какіе либо особенные, церковно-политическіе виды Константинополя или Рима: они служили вообще дѣлу христіанскаго просвѣщенія и пришли на западъ, подвизались здѣсь не съ мыслью о Римѣ и Константинополѣ, а съ мыслью о единой, истинной церкви, подобно тому какъ приходили на западъ восточные учители и святители въ прежнія времена, напр.Ириней, Ипполитъ и др. Понятно послѣ сего, какъ смотрѣть на подчиненіе римской каѳедрѣ славянскихъ учителей и ихъ церкви. Подчиненіе это не выражало со стороны ихъ какого либо намѣреннаго отрицанія власти церкви восточной, частнѣе—власти константинопольскаго патріарха, или же признанія ими идеи верховной власти папы надъ всею церковью. Оно было просто послѣдствіемъ той мысли, что область, въ которой они дѣйствуютъ, находится въ предѣлахъ римскаго патріархата и считалась даже непосредственно зависящею отъ римской каѳедры. «Они, говорилъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ папа Адріанъ въ посланіи къ моравскимъ князямъ, они увидѣли, что страны ваши суть достояніе апостольскаго стола, не сдѣлали ничего противъ канона (т. е. церк. правилъ), но пришли къ намъ» и проч. И самъ Меѳодій, въ отвѣтѣ нѣмецкимъ епископамъ, говорившимъ ему: «на нашей области учишь,» объяснялъ: «еслибы я видѣлъ, что это ваша область, то не ходилъ бы въ нее, но это область св. Петра.» Дѣйствуя въ предѣлахъ западной церкви, восточные проповѣдники показали образецъ уваженія къ церковнымъ правамъ, образецъ кротости, столько свойственной восточнымъ пастырямъ и учителямъ, и такъ мало извѣстной тогда на западѣ, гдѣ епископы безпрерывно спорили между собою за власть, за предѣлы епархій, такъ что изъ подобныхъ споровъ состоитъ, какъ справедливо замѣчаютъ, большая часть тогдашней церковной исторіи на западѣ. Кроткіе учители славянскіе, занятые исключительно духовнымъ служеніемъ своимъ, не были расположены входить въ тяжебное разбирательство епархіальныхъ правъ и предѣловъ, какъ нѣмецкіе епископы, а относились со всѣмъ довѣріемъ и почтительностью къ римской каѳедрѣ, занимавшее высокое мѣсто въ ряду другихъ патріаршихъ каѳедръ, а на западѣ счи-

тавшейся начальною, апостольскою—каѳедрою св. Петра. Названія «Каѳедра св. Петра, апостоликъ,» освященныя употребленіемъ на западѣ, съ уваженіемъ повторялись и св. братьями, такъ же, какъ и паннонскимъ (*православнымъ*) жизнеописателемъ ихъ. Но, повторяемъ, нѣтъ рѣшительно никакого повода заключать, чтобы съ этими названіями у св. братьевъ соединялись тѣ *новыя* идеи, какія, опираясь на лжеисидоровскія декреталіи, сталъ проповѣдывать папа Николай I, а за нимъ и другіе. Искать у нихъ этихъ идей, сосредоточенныхъ на идеѣ неограниченной власти папы надъ всею вселенскою церковью, былобы величайшею несправедливостью, недобросовѣстнымъ искаженіемъ словъ и дѣйствій св. братьевъ, хотя, къ крайнему сожалѣнію, католическіе писатели позволяютъ себѣ эту несправедливость и это искаженіе.

Далѣе, подчиненіе римской каѳедрѣ славянскихъ учителей и ихъ церкви было тѣмъ возможнѣе, что не затрогивало совѣсти и вѣры ихъ. Мы видѣли, что слав. учители признаны были въ Римѣ правовѣрными, вопреки обвиненіямъ, взнесеннымъ на Меѳодія тѣми, которые болѣли vioпаторскою ересью, т. е. ученіемъ о происхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына (υἱοῦ καὶ πατρός. Болѣвшіе эти были вообще латино-нѣмецкіе епископы, употреблявшіе символъ съ filioque, и потому нападавшіе на Меѳодія, пѣвшаго его безъ этого незаконнаго прибавленія. Защищая его отъ такого нападенія, папа заявилъ при этомъ, что и его римская церковь поетъ символъ согласно съ Меѳодіемъ. Таковъ ясный и прямой смыслъ словъ папы Іоанна о Меѳодіѣ: «испытавши его, мы нашли его во всемъ правовѣрнымъ, *потому что онъ поетъ символъ вѣры также, какъ поетъ св. римская церковь и какъ передано и обнародовано шестью вселенскими соборами*. Слова эти, говоримъ, весьма ясны: ясно, т. е. что при папѣ Іоаннѣ VIII символъ вѣры пѣли въ римской церкви на литургіи такъ, какъ передано вселенскими соборами,—безъ filioque. И это подтверждается извѣстнымъ свидѣтельствомъ Фотія, что на константинопольскомъ соборѣ 879 г. папа Іоаннъ «не иначе, какъ православная церковь и его предшественники, первосвященники, принимая символъ вѣры, и мыслями и священными руками благочестивыхъ легатовъ (Павла, Евгенія и Петра) подписалъ и запечатлѣлъ его.» Паги думаетъ, что уже послѣ 1040 г. пѣлся первона-

чально символъ вѣры съ filioque; и даже гораздо позже, на ліонскомъ соборѣ, 1274 г., позволено было грекамъ, присоединявшимся къ римской церкви, пѣть символъ вѣры въ первоначальномъ его видѣ, безъ filioque (см. Добровскаго, Кир. и Меѳодій, въ пер. стр. 72). Вспомнимъ при этомъ, что и послѣ Брестскаго собора 1596 г. западно-русскіе униты, не смотря на унію съ Римомъ, долго еще употребляли символъ православный—безъ filioque. Не легко было, въ самомъ дѣлѣ, ввесть эту новость какъ у нашихъ унитовъ, такъ первоначально и въ самомъ Римѣ. Вспомнимъ, какъ въ свое время папа Левъ III старался оградить символъ отъ этого произвольнаго прибавленія. То уваженіе къ преданію и авторитету вселенской церкви, какое обнаружилъ Левъ III, видно, еще сохранялось у многихъ въ римской церкви, при Адріанѣ и Іоаннѣ, не смотря на то, что предмѣстникъ ихъ папа Николай пренебрегъ этимъ авторитетомъ, на который ссылался предъ нимъ Фотій, ограждая неприкосновенность символа. Извѣстно, что Николай не нашелъ у себя въ Римѣ защитниковъ filioque и отыскивалъ ихъ среди франкскихъ епископовъ на томъ основаніи, что новый догматъ этотъ открыто провозглашенъ былъ прежде всего въ ихъ странахъ при Карлѣ В. Догматъ filioque былъ такимъ образомъ связанъ съ церковно-политическими преданіями франко-германской имперіи. Не удивительно поэтому, что епископы нѣмецкой имперіи являются горячими защитниками его при Іоаннѣ, въ ту пору, какъ самъ этотъ папа еще держится исповѣданія вселенной церкви, сохранившагося неприкосновеннымъ на востокѣ и провозглашеннаго теперь въ слухъ нѣмецкихъ епископовъ восточными учителями славянъ. Какъ тверды были послѣдніе въ православномъ исповѣданіи вѣры,—это, кромѣ переданныхъ уже фактовъ изъ житій ихъ, подтверждается еще извѣстнымъ *исповѣданіемъ вѣры* св. Кирилла, которое онъ заключаетъ словами: «такъ исповѣдую я свою вѣру съ Меѳодіемъ, приснымъ моимъ братомъ и помощникомъ въ службѣ Божіей.» Это, конечно, то самое исповѣданіе, которое, по свидѣтельству папы Іоанна VIII, св. Меѳодій предлагалъ въ Римѣ verbis et litteris. А въ этомъ исповѣданіи читаемъ: «вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, всѣмъ невидимымъ и видимымъ Творца и Господа... и въ единъ Духъ святый, *исходящъ отъ Бога Отца единаго,* и съ

Отцемъ и Сыномъ благословимый же и славимый [1]).» Мы видѣли уже, что также исповѣдалъ догматъ о св. Духѣ Меѳодій въ предсмертномъ поученіи своемъ ученикамъ, приводимомъ біографомъ св. Климента, ученика его. Этотъ же біографъ считается составителемъ древнихъ службъ святымъ Кириллу и Меѳодію, въ которыхъ (службахъ) онъ даетъ новое свидѣтельство о православномъ исповѣданіи ихъ. Такъ въ службѣ Кириллу говорится, что онъ «книгами разрушалъ еретическія бляди треязычниковъ.» Ересь этихъ треязычниковъ была «ересь ѵопаторская,» отстаивая которую, они нападали на Меѳодія, обличавшаго ее, почему въ службѣ и обращены къ нему слѣдующія слова: «ты, блаженный Меѳодій, послѣдуя словамъ Господнимъ, открыто (явѣ) богословилъ, что Отецъ есть родитель Сына и изложитель (изводитель) Духа пресвятаго и еще истѣе испытывалъ (разсуждалъ), вопія, что Утѣшитель исходитъ отъ Отца, а не Сына» [2]). Такимъ образомъ, по исповѣданію православной вѣры, св. учители славянъ были въ полномъ согласіи и единеніи съ восточною церковью, нашедши согласіе на это исповѣданіе и въ Римѣ у папъ, которые еще не рѣшались отступать отъ этого исповѣданія, хотя, къ несчастію, и стояли уже на пути къ такому отступленію со времени Николая.

Нашедши въ Римѣ покровительство своему исповѣданію, св. братья, какъ мы видѣли, нашли покровительство и своему труду—славянскимъ книгамъ и славянской службѣ. Говорятъ (между прочимъ и многіе католическіе писатели), что это покровительство было условлено антагонизмомъ Рима съ нѣмецкою, имперскою іерархіею, которая, будучи связана съ интересами имперіи и притомъ порядочно корыстуя съ своихъ епархіальныхъ правъ, не охотно дѣлилась этими правами съ Римомъ, хоть и признавала верховную власть его надъ собою; въ слѣдствіе чего Римъ защитою славянской церкви отъ нѣм-

---

1) „Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители“ въ Чтен. Имп. Моск. Общ. Истор. 1846. № 6.

2) Древне-славянскій памятникъ, дополняющій житіе св. Кирилла и Меѳодія. Григоровича, въ Учен. Зап. Каз. Унив. 1862 г. Выпускъ 1.

цевъ-епископовъ и хотѣлъ привязать ее къ себѣ непосредственно. Говорятъ, что покровительство это условливалось и іерархическимъ соперничествомъ Рима съ востокомъ, который, давая новообращающимся славянамъ народныхъ учителей и народное богослуженіе, могъ привязывать ихъ къ себѣ и отвлекать отъ Рима; и при этомъ указываютъ на извѣстный споръ Николая, Адріана, Іоанна съ Фотіемъ и Игнатіемъ за Болгарію, которую Римъ уловилъ было, потомъ утерялъ, но надѣялся еще вновь уловить [1]), а для этого нужно было показывать, что Римъ покровительствуетъ народной церкви, славянской службѣ. Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ приписываются слѣдовательно Риму не совсѣмъ чистыя и прямыя побужденія въ дѣлѣ покровительства славянской службѣ. Мнѣніями этими нельзя однакожъ удовлетворить-ся, какова бы ни была въ нихъ доля правды. Необходимо признать, что у папъ было и искреннее убѣжденіе въ законности, достоинствѣ дѣла, которому они покровительствовали. И это убѣжденіе вызвано было, конечно, личными объясненіями съ папами обоихъ славянскихъ учителей, Кирилла и Меѳодія, а потомъ еще одного Меѳодія. Они могли привесть объясненія и доказательства, подобныя тѣмъ, какія предлагали уже треязычникамъ могли указать на примѣръ церкви восточной; главное же, осязательное и краснорѣчивѣйшее доказательство ихъ состояло, конечно, въ удивительномъ успѣхѣ проповѣди ихъ, въ общемъ народномъ восторгѣ новообращавшихся славянъ отъ того, что они слушаютъ величія Божія на своемъ языкѣ. Въ древней латинской легендѣ именно говорится, что Меѳодій свидѣтельствомъ предъ собраніемъ римской куріи, что славянскою проповѣдью и службою онъ пріобрѣлъ Христу безчисленное

---

[1]) Во время пребыванія въ Римѣ Кирилла и Меѳодія, славянскія книги по приказанію Адріана, были священы, между прочимъ, **Формозомъ**, еп. портуанскимъ. Этотъ Формозъ, незадолго предъ тѣмъ былъ посылаемъ папой Николаемъ въ Болгарію, для удержанія ея за римскимъ престоломъ. Видно, онъ понравился въ Болгаріи, потому что Борисъ просилъ у папы Адріана дать Формоза въ епископы Болгаріи. Сближаясь съ славянами въ Болгаріи, онъ могъ лично убѣдиться въ важности труда Кирилла и Меѳодія для христіанскаго просвѣщенія ихъ, могъ объяснить это и передъ папой (см. „О св. Кир. и Меѳодіѣ“ въ Москвит. 1843, № 6).

множество народа, и что это произвело удивленіе въ куріи, давшей вслѣдъ за тѣмъ полное одобреніе этой службѣ. Впрочемъ въ разсказѣ о пребываніи въ Римѣ св. братьевъ мы уже видѣли, съ какимъ любопытствомъ, удивленіемъ, любовью, многіе изъ самыхъ римлянъ относились къ необычайнымъ славянскимъ учителямъ, ихъ книгамъ и службѣ славянской. И это естественно. Трудно было не уважить этихъ учителей, являвшихъ въ себѣ черты истинно-апостольскаго духа, и ихъ труда, запечатлѣннаго просвѣщеннѣйшимъ, истинно-христіанскимъ воззрѣніемъ. Если ослѣпленіе корыстными и властолюбивыми расчетами не дозволяло нѣмецкимъ прелатамъ видѣть достоинство славянскихъ апостоловъ: если для тогдашняго германскаго невѣжества латынь была самою высшею, найболѣе общею формою христіанскаго образованія, а достоинство образованія восточнаго или греческаго оно способно было измѣрять грубою политическою силою, перевѣсъ которой считало за своею имперіею: то самъ латинствующій Римъ въ состояніи былъ лучше судить о дѣлѣ, искажать или закрывать достоинство котораго не было у него, какъ мы видѣли, и побужденій. Преданія всей прошедшей жизни говорили ему о связи его образованія и христіанскаго просвѣщенія съ греческимъ, о достоинствѣ послѣдняго, значеніи его въ церкви во времена вселенскихъ соборовъ. И если при Іоаннѣ уважали авторитетъ этихъ, на востокѣ бывшихъ соборовъ по отношенію къ символу вѣры; то отъ чего не могли уважить *сознательно*, *искренно* и того общепринятаго на востокѣ правила, во имя котораго славянскіе апостолы совершили свой переводъ и ввели славянское богослуженіе? Напрасно строго-католическіе писатели, для которыхъ латынь—догматъ, упрекаютъ тутъ Іоонна въ слабости, въ податливости убѣжденіямъ славянскихъ учителей: податливость эта напротивъ дѣлаетъ величайшую честь папѣ, истинную заслугу его, о которой съ признательностью будутъ вспоминать славянскія поколѣнія. Податливость эта была просвѣтленіемъ общехристіанской мысли въ римской куріи, смѣжаемой исключительною властью латыни. Къ сожалѣнію, просвѣтленіе это было не на долго: власть латыни, этой споспѣшницы ѳеократическо-монархической власти Рима, была такъ уже велика, что сами покровители славянской службы, Адріанъ и Іоаннъ, какъ мы видѣли, совѣтовали Меѳодію примѣшивать въ нее латынь *для*

большей важности. Это не предвѣщало этой службѣ продолженія покровительства со стороны Рима!

Но какова была наконецъ сама эта славянская служба: съ какой службы она переведена; слѣдовала ли она греческому или латинскому обряду? На это отвѣчаетъ вся исторія жизни и дѣятельности св. братьевъ, и отвѣчаетъ не иначе, какъ въ пользу греческаго обряда. Противное этому мнѣніе, заимствуемое отъ послѣдней теоріи Шафарика о глаголицѣ, несостоятельно такъ, какъ и сама эта теорія [1]). Впрочемъ сама эта теорія не можетъ еще вести къ означенному мнѣнію. Извѣстно, что *древнѣйшіе* памятники глаголицы приспособлены къ *греческому* обряду, а не латинскому, что признавалъ и Шафарикъ; что проклятія и запрещенія Рима на славянскую службу, послѣдовавшія вскорѣ за покровительствомъ, касались кириллитовъ также, какъ и глаголитовъ; что только съ 13-го вѣка (со времени Иннокентія III) глаголица, становясь уже носительницею славяно-латинскаго обряда, начала пользоваться постояннымъ покровительствомъ Рима. Извѣстно наконецъ, что грозныя осужденія Рима изрекаемы были не только на славянскія книги и службу, но и на самое лице и ученіе славянскихъ учителей, которыхъ преемники Адріана и Іоанна не разъ оглашали еретиками [2]). Римъ такимъ образомъ самъ отрекался отъ единенія вѣры съ славянскими апостолами, отрекался отъ ихъ церкви. А отрекался потому, что самъ пошелъ далѣе по тому пути отступничества отъ единства церкви вселенской и развитія своего собственнаго латино-католическаго единства, на которомъ какъ бы пріостанавливался на время при Кириллѣ и Меѳодіѣ и можетъ быть даже подъ вліяніемъ просвѣщенныхъ внушеній этихъ великихъ учителей. Но если Римъ, послѣ кратковременнаго покровительства дѣлу славянскихъ учителей, неоднократно отрекался отъ нихъ, оглашалъ ихъ еретиками, то можетъ ли

---

[1]) Обстоятельный разборъ теоріи Шафарика сдѣланъ гг. Викторовымъ и Гильфердингомъ, обладающими запасомъ спеціальныхъ знаній, нужныхъ въ этомъ дѣлѣ.

[2]) См. объ этихъ папскихъ запрещеніяхъ у Маціовскаго въ „Истор. первоб. христ. у славянъ" стр. 45 и далѣе; Викторова: „Послѣднее мн. Шаф. о глаголицѣ." Статья вторая, стр. 4—5 и др.

найти что либо подобное по отношенію къ нимъ въ тогдашней церкви греческой? Не находя этого послѣдняго, славяно-католическіе писатели ухватываются за самый фактъ молчанія византійскихъ писателей о жизни и дѣятельности славянскихъ учителей: молчали де о нихъ греки потому, что чуждались дѣла ихъ, внутренно осуждали ихъ за переходъ къ западной церкви. Странное доказательство, которое къ удивленію, повторяетъ однакожъ и Шафарикъ! Мало ли о чемъ въ исторіи славянъ умолчали византійскіе писатели, умолчали тогда, когда, казалось, вовсе не слѣдовало бы умолчать? Что, напр., сказано у нихъ о проповѣдникахъ, приходившихъ къ Владиміру, о крещеніи его въ Херсонѣ и т. п.? Какъ бы ни объяснять молчанія византійскихъ хронистовъ о славянскихъ учителяхъ, важно всего болѣе то, что давши этихъ учителей славянамъ, греческая церковь въ предѣлахъ своихъ,—въ предѣлахъ единовѣрныхъ ей славянскихъ церквей, дала убѣжище и развитіе ихъ дѣлу. Изгнанные изъ предѣловъ западной церкви ученики Кирилла и Меѳодія находятъ убѣжище и почетный пріемъ въ Болгаріи, гдѣ продолжаютъ совершенствовать славянскую письменность, развиваютъ христіанско-славянское просвѣщеніе, упрочивая въ исторической жизни славянъ значеніе апостольскаго труда св. братьевъ. Между тѣмъ въ предѣлахъ западной церкви трудъ этотъ существуетъ лишь въ темныхъ преданіяхъ, въ видѣ окаменѣвшей археологической рѣдкости, какою является жалкая глаголица, укрывающаяся въ небольшихъ уголкахъ славянскаго міра подъ безплоднымъ уже для нее покровительствомъ Рима.

Впрочемъ, какъ бы ни были несправедливы дѣйствія Рима и латинской церкви по отношенію къ церкви славянской послѣ Кирилла и Меѳодія, славяне, еще разъ скажемъ, не забудутъ, конечно, того первоначальнаго покровительства, какое было оказано ей Римомъ при Кириллѣ и Меѳодіѣ. Пусть же не умаляютъ передъ нами цѣны этого покровительства, искажая характеръ его. Пусть не съуживаютъ величественнаго, истинно христіанскаго характера проповѣди и церкви славянскихъ апостоловъ до тощей идеи позднѣйшихъ уній, въ родѣ брестской. Была тамъ унія, но въ смыслѣ истиннаго единенія церкви вселенской, а не въ смыслѣ латино-католическаго единства, развитаго на западѣ въ ущербъ первому. Отражая въ се-

бѣ это единеніе, славянская церковь, и по характеру основателей своихъ и по характеру своего исповѣданія и обряда, принадлежала къ церкви восточной, остававшейся вѣрною началамъ истиннаго православія и вселенскаго единства церкви христіанской. Она сошлась и съ церковью римскою, но потому именно, что послѣдняя, въ лицѣ представителей своихъ въ Римѣ, нашлась тогда согласною съ этимъ исповѣданіемъ и еще помнила, или лучше сказать, припомнила подъ вліяніемъ славянскихъ учителей то начало вселенскаго, соборнаго (а не монархическаго) единства церкви, которое, требуя единства въ исповѣданіи, вѣрѣ и духѣ любви, допускаетъ разнообразіе мѣстныхъ обрядовъ и учрежденій, даетъ мѣсто сомостоятельному, народному развитію каждой отдѣльной церкви, главнѣйшимъ выраженіемъ котораго есть церковное употребленіе слова Божія и богослуженія на народномъ языкѣ. Этимъ условливалось и самое подчиненіе славянскихъ учителей и ихъ церкви—римской каѳедрѣ, но, не забудемъ—какъ главной каѳедрѣ мѣстной патріаршей области, а отнюдь не какъ каѳедрѣ, призванной властвовать надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ.

Тыминскій.

О МѢРАХЪ ПАПИСТОВЪ КЪ ВВЕДЕНІЮ УНІИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

(*Очеркъ*).

Со времени присоединенія русскихъ областей къ Польшѣ (1340—1385), ея правительство, руководимое римскимъ духовенствомъ употребляло всевозможныя усилія преобразовать православныхъ русскихъ въ римско—католиковъ, и упрочить внѣшнее гражданское соединеніе обоихъ народовъ внутреннимъ религіознымъ ихъ союзомъ. Для этой цѣли, съ 1436 г. въ Литвѣ учрежденъ былъ трибуналъ миссіонерской инквизиціи, съ правомъ надзирать за еретиками и отщепенцами русскими и приводить ихъ въ послушаніе римскому престолу. Папскій нунцій въ Польшѣ имѣлъ право великаго инквизитора [1]). Польскіе магнаты, занимая важнѣйшія государственныя должности, неопускали ни одного случая воспользоваться незаконно усвоенною себѣ властію устранять диссидентовъ отъ всѣхъ почетныхъ должностей при дворѣ и въ сенатѣ [2]). Съ 1566 г. іезуиты завели свои коллегіи для образованія юношества польскаго и русскаго вмѣстѣ, учредили типографіи для изданія на славянскомъ языкѣ сочиненій въ пользу католицизма и всенародно проповѣдывали соединеніе церквей и подчиненіе всѣхъ верховному владычеству папы, какъ намѣстника Христова на землѣ. Разсѣевая такимъ образомъ между православными римское лжемудрствованіе. они выжидали только благопріятнаго времени, когда бы можно было въ русскихъ областяхъ торжественно

---

[1]) Hist. de schism. Kwiatkew. 1436. Kulesz pag. 162.

[2]) Особенно при Сигизмундѣ 1-мъ,—предисл. къ вселен. актамъ XL. 14.

ввести латинство, подъ покровомъ устно и письменно проповѣдуемаго имя флорентійскаго единства [1]).

Случай къ тому, хотя и не скоро, представился. Стараніе константинопольскаго патріарха Іереміи исправить нѣкоторые безпорядки въ западно-русской іерархіи послужило для злоумышленниковъ предлогомъ къ начатію давно задуманнаго дѣла, и въ 1596 г 9 октября на соборѣ брестскомъ торжественно объявлена была унія. Правда въ началѣ это было не что иное какъ подчиненіе папѣ очень немногочисленнаго отступнаго духовѣнства. Соборъ православный, на которомъ главными дѣятелями были епископы львовскій Гедеонъ и перемышльскій Михаилъ, екзархи патріарховъ—константинопольскаго Никифоръ, александрійскаго Кириллъ и князь Константинъ Острожскій отринулъ унію, объявивъ, что народъ русскій не принимаетъ ее, и лишилъ іерархическаго достоинства митрополита и епископовъ уніатовъ. Но начало было положено и дворъ римскій потерялъ надежды впослѣдствіи распространить власть свою на весь юго-западный русскій народъ. Въ дѣлѣ уніи приняли дѣятельное участіе король и вельможи, употреблены были всѣ возможныя, большею частію незаконныя, средства, чтобы заставить православныхъ принять унію и со временемъ образовалась полная уніатская іерархія съ ущербомъ для гонимой церкви православной. Но чтобы по достоинству оцѣнить въ этомъ дѣлѣ дѣйствія послѣдователей римской церкви и имѣть надлежащее понятіе о соединеніи православной церкви съ римско-католической въ юго-западной Руси, разсмотримъ тѣ мѣры, которыя были употреблены для введенія здѣсь такъ называемой уніи.

I). Распространеніе сочиненій въ пользу уніи и во вредъ православію.

II). Воспрещеніе православнымъ богослуженія, угнѣтеніе православнаго духовенства

III). Гоненія, папистами воздвигнутыя на весь православный народъ.

Вотъ главныя мѣры папистовъ ко введенію уніи въ юго-западной Руси.

---

[1]) Отзывъ Антонія Поссевина. Ист. уніи стр. 31.

I.
Распространеніе сочиненій въ пользу уніи и во вредъ православію.

I). Предъ самымъ введеніемъ уніи (1594 г.) явилось сочиненіе, предъуготовлявшее къ ней:

«*Унія альбо выкладъ предънейшихъ артыкуловъ ку зъодноченью грековъ съ костеломъ римскимъ надлежащихъ.*»

Цѣль этаго сочиненія—увѣрить русскій народъ, что совершеніемъ уніи не измѣнится вѣра православная. Въ доказательство этой мысли сочинитель (всего вѣроятнѣе Ипатій Поцѣй [1]) защищаетъ главнѣйшіе, спорные между латинянами и православными, пункты ученія о происхожденіи Св. Духа, о чистилищѣ и о главенствѣ папы, который (замѣчаетъ онъ) не есть антихристъ, какъ утверждаютъ это безбожные еретики [2]). Въ подтвержденіе этихъ пунктовъ собраны переиначенныя и многія совершенно подложныя свидѣтельства, якобы отцевъ восточной церкви.

Подделка и неправильная выдержка текстовъ твореній св. отцевъ была всегда дѣломъ обыкновеннымъ со стороны папистовъ. Православные гласно укоряли ихъ въ этомъ еще на флорентійскомъ соборѣ [3]). Въ упомянутомъ нами сочиненіи подобныхъ извращеній отеческихъ писаній не мало.

2) «*Окружное посланіе уніатскаго духовенства* [4]) *къ православнымъ духовнымъ и міряпамъ въ Руси.*» Тотчасъ по совершеніи уніи, этимъ посланіемъ она обнародована была во всѣхъ русскихъ областяхъ (1596 г.). Посланіе это гласитъ: «Во всѣхъ невольныхъ греческихъ и іерусалимскихъ церквахъ вводятся агарянскіе обычаи христіанству противныя, московское же христіанство заразилось съ давнихъ лѣтъ расколомъ стригольщины, а посему недовлѣетъ намъ (нововводителямъ уніи), православнымъ сущимъ и общеніе съ такими косными народами

---

[1]) Мацѣевскій приписываетъ Поцѣю это сочиненіе подъ заглавіемъ: Harmonia abo konkordacia cerkwi orientalnej z kościołem rzymskim. (Издан. 1608) Москв. 1854 19.

[2]) Опроверженіе этаго мнѣнія составляетъ послѣдній 5 пунктъ.

[3]) Ватиканская рукопись о соборѣ флорентійскомъ въ Ж. М. Н. П. 1841 г. ч. 29 стр. 71.

[4]) История Руссовъ архіепископа Георгія Конисскаго § 34.

имѣти. И тако изволися Св. Духу, и намъ отцамъ церкви русской по прежнему соединиться съ церковію римскою, вселенскою, съ которою наша религія и была чрезъ многія вѣки въ совершенномъ согласіи, но отвергнута навѣтомъ строптиваго патріарха Фотія, за что и видимы суть кары Божіи на греки и ихъ церковь.» Какъ много лжи въ этихъ немногихъ словахъ! По сознанію самихъ же западныхъ, восточная церковь до сихъ поръ сохранилась нерушимо въ томъ же видѣ, въ какомъ существовала она еще въ пятомъ вѣкѣ по рождествѣ Христовомъ [1]). И подлинно въ ней и не можетъ быть никакихъ магометанскихъ обычаевъ; владычество же турецкое не есть признакъ поврежденія восточной церкви. Первенствующая церковь христіанская окружена была язычниками и терпѣла отъ нихъ гоненія. Ересь стригольниковъ не имѣла вліянія на православіе цѣлой Россіи, и исчезла за долго до введенія уніи на Руси, именно еще въ 1375 г., когда начальники оной были казнены; и кого могли соблазнить безумные вопли и толки двухъ трехъ человѣкъ, когда всѣ даже новгородцы остались вѣрными законной іерархіи [2]).

3). «*Апологія путешествія на востокъ Мелетіемъ Смотрицкимъ совершеннаго 1623–24 г., съ присовокупленіемъ увѣщанія до народа русскаго (1628 г.)*»

Главный предметъ этаго сочиненія есть опроверженіе всѣхъ извѣстныхъ тогда сочиненій противъ уніи и оправданіе Смотрицкаго въ измѣнѣ православію. Авторъ защищаетъ унію и себя слѣдующимъ способомъ: «такъ какъ восточная и западная церкви въ священномъ обрядѣ и спасительномъ совершеніи св. таинствъ одна отъ другой вовсе не отличаются, то и справедливо, чтобы изъ двухъ церквей сдѣлалась одна [3]). Но это единство церквей на Руси не послѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока будутъ здѣсь все портить такіе богословы, какъ Стефанъ Зизаній [4]), Клирикъ Острожскій [5]), Христофоръ Филалетъ [6]) и Ѳеофилъ

---

[1]) Слово каѳолич. православія римскому католичеству.

[2]) Никон. Лѣтоп. часть IV. подъ 1375 г.

[3]) Въ посвященіи князю Александру Заславскому на Острогѣ.

[4]) Мелетій приводитъ выдержки изъ поученія Зизанія проповѣдника виленск. братства: апологъ. стр. 20.

[5]) Извѣстна Клерика Острожскаго ватиканская рукопись о Флорентинскомъ соборѣ.

[6]) Подъ псевдон. Филалета написано сочиненіе „Апокрисисъ.“

Острологъ [1]), разсѣевающіе еретическіе толки въ русскомъ народѣ. Я и самъ долго упорствовалъ въ тѣхъ же заблужденіяхъ; но когда милостію Божіею прозрѣлъ, то началъ сомнѣваться въ ихъ ученіи, что и склонило меня къ путешествію на востокъ и къ сочиненію, по возвращеніи моемъ, этой защиты [2]). Я намѣренъ былъ представить на утвержденіе патріарха катихизисъ, составленный греко-россійскимъ духовенствомъ для просвѣщенія и поученія вѣрныхъ. Но несмѣя представить этотъ катихизисъ патріарху (причины не высказывается) [3]), вернулся на Русь и замѣчанія свои на катихизисъ съ разборомъ шести отличій, произшедшихъ въ религіозномъ отношеніи между восточною и западною церквами,—представилъ на разсмотрѣніе русскихъ епископовъ. Но какъ эти замѣчанія были отвергнуты и торжественно, при богослуженіи, анаѳематствованы; то и рѣшился я отдѣлиться отъ церкви, которая сама уже не соглашалась съ правилами восточнаго православія [4]). Замѣтивши, продолжаетъ Смотрицкій, еретическія правила не только въ русской несоединенной (дизунитской) церкви, но и въ цареградской [5]), я осудилъ всѣ свои прежнія сочиненія, изданныя мною въ защиту дизунитской церкви [6]) и торжественно отказался отъ нихъ [7]). Невыгодно отзывались о Мелетіи не только православные, но даже и уніаты. Такъ митрополитъ уніатскій Веніаминъ Рутскій свидѣтельствуетъ, что Мелетій долго отъ православныхъ скрывалъ свои сношенія съ папистами, и что подъ предлогомъ путешествія на востокъ, онъ отправлялся въ Римъ для засвидѣтельствованія папѣ своего

---

[1]) Псевдонимъ самаго Смотрицкаго.

[2]) Апол. стр. 88.

[3]) Увѣщанья стр. 2.

[4]) Тамъ же стр. 20.

[5]) Посланіе къ патріарху константинопольскому, отправленное 1627 г. Неизвѣстно его содержаніе, гдѣ Мелетій указалъ будто заблужденія восточной церкви.

[6]) Сочиненія эти: „Повѣрка невинности и опроверженіе новыхъ заблужденій распространенныхъ въ Литвѣ и Руси.“ „Защита повѣрка“ 1621 г., „Прибавленіе къ разбору Защиты;“ „Осужденіе ѣдкихъ сочиненій“ 1622 г. и друг.

[7]) Увѣщанія стр. 28.

желанія соединиться съ римскою церковію. Цѣлію же всѣхъ дѣйствій его было достигнуть верховной власти надъ уніатскою церковію въ бѣлорусскихъ провинціяхъ [1]).

4). «*Перспектива или обнаруженіе заблужденій, ересей и суевѣрій въ церкви греко-русской дизунатской*» (въ Краковѣ 1642 г.). Сочиненіе Кассіана Калиста Саковича, апостата отъ православія и уніи, монаха августинскаго ордена. Оно теперь извѣстно только изъ сочиненія святителя Петра Могилы [2]), написавшаго подъ именемъ благочестиваго пастыря Лиѳосъ или Камень съ пращи истинной церкви, на сокрушеніе ложно помраченной перспективы или безмѣстнаго оболганія отъ Кассіана Саковича въ Кіевѣ 1644 г. Въ своемъ сочиненіи Кассіанъ а). несправедливо упрекаетъ православную церковь въ отступленіяхъ отъ древняго образа совершенія св. Таинствъ, и б). указываетъ мнимыя недостатки въ уставѣ нашей церкви. Въ совершеніи таинства крещенія и мvропомазанія онъ обратилъ вниманіе на различіе формы словъ, которыми призывается благодать святаго Духа и, изъ мнимаго превосходства церкви римской, доказываетъ, будто въ церкви римской этими таинствами сообщается высшее, нежели въ церкви православной, обиліе благодати. На исповѣди, говоритъ Кассіанъ, священники только вывѣдываютъ отъ своихъ духовныхъ чадъ, не намѣрены ли они отступить отъ православія, и многихъ напрасно лишаютъ св. причастія, сами же не знаютъ различія между грѣхами смертными и несмертными. Таинство св. Евхаристіи онъ совѣтуетъ православнымъ совершать на одной просфорѣ и безъ проскомидіи, которая, по его мнѣнію, есть прибавленіе позднѣйшихъ суевѣрныхъ временъ (стр. 129) [3]). Клевещетъ, будто православные священники, для таинства евхаристіи вмѣсто виноградпаго вина, употребляютъ уксусъ и медъ состной (стр. 53); и какъ злоупотребленіе выставляетъ преподаваніе св. Тайнъ младенцамъ (стр. 70). Утверждаетъ также, что православная

---

[1]) „Сугубая вина.“ Литерат. извѣстія изъ Варшавы. Москв. 1854 г. 20.

[2]) Истор. Русск. церкви Т. IV. стр. 87.

[3]) Цитаты страницы выставлены по сочиненію Лиѳосъ, изданному въ Кіевѣ 1644 г. на польскомъ языкѣ.

церковь не исполняетъ надлежащей формы благословенія св. Даровъ, и не знаетъ времени ихъ пресуществленія, и что въ этомъ то православные должны слѣдовать римской церкви. Еще Кассіанъ лжетъ, будто въ священныхъ пѣснопѣніяхъ на литургіи не видно принаровленія къ тому или другому дню и празднику (стр. 105). А потому, по его предположенію, надобно или исправить литургію, совершаемую въ православной церкви, или ввести читанную римскую литургію—миссу, которая будто бы во всей вселенной совершалась еще со временъ апостольскихъ (стр. 90). Симонія, утверждаетъ онъ, причиною тому, что такъ много въ православномъ клирѣ поповъ неученыхъ двоеженцевъ и подобныхъ нарушителей постановленій церковныхъ (стр. 149). Кощунствуетъ надъ обрядомъ таинства брака (стр. 169). Молитвы при совершеніи таинства елеосвященія будто не выражаютъ сущности самаго таинства Также священники будто безъ нужды и для своей корысти совершаютъ елеосвященіе и надъ здоровыми, тогда какъ, по ученію римской церкви, только умирающіе таинствуются этимъ таинствомъ (стр. 195).

в). Въ богослужебномъ уставѣ православной церкви Кассіанъ видитъ также многія мнимыя несообразности. Воспрещеніе мяса на вся дни монахамъ и мірянамъ. Рыбы (—296) въ великій постъ, по его замѣчанію—излишняя скрупулезность. Посты во дни смерти святыхъ, напр: въ день усѣкновенія Іоанна Предтечи, несообразны съ радостнымъ торжествомъ ихъ прославленія мученическою смертію. Въ заключеніи своего сочиненія Кассіанъ совѣтуетъ русскимъ православнымъ и уніатамъ соединиться между собою и съ церковію римскою, въ противномъ случаѣ русскимъ угрожаетъ погибель въ еретическихъ заблужденіяхъ (стр. 378). Подобные клеветы на православіе обличаютъ въ Кассіанѣ не только апостата отъ православной церкви, но и ренегата отъ всего христіанства. Таковъ судъ объ немъ святителя Петра Могилы: «называя православныхъ схизматиками, ты Кассіане, только лжешь, и ничего не скажешь путнаго. Такъ какъ ты клевещешь на древнѣйшіе обряды православной церкви и ся посты, съ желаніемъ ихъ уничтожить, то пусть всякій здравомыслящій скажетъ не противникъ ли ты церкви не только восточной, но и римской, и всей церкви Христовой, которой врата адова, уста еретическія, по

обѣтованію Господню, никогда не одолѣютъ» [1]). И одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ папизма сказалъ о Кассіанѣ. «Кассіанъ, увлеченный фанатизмомъ, въ своихъ сочиненіяхъ переступалъ даже предѣлы обыкновеннаго приличія. Вмѣсто убѣжденій изъ разума и священнаго писанія, онъ чернилъ противниковъ лживыми насмѣшками, а потому вмѣсто братскаго единенія возбудилъ въ нихъ ненависть ко всему римскому [2]). Иванъ Дубовичъ, современникъ, скромный защитникъ православія. утверждаетъ, что Саковичь склонялся даже къ исламизму [3]).

5). «*Вѣра православная, объясненная свящ. писаніемъ, ученіемъ соборовъ и святыхъ отцевъ, по преимуществу греческихъ, и исторіею церкви.*» Огромнѣйшимъ количествомъ лживыхъ доводовъ (2958 пунктовъ) авторъ этаго сочиненія Янъ Кулешъ, іезуитъ, доказываетъ непрерывность единенія восточной церкви съ западною, начиная съ отпаденія западной при патріархѣ Фотіѣ—до 1676 г. Цѣлое сочиненіе дѣлится на двѣ неравныя части. Въ первой говорится: «объ осьмомъ вселенскомъ,—константинопольскомъ четвертомъ, соборѣ, осудившемъ Фотія и оправдавшемъ патріарха св. Игнатія.» Силясь доказать, что патріархъ Фотій, а не папы, виною раздѣленія св. церкви, авторъ самыми черными красками изображаетъ личность Фотія: сравниваетъ его съ Симономъ Солавомъ и Аріемъ, называетъ угодникомъ мірской власти, мучителемъ и гонителемъ всего клира, а особенно отцевъ державшихся стороны св. Игнатія. А потому, продолжаетъ авторъ, благомыслящіе изъ грековъ, видя въ лицѣ Фотія не патріарха, а ересіарха, подъ покровительствомъ папы (Адріана II), составили осьмой вселенскій соборъ (conc. t. VIII. p. 69), и на немъ осудили еретика Фотія и его послѣдователей, а сами остались въ послушаніи римскому престолу. Это послушаніе папѣ благомыслящихъ грековъ никогда не прекращалось, не смотря на то, что послѣдователи Фотія часто брали перевѣсъ надъ греко-уніатами.

---

[1]) Отвѣтъ на 16 § возраженій объ уставѣ церковномъ стр. 323.

[2]) Сярчинскій—Obraz wieku Sigm. III. T. II. p. 147.

[3]) Ibidem.

Во второй части этаго сочиненія повѣствуется: «о началѣ схизмы и ея развитіи до нашихъ временъ на Руси, а особенно въ Московіи.» Предположивъ, что св. просвѣтитель Россіи, Владиміръ великій, и ея первые митрополиты были въ согласіи съ папою, Кулешъ утверждаетъ, что схизма Фотіева занесана въ Россію въ первый разъ 1230 г. какими то бродягами греками. Эти проповѣдники схизмы будто внушили русскому народу неповиновеніе папѣ, какъ еретику, брѣющему бороду (Арт. 2 пункта 1—7, 689, 994). За принятіе этой то схизмы Русь претерпѣла опустошеніе отъ татаръ. По перенесенію митрополичьей каѳедры изъ Кіева въ Москву, намѣстники митрополичьи, по нерадѣнію своему, допустили схизмѣ еще болѣе расшириться на Руси. За свое упорство въ схизмѣ Русь подпала подъ владычество Литвы и Польши (пункт. 1276).

Флорентинское единеніе было болѣе благодѣтельно для западной Руси, нежели для восточной. И именно не принявъ митрополита Исидора, Московія на всегда разорвала союзъ съ вселенскою римскою церковію. Съ тѣхъ поръ на Московіи нѣтъ спасенія Христова и благословенія папы (пункт. 963). Русь же западная постоянно пребывала въ флорентійской уніи, и на соборѣ брестскомъ только торжественно засвидѣтельствовала свое послушаніе римскому престолу. Со времени брестскаго собора, заступленіемъ и молитвами святыхъ покровителей государства польскаго, а особенно священомученика Іосафата Кунцевича, унія на Руси распространяется и ширится, несмотря на гоненія претерпѣваемыя уніатами отъ отщепенцевъ козаковъ и Московіи (пункт. 2676 и д). Можно ли злонамѣреннѣе искажать исторію православной русской церкви и можно ли безсовѣстнѣе смѣяться надъ легковѣріемъ и необразованностію уніатовъ, судившихъ по этому и подобнымъ сочиненіямъ объ своей уніи [1])?

Кромѣ сочиненій въ пользу уніи іезуиты часто заводили съ истинно или мнимо православными «диспуты» о догматахъ вѣры. Замѣчательнѣйшій изъ этихъ диспутовъ «разговоръ бѣ-

---

[1]) Ограничиваемся обзоромъ сочиненій въ пользу уніи болѣе значительныхъ и заключающихъ въ себѣ почти все то, что было писано противъ православія въ другихъ уніатскихъ менѣе значительныхъ брошюрахъ.

лоцерковскій всечестнаго отца Іоанникія Галятовскаго, ректора кіевскаго съ всечестнымъ ксендзомъ іезуитомъ Адріаномъ Пѣкарскимъ, придворнымъ проповѣдникомъ короля Яна Казиміра 1663 г. ноября 8 дня. «Диспутъ этотъ происходилъ въ присутствіи епископа перемышльскаго Антонія Винницкаго, Адама Желаборскаго, нареченного епископа львовскаго и Гедеона Хмѣльницкаго, призванныхъ на пиръ коронныть канцлеромъ Николаемъ Пражмовскимъ, епископомъ луцкимъ. Предметъ диспута былъ о церковной іерархіи. Возраженія Пѣкарскаго о главенствѣ папы, Галятовскій, съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ, опровергалъ церковною исторіею и истиннымъ изъясненіемъ тѣхъ мѣстъ свящ. писанія, на которыхъ думаютъ утверждать власть папы, какъ наслѣдника Петрова и намѣстника Христова [1]).

Другой подробный торжественный диспутъ предположенъ былъ 1679 г. въ Люблинѣ. На этотъ разъ все дѣло ограничилось проповѣдьми съ церковной каѳедры. Въ костелѣ, присутствовавшему здѣсь православному духовенству, проповѣдывали о необходимости и спасительности уніи; въ церкви же православной папистамъ совѣтывали, со слѣпцемъ, упоминаемымъ въ Евангеліи звать по Господу Іисусу, чтобы Онъ самъ просвѣтилъ очи ихъ разума къ познанію пути спасенія [2]). Часто же для диспута назначаемы были съ одной стороны самые искусные іезуиты, а съ другой русскіе священники, уже тайно принявшіе унію. Легко догадаться каково должно быть послѣдствіе подобнаго диспута, все устроено напередъ, роли розданы, и дѣло шло только о томъ, чтобы обаять простой народъ [3]).

Такъ то паписты умѣли премѣнить истину Божію во лжу. Но своими хитросплетенными лживыми сочиненіями и бесѣдами, они немногихъ православныхъ могли бы привлечь въ унію, еслибы не употребляли другихъ болѣе насильственныхъ мѣръ.

(*Продолженіе впредь*).

---

[1]) Въ лѣтописи Велички Т. II. стр. 57. этотъ диспутъ выписанъ изъ сочиненія Галятовскаго „Скарбница“ 1676 г. въ Новогрудкѣ.

[2]) Лѣтопись Велички Т. II. стр. 487.

[3]) Лѣтоп. львовскаго братства подъ годомъ 1694.

ХАРАКТЕРЪ

ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ ПРЕДЪ БРЕСТСКОЮ УНІЕЮ.

(Продолженіе въ приложеніе къ VI книжкѣ Вѣстника [1]).

Мы уже видѣли отчасти, на югозападѣ Руси, задатки и проявленіе особенныхъ силъ, которыя иногда выступали на защиту вѣры и церкви православной съ одной стороны—въ патронатствѣ, а съ другой—въ братствахъ. Различныя отношенія къ церкви тѣхъ и другихъ, отношенія, въ которыхъ иногда высказывалось непосредственное участіе, особенно патроновъ во внутреннемъ ходѣ дѣлъ церкви и состояніи іерархіи,—все это полагало болѣе или менѣе особенный характеръ на все внутреннее управленіе церкви,—характеръ, который, впрочемъ, еще не получилъ ни опредѣленнаго вида, ни очертанія.—Одна изъ этихъ силъ, именно: патронатство, принявъ на себя великое дѣло защиты и поддержки православія среди католицизма, не всегда отвѣчало своему высокому назначенію. Развившееся на югозападѣ Руси изъ феодальнаго права западной Европы, патронатство пользовалось и правами средневѣковыхъ феодаловъ надъ тѣми церквами и монастырями, которые были въ ихъ имѣніяхъ,—и всѣ эти права были утверждаемы польскими королями и признавались юридически [2]). Права патроновъ въ церкви были трехъ родовъ: jus donandi, jus praesentandi и jus patronandi т. е. давать церквамъ и монастырямъ, находившимся въ ихъ *поданьи*, матеріальныя средства для ихъ обезпеченія; имѣть право избирать священниковъ и начальниковъ монастырей, покровительствовать принадлежавшимъ имъ церквамъ и монастырямъ и охранять ихъ [3]). Эти права были довольно широки,

---

[1]). По причинамъ, не зависѣвшимъ отъ Редакціи, продолженіе это не было своевременно напечатано. Ред.

[2]) А. З. Р. т. 1. №№ 118. 140. 141.

[3]) ibid. №№ 72, 84, 86, 174, 209, 211, 217, 224 и проч.

но литовско-русская православная аристократія, какъ мы уже видѣли изъ предыдущихъ изслѣдованій, пользовалась этими правами едвали не также, какъ польская шляхта своею свободою въ Рѣчи Посполитой. Не примыкая къ іерархической власти непосредственно глубокимъ и живымъ сочувствіемъ всѣмъ нуждамъ—и интересамъ—церкви,—большая половина патроновъ—аристократовъ относилась къ состоянію церкви и ея іерархіи какъ-то оффиціально и небрежно—въ ихъ дѣятельности по отношенію къ церкви какъ будто бы небыло общихъ, родныхъ имъ интересовъ и одной опредѣленной цѣли, которая бы связывала ихъ всѣхъ въ одно братское общество съ іерархическою властію, такъ что въ половинѣ XVI в. дворянство, а особенно литовско-русское, совершенно забываетъ свои права и власть по отношенію къ духовенству и іерархіи церкви. Вслѣдствіе этого высшіе пастыри церкви живутъ себѣ здѣсь по своему и получаютъ епископскія каѳедры по желанію короля и тайнымъ интригамъ іезуитовъ; народъ забытъ и закинутъ всѣми и безнаказанно коснѣетъ въ невѣжествѣ и всевозможныхъ порокахъ, а патроны заняты своими интересами и примкнули къ общей жизни современной имъ, аристократической Польши.

Чтоже братства?.. При ихъ узкихъ правахъ по отношенію къ дѣламъ церкви, невозможно было теперь ничего особеннаго ожидать и требовать отъ нихъ. Ихъ дѣятельность по отношенію къ церкви была не болѣе какъ только внѣшняя и притомъ не простиралась далѣе монастыря или той церкви, которая находилась въ ихъ вѣдѣніи. Такое вліяніе на церковную администрацію, какъ оно выступило въ братствѣ полоцкомъ, было исключительнымъ и едвали не единственнымъ явленіемъ; а между тѣмъ въ половинѣ XVI вѣка чувствовалась вопіющая нужда въ особенно сильной помощи, чтобы съ одной стороны защитить права церкви отъ насилій латинскаго духовенства и польскаго правительства, которое уже начинало пропитываться идеями іезуитизма, а съ другой стороны—исправить тѣ внутренніе недостатки церкви, которыми такъ обогатилась высшая представительная власть іерархіи, вслѣдствіе небрежности и невниманія къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ. Мрачное и безотрадное внутреннее состояніе югозападной церкви, которое такъ ясно и опредѣленно очертило львовское дворянство въ своей грамотѣ, какъ бы само напрашивалось на новый лучшій порядокъ. Но

чтобы его возстановить и поднять, для этого нужно было новое съ свѣжими и крѣпкими силами общество, для котораго дѣйствительно дорого бы было православіе. Такимъ обществомъ въ югозападной церкви и было именно братство съ своимъ общиннымъ бытомъ, какъ мы уже видѣли, развившимся въ немъ цеховымъ устройствомъ и окрѣпшимъ, благодаря магдебургскому праву. Братство, состоявшее изъ городскаго мѣщанства, должно было сильнѣе и безкорыстнѣе поддерживать права своей вѣры и церкви, чѣмъ аристократія; потому-что братство съ православіемъ тѣсно соединяло и свою народность и тѣ права самостоятельности гражданской жизни, которыя отнимались у него польскимъ правительствомъ.

Когда бѣдствія церкви усилились и упадокъ нравственнаго значенія и власти пастырской сталъ уже очевиднымъ для всѣхъ, а католичество безбоязненно начало захватывать въ свои руки власть церкви и ея достояніе; тогда церковныя братства увидѣли и сознали, что на нихъ главнымъ образомъ лежитъ теперь обязанность заботиться не о внѣшнемъ только благолѣпіи церкви, но поддержать, возвысить ея внутреннюю власть и нравственное вліяніе пастырей на народъ и защитить дорогое для нихъ православіе отъ покушеній іезуитизма и католичества.— Нѣкоторые пастыри церкви уже видимо пренебрегли истиною православія и у однихъ изъ нихъ нравственныя требованія до того притупились, что они уже не сознавали высокаго значенія истинъ вѣры для жизни, а другіе утратили даже надлежащее понятіе о тѣхъ истинахъ, которымъ они служили, какъ представители народной нравственности и его учители [1]). Когда вся нравственная жизнь народа дала знать объ этихъ сторонахъ церкви, когда враги православія—католики—предложили свои услуги исправить эти недостатки прививкою къ церкви православной своихъ началъ,—тогда братства выступили, какъ представительная сила народная: они почуяли въ себѣ теперь достаточно нравственной силы и характера для того, чтобы сдѣлать что нибудь лучшее для своей церкви. Но для проявленія этой силы нужно было законное право. Гдѣ его взять?—Имъ надобно было указать на недостатки не одного какого-нибудь пасты-

---

[1]). А. Р. Р. т. III. № 146.

ря, но большинства ихъ и заняться исправленіемъ и возвышеніемъ нравственности всего народа.

Греческая церковь въ это время оказала величайшія услуги югозападной церкви и подала ей самую благопріятную помощь, возвышеніемъ и освященіемъ власти братствъ въ управленіи церковномъ; она не отказала теперь требованіямъ народнымъ, понявъ какъ нельзя глубже, что именно нужно было въ это время для югозападной церкви. То, что сдѣлано было теперь для ней греческими патріархами, этимъ, если можно такъ сказать, патріархи искупили и загладили всю прежнюю свою небрежность по отношенію къ той церкви, которая находилась въ подчиненіи имъ и которую они какъ бы совершенно уже забыли. Львовское братство еще въ первой половинѣ XVI в. пользовалось извѣстностію и обращало на себя вниманіе знаменитыхъ людей этого времени, каковы были: Александръ господарь молдавскій и князь Константинъ Острожскій. Господарь молдавскій, въ своемъ письмѣ къ львовскому братству, называетъ его «своими пріятелями и поборниками церкви» [1]). Константинъ Острожскій, при возникшихъ безпорядкахъ и смутахъ въ галицко-русской цркви, принимаетъ львовское братство, въ 1585 г., подъ свое непосредственное покровительство и дѣлается его патрономъ [2]).

Покровительство и вниманіе, оказанное братству великими поборниками православія, должно было возвысить значеніе его въ глазахъ народа и послужить началомъ той великой власти братства и того высокаго назначенія въ церкви, которое оно скоро получило при посредствѣ греческихъ іерарховъ.

Въ 1586 г., патріархъ антіохійскій Іоакимъ, прибывъ въ Галицію для собранія милостыни на поддержаніе православныхъ храмовъ и угнетеннаго духовенства въ Сиріи, занялся въ тоже время въ Львовѣ, по порученію константинопольскаго патріарха Іереміи II, устройствомъ греко-славянской школы и типографіи. Окружнымъ посланіемъ онъ пригласилъ всѣхъ литовско-русскихъ сановниковъ, мірянъ и духовенство къ посильнымъ приношеніямъ, чтобы львовскому братству дать возможность устроить для школы церковь, домъ и госпиталь. Эта школа устрояется съ

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1849 г. Апр. стр. 10.
[1]) Тамъ же стр. 14.

тѣмъ, чтобы, какъ выражается Іоакимъ, научить дѣтей христіанскихъ святому писанію греческому и славянскому, «да не будетъ родъ ихъ христіанскій безсловесенъ не наученія ради; потому-что незнаніе и непониманіе закона Божія породило у нихъ упадокъ нравственности и ослабленіе въ вѣрѣ [1])». Главный надзоръ и попеченіе за народною школою поручается львовскому братству, чтобы оно наблюдало какъ за направленіемъ школы, такъ и за тѣмъ, чтобы дидаскалы (учители) были люди ученые и добродѣтельные.

И такъ самое главное—иниціатива народно-религіознаго образованія—была въ рукахъ представителей народной силы—у братства!.. Это-то придало смѣлости братству просить патріарха Іоакима дать ему лучшее и правильное устройство, съ болѣе широкимъ значеніемъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности народной, чѣмъ это было до сего времени и для своего руководства оно предложило патріарху, начертанный еще прежде, уставъ братства. Іоакимъ благословляетъ это общество, проникнутое одними желаніями, мыслями и стремленіями и утверждаетъ своею грамотою предложенныя ему правила братскаго благочинія, изъ коихъ нѣкоторыя существовали уже прежде. Вотъ правила, въ которыхъ показано внутреннее устройство братства и опредѣлена его дѣятельность въ кругѣ только братской общины: 1). Въ извѣстный день братчики должны сходиться въ избранный домъ съ любовію и миромъ, отдавая другъ другу должную честь и творя доброе дѣло предъ Богомъ и людьми. 2). Братство должно сходиться чрезъ каждые четыре недѣли и каждый братчикъ долженъ при этомъ приносить съ собою полгроша въ братскую скринку. Собранія эти могутъ быть и скорѣе, если вызовутъ къ тому обстоятельства; собираются же *по знамени братскому*, которое посылается къ нимъ; 3). Въ общество братское можетъ вступать всякій кто бы онъ нибылъ: мѣщанинъ или шляхтичь, или предмѣщанинъ или изъ посполитыхъ людей какъ изъ того, такъ и изъ другаго города, лишь бы только на первый разъ внесъ *вступнаго* шесть грошей. 4). Братчикъ, живущій далеко отъ братства, долженъ давать разъ въ годъ по шести грошей. 5). Каждый годъ братство общимъ голосомъ избираетъ изъ среды себя четырехъ старшинъ.

---

[1]). А, З. Р. т. III. № 157.

6). Кружка братская находится въ рукахъ старшаго, а ключь отъ ней у меньшаго изъ братчиковъ. Счетъ суммы производится однажды въ годъ старшими братчиками предъ всѣми. 7). Избираемый на старшинство не долженъ противиться этому безъ уважительной причины, иначе долженъ дать три безмѣна воску. 8). Если братъ брата обидитъ словомъ въ собраніи братскомъ, то долженъ быть наказанъ сидѣніемъ на колокольнѣ, дать камень воску и здѣсь же, предъ братствомъ, испросить прощеніе у оскорбленнаго брата и всего братства. 9). Въ собраніи братчики должны вести себя чинно и благопристойно, чтобы ни изъ чьихъ устъ неисходило гнилое слово, а за произнесеніе всякаго корчемнаго слова платить фунтъ воску. 10). Окончивъ въ засѣданіи всѣ дѣла, братья должны читать священныя книги и благочинно разговаривать другъ съ другомъ 11). Если братъ узнаетъ о проступкѣ другаго брата, то не долженъ его скрывать, но объявить въ собраніи братскомъ, чтобы виновный былъ наказанъ; утаившій подвергается наказанію по приговору братскому. 12). Если провинится старшій въ чемъ нибудь, ему назначается наказаніе въ трое больше, чѣмъ меньшему: «большего бо томленія достоинъ чести ради». 13). Кто не можетъ отдать братской пени, долженъ поставить двоихъ братьевъ поруками до слѣдующаго засѣданія. 14). Какъ въ сужденіи брата, такъ и въ обсужденіи какого-нибудь вопроса принимаютъ участіе всѣ какъ старшіе, такъ и младшіе; когда всѣ младшіе выскажутъ свои мнѣнія, тогда высказываютъ старшіе. 15). Если братъ имѣетъ какое нибудь дѣло и не умѣетъ вести его самъ, ему вольно взять двоихъ братьевъ на совѣтъ и на помощь. Дѣла братскія не должны быть выносимы за порогъ братскаго дома, уличенный въ разглашеніи, по засвидѣтельствованіи двоихъ, наказывается сидѣніемъ на колокольнѣ и безмѣномъ воску; 17). Кто презритъ церковнымъ братскимъ судомъ, тотъ судится какъ преслушникъ церкви, а если кто въ четыре недѣли не покается, такого, по христову евангелію, какъ явнаго грѣшника, отлучать отъ церкви. Священникъ, обличивъ его предъ всѣми—отлучаетъ. 18). Если кого священникъ отлучивъ помимо суда братскаго, такого священника епископъ не долженъ благословлять до тѣхъ поръ, пока онъ не примирится съ братствомъ; 19). Всякаго брата безчинно живущаго, отрицаться да посрамится, но имѣть его не

какъ врага, а наказывать какъ брата. Если же какой-либо братъ будетъ уличенъ въ блудѣ, лихоимствѣ или пьянствѣ, или воровствѣ, съ таковымъ *ниже ясти: всякая неугодна мнѣ, истребите я отъ себѣ*, говоритъ Господь. *Священниковъ скверныхъ, порочныхъ и законопреступныхъ*, всячески отрицаться. 20). Если занеможетъ братъ, неимѣющій состоянія, братья помогаютъ ему братскими деньгами и ходятъ за нимъ во время болѣзни; 21). Братъ, которому помогаютъ братскими деньгами въ несчастіи, не платитъ роста. Давать въ займы только дѣйствительно находящимся въ большой нуждѣ, а не тѣмъ, которые занимаютъ для какого нибудь выгоднаго предпріятія, чтобы обогатиться; Богатство церковнаго братства—нищихъ богатство; на него должны быть содержимы вдовы, дѣвицы безпомощныя, пострадавшіе отъ пожара и потопа, находящіеся въ голодѣ; 22). Тѣло умершаго брата провожаютъ со свѣчами всѣ братья на погребеніе въ приходскую церковь. 23). Если кто изъ братій не явится въ засѣданіе или на погребеніе по важнымъ причинамъ, тотъ долженъ дать знать объ этомъ старшему брату; если окажется что не было никакихъ препятствій,—платитъ фунтъ воску; 24). Каждый братъ долженъ вписать въ *поминальную книжку* имя своего отца, матери и всѣхъ сродниковъ умершихъ, а священникъ успенской братской церкви долженъ поминать за заутренею и вечернею въ дни *поминальные* и въ великій постъ по уставу церковному; 25). За все братство ежегодно должно быть двѣ литургіи: заздравная и заупокойная, при чемъ раздается милостыня бѣднымъ [1]). Эти правила касались не болѣе, какъ только внутренняго благоустройства самаго братства, которое существовало у нихъ еще прежде. Но общество братское, достаточно уже окрѣпшее въ своихъ нравственныхъ силахъ, упросило патріарха Іоакима, дать ему право обличать живущихъ не по закону Божію какъ міранъ, такъ равно и священниковъ, не исключая даже и своего епископа и искоренять всякое безчиніе въ церквахъ окольныхъ. Патріархъ Іоакимъ кромѣ этого устава даетъ львовскому братству новую грамоту, которою опредѣляется ихъ новая дѣятельность и дается имъ болѣе широкое

[1]). Чинъ правосл. льв. братства, преподаннаго Берестейскому братству.

значеніе въ церковной администраціи. Въ этой новой грамотѣ защищались его права отъ насилій и притѣсненій епископской власти.

Права львовскаго братства, которыми опредѣлялось ихъ новое высшее значеніе въ церковно-административномъ отношеніи были слѣдующія: 1). Они должны творить судъ истинный-ублажать добрыхъ; непокаряющихся истинѣ законно обличать и наказывать, а пребывающихъ въ нераскаяніи отлучать отъ церкви. Если братство отлучитъ брата отъ церкви чрезъ своего священника, то протопопы и епископъ не должны благословлять его до тѣхъ поръ, пока не покорится братству. 2). Судить кого нибудь изъ братьевъ консисторія епископская могла только въ присутствіи братскаго депутата. Если же кто изъ братства будетъ обвиненъ предъ епископомъ, то онъ не защищается одинъ предъ нимъ; съ нимъ должно стать на судъ братство. Чтобы не было злоупотребленій со стороны епископскаго суда; братья, при епископѣ должны изслѣдовать обстоятельства обвиненія и судиться по правиламъ св. Отецъ. 3). Львовскому братству дается первенство законнаго старѣйшинства и ему ни кто не долженъ противиться и всѣ прочія братства должны повиноваться ему. 4). Если братство услышитъ или увидитъ, что при какой-нибудь мѣстной церкви, во Львовѣ, или въ иномъ какомъ-либо братствѣ, живутъ не по закону, мірскіе ли то или духовные, протопопъ или попъ, діаконъ или причетникъ; то оно должно напомнить имъ объ этомъ словесно или письменно чрезъ посланіе. Если же тѣ станутъ противиться истинѣ, содержащейся въ законѣ,—донести объ нихъ епископу. 5). Если братство услышитъ или узнаетъ, что и въ другихъ мѣстахъ въ окрестныхъ городахъ и селахъ есть безчинствующіе священники или мірскіе люди; то таковыхъ оно должно христіански наставить посланіемъ и требовать отъ нихъ отвѣта. Если же тѣ окажутся непокорными и несмиряющимися; то донести объ нихъ епископу. 6). Всякое братство въ своемъ городѣ и въ окольныхъ мѣстахъ и селахъ обязано знать поведеніе поповъ и мірскихъ людей и о всякомъ безчиніи ихъ доносить епископу. 7). Если бы кому нибудь изъ братства случилось видѣть священника въ корчмѣ,—то о таковомъ, по засвидѣтельствованіи его поступка двумя свидѣтелями изъ христіанъ православныхъ, донести епископу. 8). Епископъ не дол-

женъ былъ противорѣчить общему суду братскому и священника, котораго братство признало общимъ судомъ недостойнымъ своего сана, епископъ не долженъ благословлять. 9). Львовскому братству, на равнѣ съ епископомъ, всѣ христіане должны доносить о лицахъ мірскихъ и духовныхъ, занимающихся или вѣрующихъ волшебству, чтобы таковыхъ отлучать отъ церкви: *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* 10). Если епископъ будетъ идти противъ закона истины и будетъ управлять церковью не поправиламъ св. Апостолъ и св. Отецъ, совращая праведныхъ въ неправду и поддерживая беззаконниковъ—*таковому епископу да противятся вси, какъ врагу истины*. 11). Этимъ правамъ братства не долженъ былъ противиться епископъ и непротивопоставлять ему какихъ-либо правъ....... Если бы кто воспротивился и нарушилъ это духовное право: архіепископъ или епископъ протопопъ или попъ, діаконъ или причетникъ церковный, изъ князей или простыхъ людей,—такой предается проклятію четырехъ вселенскихъ патріарховъ и клятвѣ св. Богоносныхъ отцевъ семи вселенскихъ соборовъ [1]). Вотъ тѣ главныя основанія, на которыхъ будетъ созидаться впослѣдствіи времени высокій характеръ народнаго управленія на всемъ пространствѣ югозападной и западной Руси,—характеръ, который, чѣмъ далѣе и далѣе, тѣмъ болѣе и сильнѣе будетъ расширяться и укрѣпляться отъ различнаго столкновенія братствъ съ высшими духовными представителями церкви и польско-католическимъ правительствомъ!

Но это братство, прежде чѣмъ выступило на дорогу своей широкой и полезной дѣятельности для церкви, встрѣтило протестъ противъ своей власти, которой оно не успѣло высказать еще даже на половину. Какъ первое и мѣстное явленіе народнаго участія въ дѣлахъ церковнаго управленія съ независимою властію отъ мѣстнаго епископа, львовское братство съ этимъ характеромъ было встрѣчено неблагопріятно мѣстнымъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и должно было вступить съ

---

[1]). Мы нисколько не раздѣляемъ съ кѣмъ бы то ни было убѣжденій на счетъ законности этихъ постановленій. Онѣ противны каноническимъ постановленіямъ православной церкви и вымолены были у чужаго патріарха, пріѣхавшаго за милостынею сильнымъ и богатымъ братствомъ. Редак.

нимъ въ продолжительную борьбу. Эта борьба Гедеона съ братствомъ, не говоря о нѣкоторыхъ неотрадныхъ ея послѣдствіяхъ для православной церкви, въ тоже время принесла много пользы братству въ нравственномъ отношеніи. Она сильнѣе скрѣпила членовъ львовскаго братства между собою въ одно цѣлое, укрѣпила его силы, выяснила высокое назначеніе его въ церкви, заставила пріискать и задуматься надъ болѣе дѣйствительными средствами какъ для этой, такъ и для борьбы послѣдующаго времени съ своими представителями церкви, которые, въ лицѣ Гедеона, лучшаго еще въ то время пастыря, выступили предъ братствомъ со всѣми оттѣнками своей закулисной жизни, а наконецъ, главнѣе всего—эта борьба подняла значеніе братства и показала его силу въ церкви всему югозападному народу. Быть можетъ до этого времени народъ еще многаго незналъ изъ того, что было въ его пастыряхъ, но теперь, когда Гедеонъ, во время своей борьбы съ братствомъ, сталъ обвинять его во многихъ небывалыхъ поступкахъ и уличать въ невѣжествѣ,—братство, чтобы доказать чьи стремленія и намѣренія выше и нравственнѣе—его или епископа Гедеона, должно было добросовѣстно сопоставить себя съ нимъ при общемъ обсужденіи всѣмъ обществомъ братскимъ и взглянуть въ тоже время на нравственное состояніе всего духовенства югозападной церкви. Въ этой продолжительной борьбѣ высказался твердый и высокій характеръ братства; въ ней видѣнъ тотъ духъ народа, который, если разъ разочаруется въ комъ нибудь, а особенно въ томъ, кого онъ прежде уважалъ и любилъ, если кто разъ нанесетъ ему глубокое и незаслуженное оскорбленіе,—онъ его не скоро забудетъ и ему бываетъ очень трудно помириться съ подобнаго рода лицемъ. Мы далеки отъ того, чтобы обвинять львовское братство въ его горячности по отношенію къ своему епископу уже потому, что оно защищало святыя и безкорыстныя свои права и отстаивало такія стремленія, которыя слишкомъ были рѣдки въ это время, а Гедеонъ Балабанъ, до извѣстной поры, не всегда былъ чистъ въ своихъ намѣреніяхъ —Но посмотримъ хоть отчасти на эту борьбу: это для насъ не будетъ излишнимъ. Мы увидимъ здѣсь съ какимъ характеромъ постепенно выступала сила братства и выяснялось его [1]) значеніе по отно-

---

[1]). Насильственное.

шенію къ іерархической власти церкви, среди непріязненнаго для православія польскаго католицизма и какъ это въ послѣдствіи времени вызвало братство къ болѣе широкой дѣятельности въ церковномъ управленіи.

Гедеонъ, получивъ епископскую каѳедру по наслѣдству отъ своего отца Арсенія, думалъ, что онъ имѣетъ гораздо больше права, чѣмъ другіе епископы этого времени, смотрѣть на свою каѳедру, какъ на неотъемлемую собственность и вслѣдствіе этого его епископская власть должна быть неприкосновенною. Кромѣ того, какъ человѣкъ еще молодой, горячій, честолюбивый [1]) и на столько же разбирающій законность и святость средствъ для достиженія своихъ цѣлей, какъ и прочіе въ то время епископы, примыкавшіе къ категоріи Терлецкихъ и Поцѣевъ, возсталъ противъ братства со всею силою жестокости своей пастырской власти за то, что оно во всемъ подчинилось патріарху константинопольскому и слѣдовало его только распоряженіямъ, въ силу грамоты, данной ему патріархомъ Іоакимомъ. Гедеонъ не любилъ никакого раздѣленія власти и если она хотя ускользала изъ его рукъ и ослаблялось ея значеніе вмѣшательствомъ другихъ,—онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ, даже истиною своихъ убѣжденій, лишь бы только восторжествовать надъ другими. Съ такимъ точно характеромъ выступаетъ теперь предъ нами львовскій епископъ отъ начала почти до самаго конца своей продолжительной борьбы съ львовскимъ онуфріевскимъ братствомъ, начавшейся изъ-заличныхъ интерессовъ перваго. Потеря власти надъ онуфріевскимъ монастыремъ, который былъ предметомъ исканія многихъ по своимъ выгодамъ и богатству, потеря эта, говоримъ, была слишкомъ чувствительна для Гедеона, и какъ только братство прямо заявило независимость и самостоятельность своего голоса,—Гедеонъ отнесся къ нему совершенно иначе, чѣмъ это было прежде.

Въ 1586 г. патріархъ антіохійскій Іоакимъ, именемъ цареградскаго патріарха издалъ окружное посланіе, которымъ, предписывая православнымъ жить по правиламъ церковнымъ, осудилъ нѣкоторые обряды, принятыя въ русскихъ церквахъ, но не существовавшія на Востокѣ [2]), какъ то: освященіе въ свѣтлый

---

[1]). Лѣт. львов. бр. Ж. М. Н. Пр. 1849 м. Апрѣль ст. 19.
[2]). ibid. стр. 16.

праздникъ пасхи. яствъ и другіе. Гедеонъ, несмотря на это посланіе патріарха, поддерживалъ старые обычаи и несоглашавшихся съ нимъ львовскихъ мѣщанъ предалъ анаѳемѣ. Мы еще прежде сказали, какъ народъ—относился къ константинопольскому патріарху и какое значеніе имѣлъ для него голосъ съ Востока. Своею анаѳемою Гедеонъ окончательно разорвалъ всякую связь съ братствомъ и народомъ. Братство, глубоко уважавшее голосъ патріарха, неустрашилось анаѳемы своего епископа и считало себя неподлежащимъ власти его, за что вторично предано было имъ анаѳемѣ [1]). Несогласіе въ обрядахъ церковныхъ еще болѣе усилило несогласіе и раздоръ между Гедеономъ и братствомъ, когда первый началъ заявлять свои права на подчиненность ему онуфріевскаго монастыря и на принадлежащую ему типографію, какъ на свою собственность.

Въ томъ же 1586 г. чтобы прикрыть незаконность своихъ притязаній на доходы братской типографіи, Гедеонъ, окружнымъ посланіемъ, объявляетъ духовенству, будтобы онъ участвовалъ въ выкупѣ типографіи, которая была заложена у еврея, а между тѣмъ она выкуплена была собственными средствами братства. Требованіе себѣ подчиненности онуфріевскаго монастыря, было также незаконно состороны Гедеона. Его отецъ Арсеній отказался отъ подчиненности ему монастыря св. Онуфрія, а Гедеонъ, чтобы снова завладѣть имъ прибѣгаетъ къ самымъ энергичнымъ средствамъ: онъ уговаривалъ настоятеля уніовскаго монастыря и бѣглаго монаха Ѳеодосія Терлецкаго внести въ львовскія земскія книги, будто они, отъ имени всей братіи, передаютъ право львовскому епископу надъ Онуфріевскимъ монастыремъ. Послѣ этого, при помощи своихъ родственниковъ, онъ думалъ завладѣть имъ силою оружія, какъ это дѣлали другіе въ это время магнаты—епископы, съ шайкою разбойниковъ нападавшія на сосѣднія имѣнія и монастыри. Братство, частію само отражало нападенія своего епископа, частію жаловалось на него высшимъ своимъ духовнымъ властямъ. Но Гедеонъ, несмотря на всѣ запрещенія патріарха и митрополита–прекратить несогласіе и споры съ братствомъ, продолжалъ дѣйствовать противъ него въ томъ же самомъ духѣ, въ какомъ началъ. Такое отношеніе Гедеона къ Львовскому

[1]) Лѣт. Львов. бр. Ж. М. Н. Пр- 1849 Апр. стр. 16.

братству, въ которомъ высказывалось столько неуваженія и презрѣнія къ патріарху, какъ высшему своему пастырю, стало извѣстнымъ патріарху Іереміи. Іеремія, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ на сторонѣ братства и въ 1587 г. написалъ Гедеону: «мы судили, истинно испытали и нашли въ тебѣ убій«цу и ненавистника добру; не смѣй ничего говорить противъ «львовскаго братства, на которомъ Богъ почиваетъ и славится. «Если мы услышимъ, что ты имъ возбраняешь дѣла благія, «то будешь отлученъ, а потомъ подвергнешься и другому цер«ковному наказанію.» Это посланіе патріарха еще болѣе ожесточило Гедеона противъ братства и самаго патріарха. Мысль іезуитовъ о введеніи уніи въ юго-западную православную церковь, была принята Гедеономъ какъ единственное средство избавиться отъ вреднаго, какъ онъ думалъ въ это время, вмѣшательства мірянъ въ дѣла церкви [1]). Сближеніе его съ такимъ епископомъ каковъ былъ въ то время во Львовѣ—Янъ Сумековскій, родило въ немъ желаніе принять унію въ 1588 г. Послѣ этого, отношенія его къ братству стали еще недружелюбнѣе [2]).

Въ 1588 г. онъ наложилъ запрещеніе богослуженія на братскихъ священниковъ и совершеніе христіанскихъ требъ для львовскихъ мѣщанъ. Желая показать, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на данныя патріархомъ права братской об-

---

[1]) Въ тайномъ соглашеніи Гедеона на унію не было искренности убѣжденія, а сдѣлано это было имъ въ пылу своей горячности, это можно видѣть изъ того, что говоритъ о немъ уже послѣ того Ипатій Поцѣй. („Это могъ бы подтвердить и бискупъ львовскій—Янъ Сумековскій. Къ нему пріѣзжалъ тогда съ плачемъ припадая къ ногамъ, онъ умолялъ бискупа снять съ него зависимость отъ восточныхъ патріарховъ и принять въ послушаніе папѣ (Suppl. ad hist. B. m. p. 474).“

[2]) Кто не видитъ, что къ этой измѣнѣ подвинуло Гедеона: заискиванія у восточныхъ патріарховъ и незаконныя притязанія львовскаго братства и не нормальныя отношенія и грубый тонъ патріарховъ, объясняемый только востаніемъ паствы противъ своего архипастыря. Ред.

щинѣ, онъ, самовольно, безъ ихъ согласія посылаетъ имъ своего священника. Такое презрѣніе епископа къ правамъ братства, которыя оно считало [1]) священными, въ такую привело его ярость, что оно сбросило, присланнаго къ нимъ священника съ церковной каѳедры. Кажется этого достаточно было Гедеону, чтобы понять кто таковы были люди, съ которыми завязалось у него дѣло. Но Гедеонъ, въ пылу своей страсти, не могъ и не хотѣлъ присмотрѣться и понять духа народнаго, котораго насиліе и деспотизмъ (?) только раздражали, (?) а не успокаивали; онъ не хотѣлъ видѣть на сколько въ этихъ поступкахъ братства высказалось сознанія развитой свободы личности (?) и принадлежавшихъ имъ правъ (?) Послѣ этаго гнѣвъ и досада Гедеона на братство еще болѣе усилились, и онъ простеръ свою месть даже на мѣщанъ ближайшихъ городовъ, которые вошли въ составъ братствъ, какъ то: Рогатинъ, Голотуры, Гродекъ. Онъ билъ львовскихъ мѣщанъ за то, что они приняли уставъ львовскаго братства, предалъ проклятію ихъ школы и запретилъ учить имъ народъ въ львовскихъ школахъ, на томъ основаніи, что имъ, «какъ людямъ простымъ, науки не нужны,» на что между прочимъ мѣщане ему гордо отвѣчали: «что св. Павелъ повелѣваетъ учиться.» Вслѣдствіе такихъ отношеній Гедеона къ братству, оно не могло не смотрѣть на него, какъ на своего врага, какимъ было въ это время для него латинское духовенство [2]).

Братство увидѣло, что помириться ему теперь съ своимъ епископомъ трудно послѣ того, когда онъ съ жестокостью началъ возставать противъ самыхъ священныхъ и нравственныхъ стремленій народа. Привязанность его къ патріарху стала теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде; отъ него одного только брат-

---

[1]) Напрасно! Редак.

[2]) Въ 1601 г. онъ уже въ санѣ уніатскаго митрополита писалъ о непреклонности Гедеона на унію слѣдующее: не удивительно, что владыка львовскій отступился теперь отъ уніи, потому что и прежде онъ изъявилъ желаніе уніи non sincero corde, а только изъ личныхъ выгодъ: „крѣпко гнѣвались на него восточные патріархи за споры съ львовскимъ братствомъ.“

ство ожидало действительной помощи и защиты,—отъ новаго освященія, утвержденія и расширенія патріархомъ его правъ, въ церковномъ управленіи, и болѣе точнаго разграниченія его власти отъ власти его іерарховъ, по отношенію къ дѣламъ церкви.

Междоусобія въ галицкой церкви и видимыя безпорядки во всей галицко-русской церкви побудили Константина Острожскаго, какъ главнаго защитника православія и патрона львовскаго братства, обратиться съ просьбою къ константинопольскому патріарху Іереміи II, чтобы онъ прибылъ на юго западъ Руси, для исправленія развившихся въ церкви недостатковъ [1]). Въ 1589, г. Іеремія прибылъ въ Литву на возвратномъ пути изъ Москвы, гдѣ онъ далъ свое согласіе и благословеніе на учрежденіе патріаршества. Но Константинъ Острожскій видѣлъ, что дѣятельность патріарха въ юго-западной церкви безъ уполномочія королевской власти, не достигнетъ своей цѣли. Высшіе іерархи церкви уже слишкомъ далеко зашли, чтобы послушаться одного голоса патріарха и отнестись съ уваженіемъ къ его распоряженіямъ, а съ другой стороны іезуиты, которые такъ усердно работали въ юго-западной церкви къ усиленію внутренней ея безурядицы, должны были теперь стараться всѣми силами воспрепятствовать добрымъ намѣреніямъ и дѣятельности патріарха ко благу православной юго-западной церкви. А потому Острожскій обращается съ просьбою къ королю Сигизмунду III уполномочить дѣятельность патріарха грамотою. Король своею грамотою даетъ патріарху право дѣйствовать со всею свободою своей духовной власти въ исправленіи возникшихъ безпорядковъ во всей юго-западной церкви [2]).

Іеремія обезпеченный въ своихъ правахъ внѣшнею властію и силою, дѣйствительно вступаетъ теперь во всѣ законныя права своей власти. Извѣщенный уже прежде о жалкомъ внутреннемъ состояніи церкви княземъ Острожскимъ, теперь онъ еще болѣе убѣждается въ дѣйствительности этихъ безпорядковъ новыми жалобами братства и всего народа на епископовъ и на ихъ нерадѣніе о православной церкви. Патріархъ сразу

---

[1]) А. З. Р. т. IV. № 144 перестрога зѣло потребна.

[2]) А. З. Р. т. IV. № 144. стр. 206.

сталъ на сторонѣ представителей народа—братствъ и съ особеннымъ довѣріемъ относится къ его голосу. Низложивъ митрополита Онисифора, какъ двоеженца, патріархъ на его мѣсто поставляетъ въ митрополиты минскаго архимандрита Михаила Рагозу, по представленію *пановъ и всего православнаго народа западной Россіи*. Замѣчательно, что патріархъ въ этомъ случаѣ вполнѣ признаетъ законнымъ и даже необходимымъ участіе народа и его голоса въ избраніи себѣ пастырей церкви. Не смотря на то, что Михаилъ Рагоза былъ человѣкъ ему совершенно неизвѣстный и незначительный по своему сану и хотя были лучше его, каковы напримѣръ: Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій, но патріархъ склоняется на желаніе народа. Поставляя Рагозу въ митрополиты, онъ говоритъ избравшему его народу: «если онъ достоинъ, то *по вашему глаголу* «буди достоинъ; если же не достоинъ, а вы его достойнымъ «представляете, то я чистъ,—вы узрите!»

Послѣ этого патріархъ приступилъ къ дальнѣйшей дѣятельности ко благу всей юго-западной церкви. Въ Вильнѣ онъ издаетъ окружную грамоту, въ которой говоритъ, что онъ слышалъ отъ многихъ благовѣрныхъ князей, пановъ и всего христіанства и самъ видѣлъ, что священнодѣйствуютъ двоеженцы и троеженцы не только священники, но и епископы, а потому онъ повелѣваетъ всѣхъ таковыхъ низложить. Что бы на будущее время прекратить подобнаго рода безпорядки, онъ *установляетъ обычай*, чтобы на высшія іерархическія должности постановлять однихъ только монашествующихъ; [1]) предписываетъ также произнести судъ надъ всѣми духовными лицами, виновниками въ нечистой жизни [2]) и постановляетъ непремѣннымъ правиломъ, чтобы каждый годъ были созываемы соборы въ одно опредѣленное время, для благоустройства дѣлъ церковныхъ.

Этою дѣятельностію патріарха, по видимому, какъ бы былъ уже возстановленъ прежній порядокъ въ церкви и на бу-

---

[1]) Это постановленіе даетъ право думать, что епископскія каѳедры могли по закону быть занимаемы женатыми священниками....

[2]) А. З. Р. т. IV. № 17.

дущее время положены границы имѣющимъ возникнуть безпорядкамъ—учрежденіемъ ежегодныхъ соборовъ. Но это только была одна сторона дѣятельности патріаршей, подъ руководствомъ православныхъ пановъ и всего народа,—впереди предстояло для него новое великое дѣло, которое должно было подкрѣпить и упрочить первое: это окончательное устройство братствъ по всѣмъ концамъ юго-западной церкви съ новою высшею властію, чѣмъ какою онѣ пользовались до сего времени, въ силу грамоты, данной ему патр. Іоакимомъ. По образцу львовскаго братства и съ такимъ же характеромъ, по отношенію къ іерархіи, патріархъ Іеремія II благословляетъ учредить братство въ Вильнѣ, у церкви св. троицы и дастъ ему право, какъ львовскому братству учредить у себя школу, гдѣ бы учились даромъ дѣти братскія и бѣдныя сироты—закону Божію и языкамъ: русскому, греческому, латинскому и польскому. Львовское же братство, находившееся теперь въ особенныхъ отношеніяхъ къ мѣстному епископу и въ непріятныхъ столкновеніяхъ съ католицизмомъ, къ прежнимъ своимъ правамъ, получаетъ теперь еще новыя, болѣе расширяющія его участіе въ церковномъ управленіи. Что бы избавить его отъ лишней (?) для него власти верховнаго надзора, мѣстнаго епископа, за его поведеніемъ, и освободить его отъ тѣхъ анаѳематствованій, въ которыхъ слышалась не кроткая любовь пастыря къ народу, а вѣяло отъ нихъ жестокостію средневѣковаго католицизма,—Іеремія даетъ львовскому братству право ставропигіи, т. е. непосредственной зависимости отъ себя и голосъ его рѣшеній и опредѣленій облекаетъ полною властію соборнаго, и эти права утверждаются королемъ. Одни только распоряженія патріарха имѣютъ для него силу и значеніе, отъ него только одного оно принимаетъ *всякое устройство, судъ, управленіе и власть*[1]). Отъ распоряженій, суда и власти митрополита, оно не отказывалось и подлежало ему, какъ патріаршему экзарху; но если бы онъ измѣнилъ православію, братство должно протестовать, противъ всякихъ его распоряженій, какъ не законныхъ [2]).

---

[1]) Ист. Рос. іерар. Амвр. т. II. стр. 43, пам. кіев. в. ком. т. III. грам. IX. стр. 75—77.

[2]) Жур. Н. Пр. 1848 г. Май стр. 70, 73, 74, 77—79.

Власть ставропигіальнаго львовскаго братства, какую скоро получило и братство смоленское, была властію представительныхъ членовъ общества, какъ бы отъ всей православной юго-западной церкви. Власть львовскаго братства не ограничивается теперь, какъ прежде, тѣсными предѣлами одного города или округа: братство должно было знать о всевозможныхъ безпорядкахъ, возникавшихъ на всемъ пространствѣ юго-западной церкви, о поведеніи епископовъ и ихъ планахъ, о нравственномъ состояніи монастырей, священниковъ, о жизни мірянъ и вообще о состояніи вѣры и благочестія во всемъ народѣ русскомъ [1]) и обо всемъ этомъ оно должно было доносить патріарху константинопольскому. Чтобъ этимъ братствамъ лучше и внимательнѣе можно было слѣдить за внутреннимъ состояніемъ и ходомъ дѣлъ во всей юго-западной церкви,—всѣ другія не ставропигіальныя братства и міряне должны были доносить имъ какъ о поведеніи мірянъ, такъ и о поведеніи своихъ священниковъ, [2]) а братство должно требовать, чтобы епископъ или митрополитъ невѣрующихъ или суевѣрныхъ отлучали отъ церкви. Священника братскаго избираетъ само братство и епископъ долженъ признать законнымъ это избраніе *безъ всякой отговорки и противорѣчія*; если же священникъ братскій не будетъ жить въ цѣломудріи и добродѣтели, братство имѣетъ право изгнать его отъ себя.

Но при всемъ высокомъ значеніи ставропигіальныхъ братствъ, при всѣхъ привилегіяхъ, какими они пользовались со стороны патріарха и короля, имъ не давалось права суда ни надъ священниками, діаконами и вмѣшательства въ дѣла духовныя: это было дѣло епископа мѣстнаго. Имъ давалось только право верховнаго надзора и непосредственнаго наблюденія, чтобы этотъ

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1849 г. Апр. стр. 18. Май стр. 66—67. А. З. Р. т. IV. № 33.

[2]) Подробное обозначеніе правъ, обязанностей и власти какъ ставропигіальныхъ, такъ и не ставропигіальныхъ братствъ смотри сочиненіе Флерова—„о православныхъ церковныхъ братствахъ.“

судъ и расправа производились по правиламъ свят. отецъ [1]). Этого братства, говоритъ Іеремія, ни священникъ, ни епископъ, ни князь, ни панъ, никто изъ мірскихъ и духовныхъ, не можетъ ни уничтожить его, ни даже измѣнить что либо въ немъ, потому что оно составляетъ лучшую и высшую часть церкви: *идеже суть собрани два или трое во имя мое,* говоритъ Господь, *ту и Азъ посредѣ ихъ, тѣмъ болѣе, если соберется во имя Господне тридцать или шестьдесятъ или еще больше.* Если кто возстанетъ противъ такихъ правъ братства, тотъ, какъ врагъ Божій, убійца и ненавистникъ добра, будетъ отлученъ отъ Св. живоначальныя Троицы и единаго въ сестествѣ Бога, до смерти не прощенъ будетъ и на нёмъ почиваетъ клятва 580 отцевъ Никейскихъ.

Церковное управленіе въ юго-западной церкви принимаетъ теперь характеръ общиннаго управленія. Патріархи греческіе своимъ живымъ участіемъ въ положеніи дѣлъ юго-западной церкви показали, какъ ими глубоко понято было православіе, когда дали братствамъ такое широкое значеніе власти въ церковномъ управленіи.—Этимъ они также отвѣтили, какъ нельзя полнѣе и лучше внутреннимъ требованіямъ духа народнаго, который въ своей общественной жизни всегда добивался свободы и самостоятельности въ дѣйствіяхъ. Внутренняя, глубокая порча юго-западнаго народа, борьбы его съ протестантизмомъ, и католичествомъ пробудили и вызвали теперь къ дѣятельности лучшія силы народныя въ лицѣ братствъ, силы, которыя выступали въ немъ прежде, но какъ будто бы не смѣло и то, такъ сказать, только по частямъ. Сознанная братствомъ нравственная порча народа, спасла теперь народъ и придала братству силу и крѣпость для открытія борьбы его съ католичествомъ и начинавшими уже окатоличиваться, по своей жизни и религіознымъ взглядамъ, высшими представителями юго-западной церкви. Православіе предъ брестскою уніею какъ бы очищалось отъ всего, что только приросло къ нему въ прошедшей жизни не православнаго. Теперь какъ бы вдругъ снята была съ внутрен-

---

[1]) Пам. Кiев. ком. III т. грам. V. Сколько противорѣчій въ уставѣ и правахъ подобныхъ братствъ! Ред.

няго характера церковнаго управленія та пелена, сквозь которую прежде только просвѣчивалось что-то живое, отрадное и могучее.

Въ устройствѣ братствъ съ особеннымъ характеромъ отношеній къ церковной іерархіи, греческіе патріархи высказали ту глубокую мысль православія, въ противность католичеству, что іерархія не есть что—нибудь отдѣльное отъ народа и что ея дѣятельность въ церкви и всѣ ея распоряженія, *должны быть гласными, должны*, какъ говоритъ Іеремія II, *носить на себѣ характеръ общемыслія* [1]).

Братства должны были принять участіе въ религіозно-нравственномъ образованіи народа: они, какъ представители всего юго-западнаго народа, опасаясь вліянія на православіе католицизма и распространившагося на юго-западѣ Руси протестанства,—взяли на себя иниціативу и контроль общественнаго, нравственно—религіознаго образованія. «Повелѣваемъ, говоритъ «патріархъ, не быть другой школѣ общей въ городѣ, кромѣ «одного училища братскаго и въ немъ только одномъ учить «дѣтей благочестивыхъ и православныхъ христіанъ божествен«наго и священнаго писанія, словенскаго и елинскаго языкамъ, «отыскивая для этого добродѣтельныхъ и благочестивыхъ дида«скаловъ. Если же будетъ имѣть кто дидаскала, только сво«ихъ дѣтей вольно ему будетъ учить, но не другихъ, также «всякій изъ священниковъ пусть учитъ одного или двоихъ дѣ«тей *для послуги, но не больше.*» [2]). Съ такимъ-то характеромъ выступило теперь братство во внутреннемъ управленіи церковью! Въ какомъ же отношеніи къ братству стало теперь дворянство, почти исключительно имѣвшее прежде этаго право непосредственнаго голоса въ дѣлахъ церковнаго управленія?

Патроны, особенно литовско—русскіе, не имѣвшіе до сего времени ничего общаго между собою въ своей дѣятельности

---

[1]) Отъ чего же патріархи не поставили у себя іерархіи въ такія отношенія къ народу въ дѣлахъ религіи и церковной администраціи?

[2]) Хороши правила! Ктожъ въ этой школѣ преподавалъ христіанское вѣроученіе? Ред.

по отношенію къ церкви,—теперь, при видимомъ упадкѣ народной нравственности начинають сливаться съ братствами въ одно цѣлое, заговариваютъ съ нимъ однимъ языкомъ и съ одинаковымъ жаромъ отстаиваютъ истину православія, хотя не всѣ и притомъ не на долго. Все это общество—патроны и братства—залогъ будущаго величія юго-западной церкви и народности, объединяетъ и скрѣпляетъ въ одно именемъ патрона всѣхъ братствъ, великій защитникъ православія—князь Острожскій, получившій еще прежде титло верховнаго хранителя и защитника православной церкви [1]). Народъ глубоко уважалъ этого знаменитаго мужа своего времени и смотрѣлъ на него, какъ на главный столпъ (filar) и опору западно—русской церкви [2]).

Оплотъ для защиты юго-западной православной церкви и народности, отъ чуждаго ему католичества былъ теперь самый прочный. Церковныя братства начали возникать одно за другимъ и, въ скорое время, можно сказать обвили какъ сѣтью, всю юго-западную Русь отъ одного конца ея до другаго. Развернулась теперь вся сила и мощь югозападнаго народа и онъ какъ бы выжидалъ только случая, чтобы вступить съ воскресшими силами въ борьбу, которую онъ такъ давно предвидѣлъ и ожидалъ ее.

Съ какимъ то особеннымъ уваженіемъ и вниманіемъ невольно останавливаешься предъ такимъ отраднымъ явленіемъ православной юго-западной церкви, котарая всегда находила для себя защиту въ народѣ, какъ только начинала угрожать ей опасность нарушенія цѣлости и неприкосновенности вѣчно живой истины!.. Это уваженіе и благоговѣніе становится тѣмъ сильнѣе, когда рядомъ съ такимъ явленіемъ высоконравственнымъ, въ православной церкви, въ католицизмѣ, такое безнравственное общество какъ іезуиты....

Но посмотримъ, что дѣлаетъ теперь католичество уже подъ полною защитою польскаго правительства, съ какой стороны оно подходитъ къ православной церкви, что бы наложить

---

[1]) А. З. Р. т. IV. №№ 71 и 72.

[2]) Лит. Церк. Унія Кояловича т. I. стр. 56.

на нее папскую тіару, такъ давно уже занесенную и—какое будетъ вслѣдствіе этого направленіе и развитіе изъ жизни народной, дальнѣйшаго характера общичаго управленія въ юго-западной церкви, когда вступитъ на польскій престолъ Сигизмундъ III-й, уже не изъ дому Яггелоновъ.

Д. Синицкій.

(Окончаніе напечатано въ VII кн. Вѣстника).

ОТВѢТЪ [1])

На рѣчь принца Наполеона, произнесенную 18 (6) марта (1863 г.) въ собраніи французскаго сената (по случаю прошеній, поданныхъ польскими революціонерами французской націи о помощи противъ Россіи).

Польскія волненія произвели весьма замѣтную зыбь въ умахъ и прессахъ заграничныхъ, вызвали въ разныхъ конгрегаціяхъ европейскихъ много краснорѣчивыхъ тирадъ, достойныхъ лучшаго сюжета. Писалось и говорилось, что попадетъ на умъ или лучше языкъ, писалось и говорилось и *за* Россію,—но такъ какъ у нея больше завистниковъ, нежели друзей, такъ какъ на свѣтѣ больше любителей разрушенія, нежели созиданія; то писалось и говорилось больше *противъ* Россіи. У нея явилось цѣлое полчище не прошенныхъ и никѣмъ не уполномоченныхъ судей, произнесшихъ приговоръ отвѣтчику безъ разслѣдованія дѣла, на основаніи только *голословныхъ* лжей и клеветъ задорнаго истца. Въ числѣ послѣднихъ на первомъ планѣ стоитъ извѣстный аматеръ *чужихъ* кровопролитій—принцъ Наполеонъ, выступившій 18 марта въ пользу Польши съ рѣчью, слишкомъ необдуманною и запальчивою и не для принца. Въ этой рѣчи такъ мало французской вѣжливости, такъ мало здравомыслія и хладнокровія, столь необходимыхъ для зрѣлаго обсужденія важныхъ, международныхъ вопросовъ, такъ много *полувосточной*

[1]) Нѣсколько запоздавшій, по разнымъ уважительнымъ причинамъ.

экзальтаціи, непослѣдовательности людей, отуманенныхъ страстью, толкаемыхъ впередъ предзанятою мыслію, и другихъ недостатковъ, рѣдкихъ въ словѣ обыкновеннаго даже смертнаго,—что мы не обратили бы вниманія на эту рѣчь, еслибъ она вылилась изъ устъ обыкновеннаго смертнаго, не была перепечатана во всѣхъ почти заграничныхъ прессахъ и еслибы польскіе Модзини (у которыхъ она неизмѣнно лежитъ въ карманѣ) не экзальтировали ею и себя и другихъ.

Прежде принца Наполеона говорилъ, по поводу польскихъ петицій, маркизъ де-Ларошжакленъ. Вотъ содержаніе его рѣчи: Раздѣлы Польши вызваны необходимостью,—вслѣдстіе постоянныхъ волненій и полной неспособности поляковъ къ самоуправленію. Разсмотрѣвъ трактаты 1815 г., ораторъ доказалъ, что участь Польши была предоставлена ими волѣ раздѣлившихъ ее державъ.

Обсуждая текущія событія, ораторъ доказываетъ, что Польша не лишена пригодныхъ для нея учрежденій, какъ она «кричитъ» о томъ, превозноситъ кротость и гуманность Императора Александра II, утверждаетъ, что факты, сообщенные о рекрутскомъ наборѣ въ Польшѣ преувеличены, представляетъ поляковъ людьми, которые никогда, никакой уступкой удовлетворены быть не могутъ, что Польша пользуется большими правами, нежели Россія и заключаетъ тѣмъ, что довольно видѣть людей, стоящихъ во главѣ инсуррекціи, что бы видѣть, что дѣло идетъ не о націи, а о революціонномъ движеніи.

Въ примѣненіи польскаго вопроса къ Франціи, г. де-Ларошжакленъ думаетъ, что она не можетъ вмѣшаться въ дѣло польское. Измѣненіе карты, о которой говорено прежде маркиза, не возможно даже и тогда, еслибы не грозило опасностью и предлагаетъ мудрости Императора (должно быть французскаго) сдѣлать, что онъ найдетъ нужнымъ, въ пользу Польши.

Послѣ маркиза де-Ларошжаклена взошелъ на каѳедру графъ Валевскій. Судя по его полу-польской генеалогіи, нельзя было ожидать, чтобъ онъ остался безпристрастнымъ судьею польскаго дѣла, чтобъ онъ согласился съ рѣчью своего предшественника, столь спокойною, разумною и въ высшей степени правдивою—

отъ первой буквы до послѣдней; но нельзя было ожидать и того грубаго, троекратнаго восклицанія, которымъ г. Валевскій началъ свою рѣчь и которымъ такъ напрасно восторгался его преемникъ по трибунѣ. «Это ложъ, это ложъ, это ложъ,» воскликнулъ графъ Валевскій, взойдя на каѳедру и отвѣчая на благородную рѣчь маркиза де-Ларошжаклена. Всякій порядочный человѣкъ (даже внѣ Парижа) понимаетъ, какъ нужно опровергать подобнаго рода возраженія; но маркизъ уважалъ себя, мѣсто, гдѣ онъ находился, людей его окружавшихъ,—короче—ораторъ продолжалъ, какъ началъ и заслужилъ гласную благодарность достойнаго себѣ преемника, вызвавшую единодушный ропотъ благороднаго собранія. Послѣ графа Валевскаго явился на трибунѣ принцъ Наполеонъ. Можно было предвидѣть тонъ рѣчи и принца—любителя воскресенія умершихъ національностей—включительно съ пріемами, которые въ подобномъ случаѣ употребляются; но нельзя было предвидѣть тѣхъ дикихъ диссоннансовъ, которыми она переполнена и ноты которыхъ недавно названы нами по имени.

Такъ какъ рѣчь принца есть не столько серьозное обсужденіе политическаго вопроса, сколько явленіе патологическое, такъ какъ ея экзальтація (не смотря на обѣщаніе «спокойнаго прѣнія»), отрывочность и непослѣдовательность лишаютъ насъ возможности слѣдить за ея теченіемъ, не нарушая правилъ человѣческой логики и принятаго европейскою цивилизаціей уваженія къ нѣкоторымъ лицамъ; то мы вынуждены размежевать ее по рубрикамъ, чтобы не имѣть нужды, подобно принцу Наполеону, метаться отъ предмета къ предмету, впадать въ перерывы, повторенія и проч.

1). Разсужденіе о петиціяхъ (прошеніяхъ) польскихъ революціонеровъ.

2). Мнѣніе о трактатахъ 1815 г.

3). Доказательства прежняго угнетенія Польши.

4). Причины настоящаго движенія поляковъ.

5). Характеръ этого движенія.

6). Отношенія Россіи къ Франціи.

7). Конвенція Прусіи съ Россіею.

8). Униженіе Англіи.

9). Личныя отношенія членовъ корсиканской династіи къ полякамъ.

10). Смѣсь разныхъ мнѣній и парадоксовъ о разныхъ предметахъ и мѣста патетическія.

Эта куча предметовъ пересыпана разными эпизодами, тирадами, отступленіями. Мы будемъ по возможности держаться въ этомъ лабиринтѣ той нити, которая сейчасъ навита нами.

I.

Послѣ предварительнаго, довольно нескладнаго многословія, въ которомъ главную роль играетъ я оратора, онъ разглагольствуетъ о петиціяхъ поляковъ [1]). По мнѣнію оратора съ петиціями польскихъ революціонеровъ можно было поступить троякимъ образомъ: или оставить ихъ безъ вниманія и перейдти къ очереднымъ занятіямъ, или обсудить ихъ въ сенатѣ, или предоставить рѣшеніе ихъ правительству (синонимъ Императора). Г. Бильо, какъ голосъ правительства, сенатъ, какъ голосъ представителей націи, само собою избрали первое. Въ этомъ выборѣ сказался здравый смыслъ, нормальный взглядъ на международныя отношенія и общественное мнѣніе касательно польскаго вопроса. Но принцу Наполеону какая нужда до этихъ принциповъ и нормъ политической правды! Онъ подчиняется только своему личному вкусу и не щадитъ своего негодованія на выборъ изъ указанныхъ имъ трехъ способовъ отношенія Франціи къ петиціямъ поляковъ—«перехода къ очереднымъ занятіямъ». Чтобъ избѣжать этого несчастія, принцъ не жалѣетъ никакихъ средствъ, ни какихъ пріемовъ краснорѣчія: ни подтруниванья надъ правительственнымъ ораторомъ (г. Бильо, онъ же и министръ безъ портфеля), ни обобщенья своего смысла съ «добрымъ» смысломъ, ни прямаго противорѣчія [2]), ни на-

---

[1]) Онъ много разъ толкуетъ о нихъ и послѣ; но нужно же о нихъ говорить разомъ, чтобы не имѣть нужды возвращаться на пройденную тропинку.

[2]) Въ двухъ періодахъ, стоящихъ рядомъ, принцъ говоритъ, что сочувствіе петиціямъ поляковъ нашлось бы только въ 5 членахъ сената, а далѣе,—что переходъ къ очереднымъ занятіямъ оскорбилъ бы мнѣніе значительной партіи во Франціи. Какъ будто сенаторы не представители Франціи!....

меков на безсиліе рѣшеній сената въ столкновеніи «съ обширными проэктами Императора въ рѣшеніи европейскихъ вопросовъ,» ни возведенія польскаго бунта противъ власти въ значеніе «великаго дѣла, мироваго интереса,» ни опасенія «недоумѣній и огорченій» (не знаемъ чьихъ), разлада съ общественнымъ мнѣніемъ (въ концѣ рѣчи), противорѣчія этой мѣры (перехода къ очереднымъ занятіямъ) «поведенію и намѣреніямъ Императора« и проч.

Обсужденія польскихъ петицій въ сенатѣ принцъ Наполеонъ опасался не менѣе перехода къ очереднымъ занятіямъ. Онъ былъ субъективно правъ: обѣ эти мѣры—одна мѣра, или точнѣе–первая не минуемо повела бы (какъ и случилось) къ послѣдней; такъ какъ въ обществѣ сената, состоящемъ изъ трехсотъ почти недѣлимыхъ, Принцъ съ трудомъ могъ разсчитывать на «5 голосовъ» въ пользу польскаго бунта и содѣйствія со стороны Франціи революціонному движенію поляковъ. Остается за тѣмъ вотированіе въ пользу безусловной передачи польскихъ петицій мудрому рѣшенію императора французовъ, и принцъ Наполеонъ выбивается изъ силъ, чтобъ эта передача была единодушно вотирована всѣмъ сенатомъ, безъ всякихъ съ его стороны намековъ, и притомъ какъ можно торопливѣе. Вѣроятно оратору хорошо была извѣстна мысль императора касательно движенія поляковъ, когда онъ такъ налегаетъ на послѣднюю посылку своей дилеммы.

Но, если ужь рѣшать вопросъ путемъ дилеммы, или наведенія, то нужно исчерпать всѣ возможныя посылки силлогизма, иначе силлогизмъ будетъ фальшивъ, а заключеніе ложно. А принцъ Наполеонъ и погрѣшилъ противъ этаго именно положенія здравой логики. Задавшись произвольно тремя положеніями и выбравъ изъ трехъ золъ худшее, принцъ—ораторъ не видитъ или умышленно оставляетъ въ сторонѣ двѣ самыя естественныя посылки силлогизма, самыя раціональныя мѣры касательно польскихъ петицій: возвратъ прошеній просителю съ надписью или передача ихъ тому лицу или вѣдомству, оффиціи которыхъ касается разсмотрѣніе прошенія, по своему характеру и содержанію: первая мѣра употребляется тогда, когда прошеніе незаконно составлено, вторая тогда, когда оно не туда подано, куда слѣдуетъ. Петиціи польскихъ революціонеровъ заключали въ себѣ обѣ эти примѣты неправильныхъ

прошеній, и Франція непремѣнно должна была избрать въ отношеніи къ нимъ одну изъ указанныхъ мѣръ (т. е. или возвратъ прошеній полякамъ съ надписью, или передачу ихъ на благоусмотрѣніе русскаго Императора и Его народа),—всего раціональнѣе первую съ предоставленіемъ полякамъ самимъ обратиться къ послѣдней. Не сдѣлавъ этого, Франція вышла *бы* изъ предѣловъ своей власти, приняла бы роль европейскаго судьи и нарушила коренной принципъ международныхъ отношеній и внушаемое здравымъ смысломъ правило—невмѣшательства въ дѣла чужія. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣть поляковъ, подающихъ Франціи прошенія на Россію! Нужно особенное легкомысліе, чтобы дойдти до подачи подобныхъ прошеній и рѣдкая самомнительность, чтобы принять ихъ съ серьозною миною и не бросить ихъ въ глаза просителей. Если это не странность, то въ мірѣ нѣтъ странностей; если это не странность, то Франція была бы присутственное мѣсто, въ которое должны поступать прошенія отъ всѣхъ бунтовщиковъ земнаго шара; то въ случаѣ бунта бретанцовъ, они бы должны жаловаться Китаю,—взбунтовавшіеся шотландцы—подавать прошенія Италіи, словомъ: всѣ петиціи подавали бы не туда, куда слѣдуетъ. Ни Алжиръ, ни Мексика, не подавали петицій Россіи, а если бъ и подали, Россія не стала бы и разбирать ихъ, хотя больше имѣла бы правъ на вниманіе къ этимъ петиціямъ, нежели Франція на рѣшеніе петицій поляковъ: потому что отношенія къ Франціи и Россіи Алжира прошедшія и Мексики настоящія, далеко не равносильны отношеніямъ Россіи къ Польшѣ—во всѣхъ возможныхъ фазисахъ явленія. Никакая нація не принимала и не смѣетъ принимать прошеній отъ возмутившихся противъ законной власти членовъ другаго общества, не должна принимать ихъ и Франція. И Франція поняла намѣченныя здѣсь несообразности, и не увлеклась краснорѣчіемъ принца Наполеона и, не смотря на его симпатіи, намеки, личности, патетизмъ и угрозы «перешла къ очереднымъ занятіямъ.»

2.

Хотя принцъ Наполеонъ подтруниваетъ надъ свѣдѣніями виконта де-Лагериньера о трактатахъ 1815 года, но его собст-

венныя едвали не сбивчивѣе и беднѣе—и потому уже, что имъ предпослана фраза: »я хорошо это (трактаты 1815 года) знаю«: красивая сигнатурка на бутылкѣ не всегда есть признакъ хорошаго въ ней вина. Принцъ думаетъ, что »императоръ Александръ хотѣлъ перестроить [1]) королевство польское; но разные Талейраны, Гарденберги, Кастельреи и дипломатія (?) помѣшали осуществленію его проэктовъ«. Въ этихъ не многихъ словахъ допущена невѣрность и въ основаніи, и въ результатѣ, и въ толкованіи трактатовъ 1815 г. Вотъ болѣе вѣрный дѣйствительности очеркъ характера и результатовъ Вѣнскаго конгресса 1815 года: Люди, судившіе больше умомъ, нежели сердцемъ, больше опиравшіеся на исторію и этнографію польскую, нежели на личныя влеченія и увлеченія, дѣйствительно (и весьма резонно), хотѣли зачеркнуть на картѣ »либеральную Польшу«, но великодушіе и мягкосердіе Умиротворителя Европы, отмѣнило эту казнь, и Европа составила 28 мая (9 іюня) 1815 г. для анатомированной Польши слѣдующую, единственную статью трактата: »поляки получатъ ту форму политическаго бытія, какую найдетъ полезнымъ и удобнымъ (convenable) признать за ними каждое (русское, австрійское и прусское) изъ предержащихъ правительствъ«. [2]) Не смотря на то, что нѣкоторыя предержащія правительства воспользовались (и пользуются) этимъ пунктомъ трактата, согласно его смыслу и своимъ намѣреніямъ и пользамъ націй, императоръ Александръ даровалъ Польшѣ 12 (24) декабря 1815 г. такую конституцію, автономія которой превзошла самыя дерзкія надежды поляковъ, вышла изъ намѣреній членовъ вѣнскаго конгресса, не была га-

---

[1]) Психическое основаніе великодушія Александра плохо понято и еще не удачнѣе перетолковано Принцомъ. Онъ не могъ возвыситься до тѣхъ благородныхъ движеній души великаго человѣка, которыя отстояли бытіе Польши.

[2]) Правда, въ этой статьѣ трактата брошенъ мимоходомъ намекъ на представительныя и національныя учрежденія, но слабость и сбивчивость этого намека совершенно подавляется ясностію коренной мысли статьи,—поглощеніемъ всякой автономіи Польши „въ формѣ политическаго бытія, какое найдетъ нужнымъ предержащее правительство.“

рантирована Европой и за которую поляки назвали Благословеннаго и въ историческихъ документахъ, монетахъ и на медаляхъ »воскресителемъ Польши.« Но человѣколюбивое чувство Александра I. вовлекло его въ ошибку политическую. »Польша точно воскресла и зажила такою жизнію, которой не стоила и съ которою никогда небыла знакома; но только лишь на зло себѣ и Россіи.—Всѣ суставы ея организма и внутренніе и внѣшніе—окрѣпли; паны почти безконтрольно владѣли народностію западнаго края Россіи, польская интеллигенція и религіозная пропаганда безнаказанно подавляли въ этомъ краѣ и просвѣщеніе русское и вѣру православную. Нужны были легкомысліе и неблагодарность поляковъ, чтобы, при такихъ шансахъ благополучія, при такихъ фактахъ самовластія, сочинить 1830 годъ и вызвать Императора Николая I на необходимость воспользоваться правами, узаконенными трактатомъ 1815 года и »дать Польшѣ ту форму правленія, какую онъ призналъ convenable.« И настоящее возстаніе поляковъ открылось послѣ длиннаго ряда самыхъ благодѣтельныхъ для Царства реформъ и учрежденій. Изучивъ польскую исторію, по неволѣ приходишь къ тому выводу, что гуманныя мѣры могутъ только надмѣвать фантазію поляковъ, толкать ихъ въ бездну буйства и терроризма, со всѣми ихъ деталями.

Личныя причины отвращенія принца Наполеона къ трактатамъ 1815 года для насъ весьма понятны....... Но мы не такъ не деликатны, чтобы заявлять ихъ и не такъ жестоки, чтобы возбуждать въ душѣ Принца грустныя воспоминанія. По мимо, впрочемъ, его негодованія къ этимъ трактатамъ, мы смѣло скажемъ, что ихъ сила и значеніе существуютъ и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока на смѣну вѣнскаго трактата не явится новый ***европейскій*** трактатъ противоположнаго содержанія. До тѣхъ поръ можно только бранить этотъ трактатъ, ***называть*** его »очень мертвымъ«; но доказать, что онъ дѣйствительно мертвъ, что онъ безсиленъ—невозможно. Мелкія измѣненія этого трактата вызваны были силою неотразимыхъ событій, инціативы которыхъ все-таки нужно искать, не въ Россіи, но внѣ ея, и по преимуществу въ буйствѣ и увлеченіи поляковъ, которыя не рѣдко были поддерживаемы и раздуваемы завистниками Россіи и творцами революцій. Эти измѣненія (въ Россіи ихъ не случилось, а за другихъ она

не отвѣчаетъ) получили право давности; онѣ не были совершенно запротестованы; Европа просрочила день, даже годъ (1849) апелляціи. И мало ли что приросло къ кому, мало ли что измѣнилось въ Европѣ съ 1815 г., однако Россія не перечила этимъ наростамъ, метаморфозамъ; пусть же Европа оставитъ Россію хозяиномъ хоть у себя дома!

3.

Въ доказательство давнопрошедшаго угнетенія поляковъ Россіей, принцъ Наполеонъ цитуетъ указы близкіе къ эпохѣ возмущенія поляковъ въ 1830 году и, конечно, со стоящіе съ нимъ въ тѣсной связи. Эти указы, не смотря на оговорку Принца: »для подобныхъ преступленій нѣтъ давности,« такъ ветхи, что только злость можетъ воспоминать объ нихъ и только близорукость можетъ находить въ нихъ признаки угнетенія и связь съ текущими событіями. И пусть бы эти указы хоть добросовѣстно были поставлены предъ сенатомъ: но у Принца и на это не стало либо знанія, либо охоты къ изысканію истины. Дѣло въ томъ, что цитуемыхъ принцемъ указовъ нѣтъ и небыло въ общемъ собраніи законовъ, что коекакія бумаги, похожія содержаніемъ на тѣ, которыя такъ смѣло заявляетъ Принцъ предъ сенатомъ, были писаны къ частнымъ лицамъ или нѣкоторымъ мѣстамъ, имѣли свой мѣстный исключительный колоритъ и назначеніе, были вызваны частными явленіями латино—польской пропаганды,—а главное переданы Принцу или Принцемъ въ такомъ искаженномъ видѣ, что мы не узнаемъ ихъ въ нихъ самыхъ. Коснемся хоть бѣгло каждой изъ этихъ бумагъ.

Инструкція, которою былъ снабженъ въ 1831 году фельдмаршалъ Сакенъ на счетъ наказанія политическихъ преступниковъ не есть такое исключительное явленіе, чтобы стоило имъ озабочивать Принцу и себя и дѣловую корпорацію сената французскаго.. Во время военныхъ дѣйствій, а тѣмъ болѣе въ эпоху возстанія подданныхъ противъ своей власти и закона, полномочія подобныя тому, какое даровано Сакену, даются вездѣ и всегда не только фельдмаршалу, но даже начальнику полка и отряда. И теперь эти полномочія имѣютъ не только начальники русскихъ областей, въ которыхъ возникло возстаніе польской

шляхты, генералы Назимовъ и Анненковъ, но и командиры отрядовъ дѣйствующей арміи и это никому не кажется ни жестокимъ, ни незаконнымъ. Не отвергаемъ впрочемъ того, что Императоръ Николай два или три раза усилилъ на одну степень конфирмацію Сакена; но это отъ того, что мѣстное судопроизводство или не знало, или нарочно просмотрѣло при обсужденіи виновности нѣкоторыхъ политическихъ преступниковъ, такіе факты, которые достовѣрно извѣстны были Императору и которые представляютъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ преступленіе и, слѣдовательно, примѣненіе къ нему закона.

Что касается князя Сангушки, переданная принцемъ на счетъ его легенда въ сенатѣ принадлежитъ къ роду тѣхъ, которыя ходятъ по рукамъ нѣскольких легковѣрныхъ французовъ на счетъ истязаній воображаемыхъ мученицъ, базиліанокъ минскихъ. Извѣстно, что князь Сангушко былъ разжалованъ въ солдаты, посланъ (безъ цѣпей конечно) въ кавказскую армію, гдѣ скоро отличился въ нѣсколькихъ стычкахъ съ горцами, получилъ нѣкоторые знаки отличія, офицерскій чинъ и вышелъ, по случаю глухоты, въ отставку. Вскорѣ послѣ того ему возвращено княжеское достоинство, имѣніе. Это потвердитъ Принцу еще живой князь Сангушко.

Бѣдную шляхту (однодворцевъ), которая не могла доказать своего дворянства, быть можетъ и приглашали на службу по почтовому вѣдомству; но указа объ этомъ въ общемъ собраніи законовъ тоже нѣтъ, а если былъ частный указъ къ управляющему почтовымъ вѣдомствомъ; то въ немъ должно видѣть болѣе благодѣяніе, нежели притѣсненіе людей, которымъ терять нечего и которые могли составить (и составляли) на почтовой службѣ и личность и способы къ безбѣдному существованію. Само собою дѣти наслѣдовали путемъ рожденія права родителей,– во всякомъ случаѣ лучшія тѣхъ, какими пользовались сіи послѣдніе, до опредѣленія своего на службу по почтовому вѣдомству.

Особыхъ указовъ о запрещеніи строить костелы никогда не существовало. Правительство разрѣшало и разрѣшаетъ устроять не только приходскіе католическіе храмы, но даже домовые костелы и каплицы и для постройки первыхъ нерѣдко ассигнуетъ вспомогательные капиталы. Въ устройствѣ послѣднихъ католики пользуются даже замѣтными преимуществами

предъ православными: тогда, какъ послѣдніе могутъ просить о разрѣшеніи на устройство домашней церкви только тогда, когда проситель имѣетъ чинъ не ниже статскаго совѣтника, католикамъ даютъ это разрѣшеніе безъ различія званія и чина. Не позволяется только строить приходскіе костелы тамъ, гдѣ нѣтъ католиковъ, да запрещается строить ихъ безъ засвидѣтельствованія мѣстнаго православнаго архіерея и разрѣшенія гражданской власти. Но подобныя запрещенія существуютъ и для православныхъ церквей—и въ первомъ случаѣ даже несравненно стѣснительнѣе, чѣмъ для католиковъ; потому что устройство церкви никогда не разрѣшается пока она не будетъ имѣть достаточнаго количества прихожанъ, а причтъ ея небудетъ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи. И вышеприведенныя постановленія существуютъ только для русскихъ губерній, въ которыхъ живутъ католики, въ Царствѣ же Польскомъ на счетъ устройства костеловъ нѣтъ никакихъ ограниченій: тамъ католичество вполнѣ пользуется правами и гарантіями господствующей религіи. Духовенство католическое, даже въ русскихъ губерніяхъ, получаетъ отъ казны втрое большее содержаніе, нежели православное и, какъ-бы въ благодарность за то, поминутно нарушаетъ законы, ограждающіе цѣлость православія: неутомимо ведетъ пропаганду, какъ въ странѣ языческой, постоянно интригуетъ, разными приманками, совращаетъ въ католицизмъ (такихъ примѣровъ тысячи) не твердыхъ въ вѣрѣ, заводитъ приходскія польскія школки и, для подавленія русской народности и православія, заманиваетъ въ нихъ православныхъ дѣтей, внушаетъ на исповѣди разныя антиправительственныя затѣи, запрещаетъ ходить въ православныя церкви, порицаетъ даже въ проповѣдяхъ православіе, что запрещено закономъ въ отношеніи къ католичеству православному духовенству и проч. и проч.

Приказа «отбирать и превращать костелы въ православныя церкви тамъ, гдѣ эти послѣднія ветхи,» не только никогда несуществовало на бумагѣ, но даже въ умѣ русскаго правительства. Быть можетъ Принцъ разумѣетъ въ этомъ мѣстѣ возвратъ къ православію тѣхъ церквей, которыя, во времена религіозно-политическаго ига Польши надъ русскими областями, были насильно обращены въ костелы уніятскіе и частію католическіе; но возвратъ своего не есть отобраніе чужаго. Но и

тутъ касательно костеловъ католическихъ есть еще нѣкоторый недочеть въ церквахъ древле-православныхъ. Вообще Россія и недумаетъ подражать Польшѣ въ дѣлѣ религiозной нетерпимости и употреблять у себя дома противъ зловредной латинской пропаганды тѣ насилія, которыя она употребляла (и часто употребляетъ) противъ безвреднаго православія, на землѣ чужой [1]).

Въ многолюдныхъ приходахъ не воспрещается ксендзамъ (парохамъ) имѣть себѣ помощниковъ (викаріевъ). Такихъ приходовъ съ викаріями мы знаемъ очень много.

»Школы (какъ ихъ называетъ принцъ Наполеонъ) католическія«—предметъ не мыслимый. Такъ можно назвать или такія школы, въ которыхъ (какъ въ семинаріяхъ) юноши приготовляются къ поступленію въ духовное званіе (для прихода, монастыря, миссіи-пропаганды,—или такія, въ которыхъ учатся одни только католики. Въ первомъ смыслѣ школы (не только среднія, но и высшая—духовная академія въ Петербургѣ) не только существуютъ въ достаточномъ количествѣ, но и получаютъ матеріальную поддержку отъ русскаго правительства; въ послѣднемъ смыслѣ понимаемыхъ школъ никогда не существовало, потому что, уничтоживъ путемъ пропаганды и разныхъ насилій всѣ русскія школы (кромѣ кіевской) въ областяхъ русскихъ, католическое духовенство по неволѣ заставило православныхъ дѣтей учиться въ своихъ іезуитскихъ, базиліанскихъ и другихъ орденовъ школахъ, пріютившихся въ монастыряхъ. Съ уничтоженіемъ этихъ монастырей, съ перемѣною обстоятельствъ, съ пресѣченіемъ безконтрольной пропаганды, эти школы, конечно, должны были сами собою закрыться ([2]), а въ замѣнъ ихъ явилось множество уѣздныхъ училищъ, дворянскихъ пяти-

---

[1]) Для того, чтобъ видѣть, какъ ведетъ у насъ (даже теперь) свои дѣла латино-польская пропаганда, совѣтуемъ обратить вниманіе на нѣкоторыя мѣста статьи Вѣстника Юго-Западной Россіи: „Объясненіе одной фразы" и проч. (Книга 4, Отд. IV, стр. 65—98). Ред.

([2]) Россія позже всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ спохватилась устранить монаховъ отъ управленія свѣтскими учебными заведеніями, а чрезъ это замедленіе много потеряла въ успѣхахъ европейской цивилизаціи. Отнявъ отъ нихъ школы, она поступила по примѣру самыхъ же католическихъ державъ въ томъ числѣ и Франціи, въ которой воспитаніе народа, за исключеніемъ элементарнаго, съ 18 столѣтія, отнято отъ духовенства, и находит-

класныхъ училищъ, гимназій и одинъ университетъ, которыя, по огромному большинству учащихся въ нихъ католиковъ (въ кіевскомъ университетѣ $^3/_4$ учащихся католиковъ), можно, пожалуй, назвать католическими. Вмѣсто рутины и односторонности, неволи мысли и совѣсти, которыя воспитывали въ душѣ юношей прежнія школы, въ новѣйшихъ наука поднята на современную точку стоянія и обстановлена возможною роскошью учебныхъ пособій. Впрочемъ, мы не скроемъ отъ васъ, Принцъ, той истины что виленскій университетъ и кременецкій лицей закрыты вслѣдствіе дѣятельнаго слишкомъ участія въ возстаніи польскихъ патріотовъ 1831 года. Въ другихъ націяхъ подобныя заведнія за подобное участіе были бы обращены въ мусоръ посредствомъ тяжелой артилеріи.

Что католическому духовенству запрещено говорить проповѣди, это такая басня, въ фантастичности которой всякій французъ можетъ убѣдиться (подобно тому какъ мы убѣждаемся) всякій праздничный (не рѣдко и будничный) день, во всякомъ костелѣ, глава котораго можетъ и хочетъ составить поученіе. Запрещается только говорить возмутительныя противъ правительства и бранчивыя поученія. Но польскій ксендзъ такъ экзалтированъ, что ни зачто не хочетъ отказаться и отъ этой исключительной запретной темы. Такимъ образомъ принцъ Наполеонъ дѣлаетъ заключеніе отъ вида къ роду; а это, съ позволенія его высочества, крайне нелогично.

Ахъ, какую бы мы могли нарисовать здѣсь картину вѣротерпимости людей, за которыхъ ратуетъ принцъ Наполеонъ; какія мы могли бы вспомнить варварства, увѣковѣченныя исторіей, сбереженныя народной памятью и произведенныя фанатизмомъ поляка-католика на землѣ русской! Но, мы не хотимъ оскорблять впечатлительной натуры Принца воспроизведеніемъ этихъ ужасовъ, тѣмъ болѣе, что предполагаемъ ихъ для него извѣстными хоть на половину. А для насъ и этого довольно, чтобъ убѣдить Принца въ той истинѣ, что терпимость и православіе—

ся по настоящее время, въ вѣденіи свѣтскихъ лицъ, не смотря на недавнія попытки іезуитовъ исторгнуть у парламента дозволеніе учреждать ихъ коллегіумы. Однакожъ принцъ не считалъ этого гоненіемъ католицизма, за чѣмъ же упрекать не католическую Россію, что она въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія поступила по примѣру Франціи. Ред.

синонимы, фанатизмъ, насиліе и католичество—тоже [1]). Не забудьте Принцъ, что даже въ прогресивной Франціи православіе находится внѣ покровительства законовъ.

Но мы напрасно утомляли нашихъ читателей доказательствомъ очевиднаго; напрасно трактовали *о дѣлахъ давно минувшихъ дней*, не имѣющихъ никакой связи съ послѣднимъ возмущеніемъ поляковъ. Мы это сдѣлали для того лишь, чтобы не остаться у принца Наполеона въ долгу и защитить отъ заблужденія тѣхъ изъ его соотчичей, которымъ, можетъ быть, попадутся какъ нибудь на глаза настоящія строки. Поэтому мы поступимъ гораздо раціональнѣе, если вмѣсто описанія не бывалыхъ притѣсненій сдѣлаемъ хоть перечень наличныхъ благодѣяній и улучшеній, дарованныхъ Польшѣ настоящимъ ея Королемъ и вызвавшихъ явленія слишкомъ негармонирующаго съ ними свойства.

1. Съ 1856 по 1861 годъ дарована полная амнистія 8623 лицамъ, приговореннымъ къ ссылкѣ, изгнанію и другимъ наказаніямъ за политическія преступленія, съ возвращеніемъ всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ.

2. Уничтожены всѣ дѣла (1860 г.), касавшіеся конфискаціи имуществъ польскихъ преступниковъ 1831 г. Имѣнія возвращены, судебныя преслѣдованія прекращены. Указомъ 8 (20) сентября 1862 г. эта амнистія распространена и на всѣхъ позднѣйшихъ преступниковъ.

3. Съ 1861 г. по настоящій моментъ помиловано еще много политическихъ преступниковъ.

4. Религія католическая пользовалась и пользуется полнымъ уваженіемъ и заботливостію Императора Александра II.

a) Пополнены вакантныя мѣста епископовъ, которые получили отъ святаго отца утвержденіе

b) Позволено обращаться къ папѣ по дѣламъ, касавшимся 3 брака.

c) Духовныя лица, высланныя въ отдаленныя губерніи за политическія преступленія получили позволеніе возвратиться въ царство польское.

d) Удовлетворено (1862 г.) нѣсколько жалобъ польскихъ прелатовъ, вслѣдствіе которыхъ Его Императорское Величество

[1]) У поляковъ нѣтъ даже слова для выраженія идеи вѣротерпимости. Они заимствовали для нея латинское слово—tolerantia.

рекомендовалъ Своему Намѣстнику въ Царствѣ, чтобы онъ наблюдалъ за приличнымъ и уважительнымъ обхожденіемъ съ католич. духовенствомъ.

e) Учреждены (1861 г.) консисторіальные суды евангелическихъ исповѣданій въ Царствѣ Польскомъ.

5. Возвращены пенсіи и права на нихъ политическимъ преступникамъ 1830 г. Жалованье чиновникамъ значительно увеличено; бѣднымъ дарованы субсидіи.

6. Въ 1858 и 59 годахъ приняты мѣры для упроченія, уравненія и справедливаго распредѣленія всѣхъ налоговъ, существующихъ въ Царствѣ.

7. Личный налогъ на дворовыхъ (служителей фермерскихъ и другихъ) людей 1863 г. вовсе уничтоженъ.

8. Въ благотворительныя заведенія введены многочисленныя улучшенія и учреждено нѣсколько новыхъ госпиталей и другихъ богоугодныхъ заведеній.

9) Пути сообщенія и внутри Царства, и въ сосѣднія государства улучшены на столько, на сколько была возможность улучшить это важное для народнаго довольства и удобства дѣло. Въ настоящій моментъ въ Царствѣ существуетъ около 5000 разныхъ, хорошо устроенныхъ дорогъ.

10. Императоръ Александръ II, сдѣлавшій задачею своей жизни благодѣтельныя для Своихъ подданныхъ реформы и улучшенія, по преимуществу излилъ Свои щедроты на Царство Польское и даровалъ ему такія политическія и административныя преобразованія, половина которыхъ моглабы сдѣлать Польшу счастливою, а имя ея Обновителя-незабвеннымъ для человѣчества.

a) Учреждены губернскіе, уѣздные и городовые совѣты, члены которыхъ избираются большинствомъ туземцовъ. Вѣденію этихъ совѣтовъ подчинены земледѣльческія, промышленныя и торговыя дѣла, пути сообщенія, богоугодныя заведенія, словомъ-всѣ мѣстныя дѣла.

b). Уѣздные совѣты избираютъ депутатовъ, разныхъ комитетовъ мѣстной администраціи, кандидатовъ на должность мировыхъ судей,—на должность членовъ городскихъ совѣтовъ. Эти совѣты завѣдываютъ уѣзднымъ имуществомъ, поддерживаютъ пути сообщенія, участвуютъ въ распредѣленіи налоговъ,

c). Городскіе совѣты отправляютъ всѣ муниципальныя дѣ-

ла, составляютъ смѣты городскихъ расходовъ, наблюдаютъ за украшеніемъ города и общественнымъ здоровьемъ.

d). Права на голосъ при выборѣ членовъ и депутатовъ для разныхъ учрежденій и на выборъ въ члены этихъ учрежденій облегчены до такой степени, что всякій совершеннолѣтній, грамотный, платящій отъ 4 до 5 р. ежегодной подати, имѣетъ право на подачу голоса, а всѣ владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, платящіе 15 р. годоваго налога, могутъ быть избраны въ члены разныхъ совѣтовъ. Этимъ правомъ пользуются извѣстные ученые, писатели и люди, оказавшіе услуги торговлѣ и промышленности.

e). Возстановленъ государственный совѣтъ Царства съ такими широкими правами и кругомъ дѣйствій, какихъ онъ не имѣлъ не только послѣ, но и до 1831 года. Въ этомъ совѣтѣ, кромѣ членовъ административнаго совѣта, могутъ засѣдать временно или постоянно епископы, члены высшаго духовенства, президенты и члены провинціальныхъ совѣтовъ и учрежденій ассоціаціи поземельнаго кредита. Обсужденію совѣта подлежатъ: проэкты новыхъ законовъ, преобразованія разныхъ отраслей администраціи страны, роспись приходо-расхода Царства, отчеты разныхъ административныхъ властей, контроля и генеральнаго контролера коммиссіи погашенія общественнаго долга. Государственный совѣтъ объемлетъ всю администрацію страны и только лишь не имѣетъ права заниматься вопросами политическими и осуждать мѣры правительства. Тотъ же совѣтъ рѣшаетъ жалобы и апеляціи, которыя имѣетъ право подавать въ совѣтъ каждый польскій подданный на губернскіе совѣты, городской совѣтъ Варшавы и всѣ другія инстанціи.

11). Возстановлены коммиссія духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и римскокатолическій совѣтъ. Вѣденію этихъ учрежденій подлежатъ всѣ духовныя дѣла: назначеніе въ духовныя званія, жалобы на злоупотребленія власти противъ духовенства, разсмотрѣніе законадательныхъ вопросовъ, въ которые замѣшаны интересы церкви, избраніе профессоровъ богословія, составленіе програмъ религіознаго обученія.

12). Въ пользу народнаго образованія также много сдѣлало для Польши русское правительство: расширена программа гимназическаго образованія,—прибавлены каѳедры права и изящной словесности, утверждены уставы лѣсной и земледѣльческой

школы, учреждена въ Варшавѣ медицинская академія, назначенъ капиталъ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей въ уѣздныхъ школахъ и другихъ заведеніяхъ Царства, учреждены въ Варшавѣ 5 различныхъ училищъ для образованія дѣвицъ, утвержденъ новый уставъ (1862 г.) народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, составленный на самыхъ либеральныхъ основаніяхъ, съ предоставленіемъ права поступать въ учебныя заведенія всѣмъ безъ различія званій и религіи, открыто множество школъ элементарныхъ и специальныхъ для обоихъ половъ, открытъ наконецъ въ Варшавѣ университетъ, подъ названіемъ высшей школы.

13). Раціонально опредѣлены отношенія между арендаторами и землевладѣльцами, учреждены специальные комитеты (чиншовыя делегаціи) для разбирательства взаимныхъ ихъ жалобъ, съ правомъ жаловаться недовольнымъ рѣшеніемъ этихъ делигацій въ государственный совѣтъ.

14). Всѣ стѣснительныя для евреевъ узаконенія прежняго законодательства уничтожены, и имъ предоставлены всѣ права гражданскія на равнѣ со всѣми жителями Царства другихъ исповѣданій (1862 г.)

15). Разсматриваются проэкты: возможно—гуманнаго судопроизводства по политическимъ преступленіямъ, преобразованія уголовныхъ судовъ, уголовнаго судопроизводства, гарантій личной безопасности, смягченія закона конфискаціи.

16). Разрабатываются или приводятся въ исполненіе: преобразованіе администраціи Царства, основанное на началахъ децентрализаціи, уменьшеніи издержекъ и упрощеніи бюрократическихъ формальностей,—передача казенныхъ рудниковъ и заводовъ въ руки частныхъ промышленниковъ, учрежденіе общества городскаго кредита, точный и раціональный кадастръ казенныхъ имѣній, преобразованіе польскаго банка при пособіи частныхъ капиталовъ, преобразованіе страховаго отъ огня общества, развитіе и увеличеніе числа сберегательныхъ кассъ въ Варшавѣ и провинціяхъ.

17). Въ главѣ администраціи Царства стоитъ родной Братъ Государя Императора, а помощникомъ его по гражданскому управленію назначенъ родной сынъ Польши—человѣкъ съ отличными способностями и самымъ задушевнымъ и *просвѣщеннымъ* патріотизмомъ. Государственный совѣтъ и административный составлены изъ однихъ почти поляковъ. Всѣ выс-

шія гражданскія и губернаторскія должности исключительно поручены полякамъ. Къ 1-му января 1863 г. во всемъ Царствѣ было только *восемь* высшихъ русскихъ чиновниковъ; тогда какъ въ Россіи[1] наберутся сотни поляковъ на высшихъ и тысячи на низшихъ ступеняхъ администраціи.

Вотъ краткій списокъ тѣхъ *притѣсненій*, которыя предшествовали дикому взрыву поляковъ, быть можетъ вызвали его; вотъ тѣ дѣла, продолженіе и упроченіе которыхъ остановлено буйствомъ псевдо-патріотовъ польскихъ! Какъ же принцъ Наполеонъ могъ промолчать ихъ или не замѣтить? Тутъ ужъ видна болѣе чѣмъ односторонность, тутъ видно умышленное затыканіе ушей, закрытіе глазъ отъ аргументовъ и фактовъ противоположнаго содержанія. И вмѣсто того, чтобы подымать архивную пыль, и сквозь тучу ея атомовъ тускло видѣть даже принадлежности этого архива, не лучше ли, говоримъ, остановить было вниманіе на тѣхъ современныхъ, отрадныхъ явленіяхъ, которыя сейчасъ нами намѣчены и которыхъ нельзя созерцать безъ благоговѣнія, безъ благодарной молитвы, о которыхъ нельзя думать истому патріоту польскому безъ проклятія людей, остановившихъ развитіе такихъ дѣлъ, которыя упрочили бы на долго, быть можетъ навсегда, счастіе и автономію Польши,—счастіе и автономію далеко разумнѣй и существеннѣе тѣхъ, какія принесла ей средневѣковая конституція 3 мая и панская 12 декабря.

4.

Говоря о причинахъ настоящаго движенія поляковъ, принцъ Наполеонъ скользитъ по одной ихъ поверхности, черпаетъ объ нихъ свѣденія изъ мутныхъ источниковъ неугомонной мечтательности и революціонныхъ притязаній и обнаруживаетъ явное незнаніе или умолчаніе о причинахъ болѣе давнихъ, болѣе внѣшнихъ и дѣйствительныхъ. Поможемъ невѣденію Принца и пополнимъ пробѣлъ его въ объясненіи иниціативы польскаго бунта.

Считать причиною возстанія поляковъ «подземныя махинаціи, затѣи революціонеровъ, заговорщиковъ, польскихъ Модзини,» значитъ считать дѣйствіе или явленіе, причиною дѣйствія,

---

[1]) И въ Россіи это названіе для него уже не точно; такъ

явленія,—первый шагъ къ бунту—причиною бунта. Принцъ Наполеонъ какъ будто хочетъ выйти изъ этого круга и легковѣрно попадаетъ на истертую тропинку лжи, распространяемой польскими Модзини за границей. Онъ ищетъ причины возстанія въ рекрутскомъ наборѣ. Намъ стыдно даже объясняться предъ Европой на счетъ такихъ или другихъ пріемовъ пополненія убыли войска русскаго, какъ Европѣ было бы стыдно давать подобный отчетъ Россіи: это дѣло всякой націи—домашнее; но такъ какъ принцу—оратору угодно было, при недостаткѣ болѣе надежной точки опоры, облокотиться на польскій рекрутскій наборъ, то мы доложимъ ему слѣдующее: Въ Польшѣ съ 1859 г. нѣтъ *рекрутскаго набора* [1]), а существуетъ самая разумная, умѣренная и благодѣтельная конскрипція. Конскриптовъ назначаютъ сами общины, составляютъ ихъ списки; ближайшая власть только повѣряетъ правильность конскрипціи. Такъ произведена, послѣ 8-лѣтней отъ рекрутской повинности льготы, и конскрипція въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года. Прежде случались въ Польшѣ рекрутскіе наборы и чаще и тяжелѣ; а между тѣмъ поляки не выходили изъ предѣловъ порядка и нормальныхъ отношеній къ Россіи; но послѣдняя конскрипція не вездѣ прошла такъ тихо и законно, какъ прежніе рекрутскіе наборы. По поводу ея, польская революція сдѣлала второй шагъ возстанія, и явленія отрывочныя обобщились значительнѣе, лава, клокотавшая внутри сопки, выбухнула наружу Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Царства конскрипція совершилась спокойно, другія на этотъ разъ не такъ были счастливы. Видя, что не далекая отъ своего развитія революція въ конскриптахъ польскихъ можетъ утратить много рукъ, пригодныхъ для пролитія русской крови, революціонный комитетъ предписалъ бѣгство конскриптовъ, отнятіе поступившихъ уже на службу, уничтоженіе ихъ списковъ и вслѣдъ за тѣмъ издалъ продиктованную адомъ прокламацію поголовнаго истребленія сонныхъ, русскихъ воиновъ въ Царствѣ польскомъ. При такихъ обстоятельствахъ послѣдней конскрипціи, естественно, она не могла совершиться правильно и вполнѣ гуманно. Семейства и общины, способствовавшія укрытію записанныхъ кон-

---

какъ и тамъ поступаютъ въ военную службу по очереднымъ записямъ, а въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ случаяхъ—по жребію.

скриптовъ, должны были пополнять ихъ весьма законно, хоть и не совсѣмъ охотно и нормально другими членами семействъ. Если эта недоимка пополнялась иногда пролетаріями, замѣченными въ революціонныхъ продѣлкахъ; то, мы думаемъ, въ этой мѣнѣ ничего не теряло ни человѣчество, ни правда, ни чувство возмездія и самосохраненія. Не можетъ же Европа сказать намъ: вы не смѣли брать въ солдаты тѣхъ людей, которые точили ножи на ваше горло и которые такъ нужны были для польскаго возмущенія. Въ другихъ націяхъ съ подобными конскриптами поступили бы не такъ гуманно. Было бы безумно конскриптовъ съ такой аттестаціей оставлять на почвѣ ихъ буйства, въ рядахъ русской арміи, для произведенія другой варѳоломеевской ночи. Они и прикомандированы къ отрядамъ нашихъ войскъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ лучше можно гарантировать нашу обоюдную безопасность.

Что касается злости и криковъ на всю Европу буржуазіи и пролетаріевъ польскихъ за то, что конскрипція польская обошла простой народъ и отяготѣла на нихъ однихъ, ихъ злость и крики не дѣлаютъ чести ни уму ихъ, ни сердцу. Въ Польшѣ не попалъ въ конскрипты (за исключеніемъ преступниковъ) ни одинъ человѣкъ, свободный отъ конскрипціи; а если кто изъ подлежащихъ конскрипціи на нѣкоторое время отъ нея уволенъ правительствомъ; то законно ли злиться на эту гуманность, особенно, когда эта гуманность имѣла самое прочное основаніе? Хотя русское правительство безотчетно можетъ даровать разныя льготы тѣмъ или другимъ своимъ подданнымъ; но оно такъ откровенно, что не стыдится заявить предъ Европой причины однократнаго освобожденія польскаго простолюдья отъ послѣдней конскрипціи. Польскій народъ такъ былъ забитъ корыстолюбіемъ и самовластіемъ панства, онъ такъ недавно получилъ права своей личности, такъ недавно отдохнулъ отъ ноши сверхъ силъ, что нужно было питать къ нему личную ненависть, чтобы нарушить его счастіе, разорвать начатки его свободы и довольства,— что бы не сдѣлать для него христіанскаго, безобиднаго для ближнихъ, исключенія изъ правила о конскрипціи. За это облегченіе, не возложившее ни на кого лишней тяжести, истинный патріотъ и христіанинъ долженъ благодарить, а не порицать благодѣтельное правитель-

ство. Вѣдь уволенные теперь отъ конскрипцій не могли бы замѣнить собою тѣхъ, которые не уволены. И въ Россіи никогда почти не бываетъ поголовнаго набора. Онъ производится или полосами, или съ освобожденіемъ отъ рекрутскаго набора нѣкоторыхъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ голода, повальныхъ болѣзней, скотскаго падежа, наводненій, пожаровъ и другихъ опустошительныхъ явленій. А между тѣмъ русскіе только радуются подобнымъ исключеніямъ.

Фантазія принца Наполеона на счетъ угрозы «засѣчь рекрутовъ польскихъ московскою розгою» и другія «адскія мѣры преслѣдованія» не имѣютъ ни какой точки опоры въ дѣйствительности. Всѣмъ, кто вѣритъ этой сплетнѣ, мы говоримъ положительно: вы вѣрите лжи и клеветѣ, потому что вамъ хочется, вамъ пріятно вѣрить.

Нѣтъ, Принцъ, вы слишкомъ легко или слишкомъ своеобразно хотите отыскивать причины польскаго возстанія; онѣ далеко древнѣе послѣдняго рекрутскаго набора, далеко независимѣй отъ какихъ-то воображаемыхъ притѣсненій со стороны русскаго правительства; онѣ въ исторіи Польши, въ плоти и крови поляковъ, ихъ нужно искать внѣ Россіи.

Jak swiat swiatem, tak polak rusinowi (чаще говорится moskalowi) nie będzie bratem. Вотъ пословица, которою, Принцъ, вы можете легко, когда только вамъ захочется, объяснять и себѣ и другимъ причины всѣхъ вообще столкновеній Польши съ Россіей. Но откуда такая антипатія одного славянскаго племени къ другому? Мы считаемъ принца Наполеона на столько развитымъ, что бы не преподавать ему начатковъ польской исторіи, а потому скажемъ прямо и вѣрно, что причины этой антипатіи—отдѣленіе Польши отъ Россіи вѣрою и національностію, желаніе навязать первою послѣдней католичество и судорожныя усилія первой къ преобладанію въ славянскомъ мірѣ. Это ключъ къ разгадкѣ всѣхъ частныхъ явленій польско-русской исторіи, это (между прочимъ) ключъ къ истолкованію того явленія, что настоящая революція выбухнула не въ Галиціи, не въ Познани а въ Царствѣ Польскомъ; это коренная, историческая причина послѣдняго бунта польскаго Польша только и бредитъ афоризмомъ: умерсть Польшѣ или Россіи, а обѣимъ жить невозможно. Бѣдная Польша до того обездушѣла, что уже не ощущаетъ своей смерти и грозной, широкой жизни Россіи. Отъ того внѣ

всякихъ, внѣшнихъ, современныхъ причинъ, внѣ рекрутскихъ наборовъ и мнимыхъ угнетеній, поляки боролись съ Россіей всю жизнь—сперва сами, потомъ въ союзѣ съ различными врагами Россіи, послѣ и, наконецъ, теперь опять сами.

Съ этою внутреннею, религіозно—политическою причиной находится въ тѣсной связи другая, внѣшняя, дипломатическая. Тѣ изъ поляковъ, которые больше живутъ постройкою миражей, менѣе способны подчиняться условіямъ порядка и постановленіямъ закона и которые подлежатъ отвѣтственности предъ симъ послѣднимъ, пріютились въ мѣстахъ, гдѣ не стѣсняются никакимъ сосѣдствомъ. Почуявъ себя на свободѣ, поставивъ себя въ самой легкой зависимости отъ законовъ пріютившей ихъ націи, эти люди сдѣлали месть ничѣмъ невинной предъ ними Россіи задачею своей чужеядной жизни. Одинокость положенія экзальтировала пристрастную любовь ихъ къ жалкой родинѣ, сила Россіи и крѣпость православія терзали ихъ душу завистью и ненавистью. Они приняли на себя роль шпіоновъ, лжецовъ и клеветниковъ Россіи, собрали вокругъ себя значительную шайку людей, страдающихъ тѣми же психическими недугами; эти *свои* люди весьма легко съумѣли поставить себя въ интимныя отношенія со многими знакомыми имъ *чужими* людьми и обобщить съ ними тѣ положительныя и отрицательныя чувства къ Россіи, которыя названы недавно: лжамъ и клеветамъ ихъ повѣрили безъ справокъ и размышленій и даже разсыпали ихъ по разнымъ прессамъ, установились симпатіи, закрѣплена даже дружба, обѣщано, быть можетъ, содѣйствіе. Польша и Россія наводнились возмутительными прокламаціями, имѣвшими дерзость разсчитывать на измѣну Россіи русскихъ, въ одной изъ столицъ европейскихъ открывается присутственное мѣсто, извѣстное подъ названіемъ революціоннаго комитета, туда стекаются большіе капиталы изъ Царства и западной Россіи, тамъ организуются планы бунта, составляются инструкціи, списки заговорщиковъ, заготовляются арсеналы оружія, оттуда исходятъ звѣрскіе приговоры къ смерти всѣхъ друзей порядка и спокойствія общественнаго, оттуда, наконецъ, раздается адскій кличь къ поголовному вооруженію и единовременному истребленію русскихъ воиновъ во всемъ Царствѣ Польскомъ...... А вы, Принцъ, такъ наивны, что ищете причинъ буйства поляковъ противъ законной власти въ рекрутскомъ наборѣ!

Еще принцъ Наполеонъ ищетъ причинъ возмущенія поляковъ въ какихъ-то измѣнникахъ и ренегатахъ. Не знаемъ, что это за люди. Если подъ именемъ ихъ нужно разумѣть всѣхъ демагоговъ и клятвопреступниковъ, изувѣровъ и фанатиковъ, то мы не прочь видѣть въ нихъ, вмѣстѣ съ Принцомъ, причину бунта, хоть орудную. Но изъ контекста принцовой рѣчи видно, что онъ причисляетъ къ измѣнникамъ и ренегатамъ тѣхъ именно людей, которые свободны отъ галлюцинацій воскресенія Польши, которые посвятили весь свой обширный умъ и благородное сердце истиннымъ пользамъ своей родины, и которые имѣютъ самое законное право на названіе, противоположное, измѣннику, ренегату. Мы не произнесемъ, вмѣстѣ съ Принцомъ, того честнаго, благороднаго имени, которое не запятнано измѣной и надъ которымъ такъ неблагородно поглумился съ трибуны сенатской принцъ—ораторъ, что его грубость возбудила всеобщій ропотъ благороднаго собранія. Мы даже не намѣрены возражать Принцу; потому что С. Велепольскій уже сдѣлалъ ему такое возраженіе, на которое не удобно отвѣчать изъ Египта и отъ опроверженія котораго не совсѣмъ ловко уклоняться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Правда, нѣкоторые господа хотѣли отвѣчать за него С. Велепольскому, но они взялись за чужое дѣло въ полной увѣренности, что дѣло покончится на словесной съ ихъ стороны храбрости и что благородный графъ не станетъ ***полемизировать*** со всякимъ встрѣчнымъ, съ которымъ нѣтъ у него недоразумѣній [1]).

5.

Въ доказательство суровости, съ которою погашается польскій »мятежъ«, принцъ Наполеонъ приводитъ нѣсколько фактовъ, которыхъ никакъ нельзя примѣнить къ темѣ оратора—

---

[1]) Говорятъ, что графъ Велепольскій принялъ вызовъ эмигранта Браницкаго. Если это правда, то графъ слишкомъ уже снисходителенъ. Если принять за норму претензію Браницкаго; то каждому изъ насъ придется рѣзаться со всякимъ встрѣчнымъ, безъ всякой причины.

даже въ томъ искаженномъ видѣ, въ какомъ эти факты заявлены имъ предъ сенатомъ.

Что овладѣвшіе съ боя солдаты Мѣховымъ, подъ вліяніемъ кровавыхъ воспоминаній, »считали себя властителями города, проникали въ частные дома, отыскивая инсургентовъ, пили вино и ликеръ«, тутъ мы еще не видимъ особенной жестокости. Такъ ли поступали нѣкоторые гуманные на словахъ господа въ завоеванныхъ мѣстностяхъ?.... Много-много могли бы мы воспроизвести здѣсь краснорѣчивыхъ страницъ, исписанныхъ огнемъ и кровью, но мы не памятозлобны и не мстительны. Можно образовать огромное море изъ крови, пролитой на улицахъ одного Парижа... Что касается »чиновника, заколотаго штыками», это, дѣйствительно была бы не гуманная выходка побѣдителей, если бы принцъ Наполеонъ не допустилъ при ея описаніи маленькаго умолчанія. Дѣло въ томъ, что этотъ чиновникъ былъ бургомистръ Мѣхова, вышедшій на встрѣчу войскамъ своего Монарха не съ хлѣбомъ-солью, какъ слѣдовало бы, а вбѣжавшій въ комнату, гдѣ брали инсургентовъ подъ арестъ, съ двумя револьверами и выстрѣлившій въ русскихъ солдатъ. Послѣ такого гостепріимства, естественно, трудно было положиться на сочувствіе польскихъ властей города русскимъ войскамъ и необходимо было арестовать нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, высказавшихся весьма не двусмысленно въ пользу демагогіи.

»Въ Калишѣ, въ печатномъ объявленіи — продолжаетъ Принцъ–было сказано, что всякій домъ, занятый инсургентами, изъ котораго послѣдуетъ выстрѣлъ, будетъ разрушенъ артилеріей«. Принцу мало извѣстны эпизоды польскаго бунта: не только такой приказъ былъ изданъ въ Калишѣ, но и въ Варшавѣ. Чтожъ, не прикажете ли, Принцъ, посылать въ подобные дома пушки, штуцера и заряды? или не сжигать ли эти дома вмѣстѣ съ живыми людьми, какъ это дѣлали ваши друзья съ русскими солдатами? Принцъ возлагаетъ на насъ странныя обязательства: онъ хочетъ, чтобы мы стояли, сложивъ на крестъ руки, пока насъ перестрѣляютъ, или сражались съ поляками равнымъ оружіемъ. Чтожъ дѣлать, когда отъ перваго метода битвы насъ удерживаетъ долгъ и здравый смыслъ, отъ послѣдняго христіанская совѣсть.

Въ приказѣ Виленскаго Генералъ-губернатора Назимова,

между прочимъ было сказано, что «въ тѣ дома, гдѣ будутъ собираться заговорщики для совѣщанія, равно какъ и тѣ, гдѣ укрывается оружіе или «разбойники», поднявшіе знамя возстанія, будутъ поставлены экзекуціи». Далѣе, въ томъ же приказѣ, добавлено«: всякій, кто не донесъ бы и не представилъ бы виновныхъ, подвергается равному наказанію съ виновнымъ». Къ первой мѣрѣ довольно снисходтеленъ (еще бы!) принцъ-ораторъ; но вторая рѣшительно выводитъ его изъ себя. Напрасно! Принцу должны быть извѣстны уголовные законы, подвергающіе одинаковой карѣ преступника съ тѣми людьми, которые, словомъ или дѣломъ, могли предотвратить какое либо частное преступленіе и не сдѣлали этого. Если же законъ такъ строгъ-или точнѣе справедливъ-къ частнымъ, одинокимъ преступленіямъ, то, что сказать о примѣненіи его къ преступленіямъ политическимъ, отъ которыхъ зависитъ порядокъ, безопасность и жизнь цѣлаго общества? Не всегда бываетъ удобно и умѣстно, въ минуту опасности, выжидать полицейскаго чиновника, или ходить къ нему съ донесеніемъ. Возможны случаи изчезновенія даже слѣдовъ преступленія и преступниковъ прежде, чѣмъ мы воротимся домой. Когда заносится ножъ на шею собрата ужели мы должны говорить убійцѣ: погодите немножко, пока я сбѣгаю за полисменомъ. Предотвращеніе преступленія весьма часто бываетъ дѣломъ текущей минуты, не воспользовавшись которою, можно сдѣлаться второю—но едвали не главною причиною—преступленія. Пріѣхалъ, напр., эмиссаръ революціоннаго комитета; я увѣренъ, что онъ чрезъ нѣсколько минутъ ускачетъ далѣе, отправились извѣстные люди, чтобы, совершить убійство,—какая либо шайка,—чтобы, съ ножемъ у горла, вербовать въ свои скопища народъ русскій,—ужели я долженъ ходить съ донесеніемъ до тѣхъ поръ, пока эмиссаръ ускачетъ, злодѣй убьетъ честнаго гражданина, моего брата и друга, шайка демагоговъ уведетъ въ лѣса членовъ семьи русской? А такихъ случаевъ при настоящемъ методѣ польскаго бунта открывается не мало. Эти-то случаи, конечно, и имѣетъ въ виду приказъ Назимова—представлять виновныхъ начальству; иначе въ немъ совершенно было бы лишнимъ слово—*доносить*, которое значитъ то, что нормальное участіе людей частныхъ, въ погашеніи польскаьо возстанія—есть донесеніе о злоумышленіяхъ и злоумышленникахъ власти; но если оно оказывается не

умѣстнымъ, если обстоятельства требуютъ скораго дѣла, а не слова; то всякій патріотъ долженъ быть помощникомъ полиціи, долженъ принимать активное участіе въ предотвращеніи преступленій, въ арестованіи мятежниковъ. Если мы арестуемъ, вяжемъ, передаемъ въ руки правосудія вора и убійцу; то тѣмъ законнѣе и необходимѣе не должны церемониться съ посягателями на жизнь и достояніе общества.

Для доказательства жестокости русскихъ, при погашеніи мятежа, или точнѣе—для эффекта, Принцъ читаетъ письмо одной дамы [1]) изъ Кракова. Письмо это ничего не доказываетъ, кромѣ общаго почти увлеченія польской молодежи, сбиваемой съ прямаго пути разными крупными и мелкими фанатиками и начальниками общаго и частныхъ революціонныхъ комитетовъ, да той экзальтаціи, съ которою они стремятся на погибель себѣ и другимъ. »Молодые люди, сдѣлавъ различныя религіозныя приготовленія, по таинственному сигналу, бросаются въ путь;« Не думаемъ, чтобы честное дѣло требовало таинственныхъ сигналовъ, а христіанство могло освящать клятво–преступленіе, возстаніе противъ законной власти и варварское истребленіе невинныхъ христіанъ. Прикрывать подобные поступки именемъ какой–то религіи, значитъ глумиться надъ нею, святотатствовать. Не будетъ ли это тоже, что зарѣзать брата, чтобы сдѣлать votum въ приходской костелъ? Къ чему истому мятежнику фарисейство христіанства! Онъ идетъ путемъ, на который не благословитъ его даже языческая религія.

Этого мало,—принцъ Наполеонъ даже «глубоко сожалѣетъ,» что »Царь написалъ благодарственное письмо (sic) офицерамъ и солдатамъ арміи въ Польшѣ, съ поздравленіемъ, что они исполнили свой долгъ самымъ блистательнымъ образомъ.» Едва ли когда либо чувство сожалѣнія расходовалось на предметъ менѣе располагающій къ этому ощущенію. Ужели русскій Императоръ не можетъ даже благодарить русскихъ воиновъ, «исполняющихъ свой долгъ», погашающихъ крамолу, изъ опасенія возбудить чье либо сожалѣніе? И это у Принца фактъ жестокости! Какъ же нужно было поступить, по мнѣнію Принца,

[1]) Онъ хотѣлъ по своему обычаю, назвать ее, да удержался отъ того; потому—что многіе голоса не позволили ему называть автора письма.

чтобы не заслужить его сожалѣнія? Не обратиться ли было къ воинамъ съ такою рѣчью: напрасно, друзья, вы преслѣдуете мятежниковъ, бьетесь съ ними; вы бы поступили далеко гуманнѣй, если бы не убивали ихъ, не разоряли притоновъ ихъ, спокойно подставляли свой лобъ подъ ихъ пули, а то, пожалуй, перешли на сторону крамольниковъ? Мы не навязываемъ фразѣ Принца этого толкованія, но оно имѣетъ нѣкоторую связь съ его сожалѣніемъ. Если онъ сожалѣетъ о благодарности за исполненіе русскимъ войскомъ своего долга, то, конечно, былъ бы въ восторгѣ отъ явленія противоположнаго благодарности и отъ неисполненія долга. Не мѣшало бы Принцу знать и названіе тѣхъ бумагъ, которыми относится Императоръ къ своимъ войскамъ.

И всѣ эти факты принцъ Наполеонъ называетъ ужасами боя русскихъ съ поляками! Мы думаемъ, что Принцъ напрасно расходуетъ такое ужасное названіе для такихъ маленькихъ ужасовъ. Мы ихъ прослѣдили по порядку, въ какомъ лежатъ они въ рѣчи Принца—оратора и, положа руку на сердце, говоримъ, что ничего въ нихъ не видимъ, кромѣ самыхъ нормальныхъ, гуманныхъ и неизбѣжныхъ мѣръ предосторожности, внушаемыхъ благоразуміемъ,—самыхъ блѣдныхъ явленій, не минуемыхъ въ подобныхъ нашимъ обстоятельствахъ. Но оставимъ за этими явленіями названіе, усвоенное имъ Принцомъ, и спросимъ: какъ-же послѣ этого назвать разные эпизоды изъ польскаго возстанія, воспроизведшіе предъ нами все, что заключаетъ въ себѣ звѣрскаго, возмущающаго душу исторія человѣческихъ варварствъ давно—прошедшаго міра? Принцъ весьма не логично избѣгаетъ разсмотрѣнія оборотной стороны медали; чтобы не впасть въ допущенную имъ односторонность и пристрастіе, пополнимъ хоть бѣгло допущенный имъ пробѣлъ въ обрисовкѣ ужасовъ польскаго мятежа. Этому мятежу предшествовали разныя одинокія убійства—и русскихъ и поляковъ, не сочувствовавшихъ затѣямъ революціонныхъ комитетовъ, болѣй или менѣе удавшіяся отравленія, выстрѣлы въ разныхъ администраторовъ, въ томъ числѣ даже въ Брата Царскаго и другія насилія. Всеобщее возмущеніе началось варѳоломеевскою ночью,—единовременнымъ, разнообразнымъ истребленіемъ сонныхъ, русскихъ воиновъ, расположенныхъ во всемъ Царствѣ, сожженіемъ живыми тѣхъ, которые защищались храбро. Дальнѣйшихъ вар-

варствъ мы даже перечислить не можемъ; ихъ такъ много, и всѣ онѣ такъ отвратительны, что невольно исторгаютъ (какъ выразился одинъ сотрудникъ Вѣстника) изъ очей слезы, изъ груди проклятіе. Въ этой рѣзнѣ изступленныхъ дикарей вы найдете и авто-да-фе, и пытки инквизиціи и вѣшанье человѣка на его кишкахъ, и глумленіе надъ трупомъ русскаго генерала (Черкасова), и убійство женщинъ, дѣтей, вѣшаньемъ на деревьяхъ младенцевъ и разное душегубство, нестѣснявшееся отношеніями дружбы, безоружнымъ положеніемъ, единствомъ вѣры и національности. Представители религіи не только не удерживали христіанъ отъ этихъ душегубствъ, но еще заохочивали къ нимъ своимъ примѣромъ, экзальтировали и безъ того больную фантазію демагоговъ, разрѣшали иосвящали разныя изувѣрства именемъ какой-то (конечно, не Христовой) религіи, успокоивали не совсѣмъ уснувшую совѣстьдогматизированіемъ ученія объ истребленіи русскихъ, кощунственнымъ сопоставленіемъ событій историческихъ, изувѣрскимъ толкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ слова Божія, даже личнымъ участіемъ въ злодѣяніяхъ, которыя были бы омерзительны въ древнемъ жрецѣ Ваала и Молоха. Они собственноручно рѣзали женщинъ за то только, что онѣ не знали, куда отлучились ихъ мужья,—старыхъ друзей (Роннъ) за то только, что они русскіе офицеры; они въ храмѣ Христа, молившагося за своихъ распинателей, проповѣдывали огонь, мечь, ядъ, стрѣляли съ каѳедры церковной изъ револьвера, они обращали эти храмы въ фабрики оружія, въ синагоги революціонеровъ, они принимили личное участіе въ рѣзнѣ съ русскими. Но отвѣтъ нашъ принцу Наполеону никогда не достигъ бы своего конца, если бы мы рѣшились исчислить всѣ варварства демагоговъ надъ друзьями и возстановителями порядка, какія оскверняли и оскверняютъ польскую землю и воздухъ. Не угодно ли вамъ, Принцъ, прочитать перечень хоть тѣхъ истязаній, убійствъ, которыя на дняхъ совершены поляками въ Бѣлоруссіи? Вотъ тѣ люди, съ которыми вы, Принцъ, приказываете намъ обходиться гуманно и въ отношеніи къ которымъ вы позволили себѣ назвать «ужасами» тѣ гуманныя мѣры самосохраненія и благоразумія, о которыхъ сказано выше.

6.

Какъ ни усиливается Принцъ Наполеонъ доказать недру-

желюбіе Россіи къ Франціи, но въ подтвержденіе этаго парадокса ничего не заявлчетъ, кромѣ таинственныхъ намековъ, оставленія вопросовъ безъ отвѣта, самыхъ своеобразныхъ пасяжевъ и давнопрошедшихъ недоразумѣній.

Принцъ Наполеонъ намекаетъ сначала на «затрудненія, которыми сопровождалось признаніе французской имперіи.» Это предметъ весьма щекотливый. Встрѣчаясь съ нимъ, мы предпочитаемъ безобидное для обѣихъ сторонъ умолчаніе откровенной бесѣдѣ. Но все-таки позволяемъ себѣ думать, что русскій Императоръ можетъ имѣть собственныя убѣжденія и даже сообразоваться съ ними, не давая никому въ томъ отчета, не нарушая своей чести и добросовѣстности.

Послѣ крымской войны было сближеніе. Принцъ говоритъ «можетъ быть въ этомъ (сближеніи) была ошибка.» Съ чьей стороны, Принцъ? Вы, кажется, думаете, со стороны Францій? Напрасно! Ошибка, или точнѣе—излишнее довѣріе къ дружбѣ сосѣдей всегда какъ-то приходилось на долю прямодушной и дружелюбной Россіи, по большей части судящей о характерѣ чужихъ симпатій по своимъ собственнымъ и нерѣдко попадавшейся на приманки коварной дружбы. Россія испытала довольно въ этомъ родѣ разочарованій и не краснѣетъ за нихъ.

Далѣе Принцъ Наполеонъ исчисляетъ три услуги, оказанныя Франціи Россіей: «первая, говоритъ онъ, состоитъ въ циркулярѣ, посланномъ Австріи въ итальянскую войну, другая въ оппозиціи образованію коалиціи противъ Франціи въ эпоху присоединенія къ ней Савойи и Ниццы, третья—въ поспѣшности, съ которою Россія признала Италію.» Напрасно Принцъ проходитъ неблагодарнымъ молчаніемъ первыя двѣ и, по поводу только послѣдней уклоняется отъ благодарности подъ предлогомъ, что, оказывая услугу Франціи, Россія хотѣла сдѣлать для себя еще большую.» Тутъ онъ намекаетъ, по обыкновенію, безъ доводовъ, на какую-то цѣль Россіи «перессорить Францію съ Англіей, чтобъ облегчить свои дѣла на Востокѣ.» Незнаемъ, о чемъ тутъ говоритъ Принцъ, знаемъ только, что подобная роль—не въ характерѣ Россіи, тогда какъ другія націи весьма искусны, хоть и не всегда счастливы, въ этихъ роляхъ. А все-таки Принцъ напрасно не благодаритъ Россію за оказанныя ею услуги Франціи и напрасно клевещетъ на Россію, будтобы она слишкомъ «много трубила объ этихъ услу-

гахъ,» По крайней мѣрѣ мы-русскіе первый разъ слышимъ объ этомъ самовосхваленіи скромной нашей отчизны. А если бы Россія и напомнила при случаѣ кому либо объ этихъ услугахъ, развѣ она уменьшила бъ ихъ качество и дала бы поводъ къ укору въ напрасномъ тщеславіи? Отвѣть Россія на ноту Австріи предъ итальянскою войною 300,000 арміей, и половина Европы и нѣкоторыя царствующія династіи, быть можетъ, явились бы въ другомъ видѣ. Войди Россія въ коалицію съ державами, не желавшими отмежеванія Ниццы и Савоіи къ Франціи, и эти области не вошли бы въ составъ ея территоріи. Не признай (*вмѣстѣ съ Австріей*) Россія Итальянскаго королевства, и оно досселѣ не существовало бы. А принцъ Наполеонъ поощряетъ къ бунту подданныхъ противъ своето Государя, тогда какъ этотъ Государь, по своему миролюбивому настроенію и озабоченности внутренними, благодѣтельными реформами, не помѣшалъ, хоть и могъ, прибавленію разныхъ незаконныхъ наростовъ къ француз ской территоріи, составу и признанію королевства сформировашагося путемъ разныхъ насилій! Не будьте, Принцъ, не благодарны, если ужъ не хотите быть благодарнымъ!

Даже въ вѣжливости русскихъ, доходящей нерѣдко до подобострастія, Принцъ Наполеонъ ничего не видитъ, кромѣ «кошачьихъ ласкъ,»—въ похвалахъ императору французовъ—ничего, кромѣ «желанія смягчить сердце (развѣ его нужно смягчать?) Франціи.» Желая обозначить качество, руководяще такимъ поведеніемъ Россіи, Принцъ затрудняется его названіемъ. Нельзя ли назвать этого качества уваженіемъ къ генію императора французовъ, особеннымъ пристрастіемъ къ французской цивилизаціи, сродною русскимъ уклончивостью, деликатностью, незлобіемъ, прямотою, неспособностію къ фатовству, задору, самохвальству или какимъ нибудь однимъ словомъ выражающимъ сочетаніе всѣхъ этихъ—положительныхъ и отрицательныхъ—примѣтъ русской физіологіи? Но это слово, вѣроятно, звучитъ совершенно иначе, когда даже Принцъ Наполеонъ затрудняется его произнесеніемъ и, съ обычною ему деликатностію, добавляетъ: «мы должны скорѣе обижаться, чѣмъ симпатизировать, когда, послѣ крымской войны, пріѣзжали цѣловать руку, которая ударила? А вамъ, Принцъ, хотѣлось бы, чтобъ и послѣ мира продолжалась севастопольская рѣзня? Гуманное и миро-

любивое желаніе! Но кто васъ разберетъ, чего вамъ хочется; дѣло въ томъ, что поцитованныя сейчасъ слова ваши призвели волненіе въ французскомъ сенатѣ, что онѣ были бы грубы и въ устахъ плебея, заносчивы въ устахъ побѣдителя и могли бы пахнуть порохомъ, еслибъ сказаны были кѣмъ либо другимъ. Хорошо, если ваша выходка мѣтила въ немногихъ только космополитовъ; мы за нихъ распинаться не станемъ, и утѣшимъ себя, и помиримся съ вами русскою пословицей: въ семьѣ не безъ урода. Но если фраза ваша нѣсколько общѣе, чѣмъ мы предполагаемъ; то вы выразились весьма неосторожно, бросили грязью въ лице самой честной и дружелюбной націи. Выражаясь такимъ образомъ весьма не трудно ожесточить самую миролюбивую націю, весьма не трудно дойти до мѣны ролями, и при измѣнѣ счастія, преобразиться изъ цѣлуемаго въ цѣлующаго, изъ бьющаго въ битаго. Не даромъ послѣ вашей рѣчи, Принцъ, министръ безъ портфеля сказалъ: «всякое слово, неосторожно сказанное въ этомъ собраніи (сенатѣ) можетъ быть причиною того, что въ Польшѣ польются рѣки крови;» а вы, Принцъ, сказали подобныхъ словъ не мало. Не даромъ тотъ же министръ сказалъ: «пора слову спокойному и сдержанному возстановить истинное положеніе вещей.» Эта фраза ясно и торжественно заявила ту истину, что слова, предшествовавшія слову г. Бильо не были ни спокойны, ни сдержанны. Мы вполнѣ соглашаемся съ г. Бильо и прибавляемъ, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ фразъ—ни do nóg padam, ni całuię nóżki, что въ русскомъ духѣ нѣтъ тѣхъ низостей, которыя дали бы Принцу Наполеону право упрекать Россію въ лобзаніи бьющей десницы. Не согласны мы съ Принцомъ и въ той мысли, что наша деликатность съ французами есть знакъ слабости. Мы не думаемъ, чтобы дерзость и забіячество были привиллегированною вывѣскою силы. Можно быть сильнымъ, какъ слонъ, и, какъ онъ, смирнымъ и благоразумнымъ и можно быть слабымъ, какъ оса, и какъ она егозливымъ и ядовитымъ. Не всѣ люди, храбрые на словахъ, храбры на дѣлѣ; даже бываетъ, по большей части, на оборотъ.

7.

Какъ только дѣло касается мѣръ, направленныхъ къ спокойствію Европы и внушаемыхъ здравымъ смысломъ и существующими трактатами, краснорѣчіе принца Наполеона неумолимо. Оттого и конвенція Пруссіи съ Россіей въ свою оче-

редь сдѣлалась предметомъ его остроумія, и тоже не совсѣмъ меткаго. Хоть Принцъ и говоритъ, что «отъ этой конвенціи отреклись (?),» но, сколько намъ извѣстно, отъ нея не отрекались ни русскіе, ни прусаки, а для прочности конвенціи *между ними* ничего болѣе не нужно, особенно, когда эта конвенція не есть произведеніе позднѣйшей прихоти, а примѣненіе къ дѣлу существующихъ трактатовъ и обоюдная гарантія личной безопасности, вызванная особыми обстоятельствами. *Проповѣдники мира* могутъ, пожалуй, усиливаться разстроить эту конвенцію, но это едвали сдѣлаетъ много чести ихъ миролюбивымъ намѣреніямъ и дальновидности.

Принцъ Наполеонъ весьма, поэтому, не точно называетъ «плохою шуткою слова зарейнскихъ министровъ: мы ихъ (поляковъ) не передаемъ, а перегонимъ за русскую границу.» Слова эти могутъ показаться шуткою только для человѣка, который не умѣетъ различить значенія словъ передавать и перегонять. Пруссаки точно не передавали,—не конвоировали, не сдавали съ рукъ на руки русскимъ, а перегоняли за русскую границу русскихъ подданныхъ, взбунтовавшихся противъ своего законнаго и гуманнаго Повелителя, и, вопреки международныхъ отношеній и дружескихъ связей двухъ націй, перешедшихъ чужую границу и хотѣвшихъ въ одной изъ этихъ націй укрыться отъ отвѣтственности предъ закономъ за самое капитальное изъ уголовныхъ преступленій. Если бы Пруссія употребила даже буквальную передачу польскихъ мятежниковъ русскому правительству, и тогда она не нарушила бы ни обязательствъ союза съ Россіей, ни правилъ долга и чести; тогда какъ, еслибъ она оказала имъ гостепріимство и покровительство она нарушила бы статьи договоровъ, перенесла революцію на другую только почву и сдѣлала замѣтный шагъ къ безпричинной войнѣ съ дружелюбною сосѣдкой.

Развивая далѣе нить своей силлогистики о конвенціи, Принцъ Наполеонъ прибѣгаетъ опять къ дилеммѣ, и также неудачно, какъ прежде. Онъ вдается въ однѣ крайности и говоритъ, что конвенція Пруссіи съ Россіей «или глупость, или очень важный фактъ.» Хотя Принцъ такъ деликатенъ, что почти отвергаетъ первую посылку, но мы думаемъ, что эта конвенція-ни то, ни другое,—а просто результатъ обязательствъ, мѣра, вызванная характеромъ событія и предусмотрительнымъ

огражденіемъ взаимной безопасности—не отъ польскихъ революціонеровъ, ничтожность которыхъ осязательна, а отъ друзей ихъ и революціонеровъ Европы, [1]) безъ расчета на участіе которыхъ ни одинъ полякъ съ здоровою головою и не подумалъ бы о битвѣ—ни больше ни меньше—какъ Польши съ Россіей (!). А между тѣмъ Принцъ Наполеонъ, отстаивая раціональность послѣдней своей посылки, строитъ подъ диктовку «своего здравомыслія,» слѣдующее глубокомысленное соображеніе: «Россія была вынуждена къ эмансипаціи, которая сдѣлала недовольными всѣхъ—дворянъ и крестьянъ. Ея силы нужны были внутри; а Пруссія взяла на свою долю Польшу. Это (продолжаетъ Принцъ) доказывается тѣмъ, что въ Познани живетъ коммиссаръ русской полиціи, для спроса путешественниковъ, отправляющихся изъ Берлина въ Познань» и проч. Въ этой тирадѣ, что ни фраза, то парадоксъ и заблужденіе. Къ эмансипаціи никто не могъ принудить Освободителя русскаго народа, кромѣ Его ума и сердца. Напротивъ, Онъ—одинъ едвали не принудилъ (однихъ) и не расположилъ (другихъ) къ ней весьма многихъ, для которыхъ она казалась убыточною. Эта эмансипація, вопреки обычаю другихъ націй, совершилась такъ тихо, устроилась такъ разумно, что свобода крестьянъ снизошла на землю русскую такъ незамѣтно, какъ (употребимъ библейское сближеніе)—роса на вóлну. Мелкія, по поводу ея недоразумѣнія, подсказанныя народу не многими любителями смутъ, прошли уже давно и безслѣдно. Только люди близорукіе и злые хотѣли видѣть въ нихъ нѣчто серьозное, разсчитывали на нихъ, какъ на союзника своему революціонному дви—

[1]) Въ письмѣ какой-то дамы изъ Кракова, читанномъ принцомъ въ сенатѣ; онъ назвалъ имя одного раненнаго въ рядахъ поляковъ начальника зуавовъ—Рошбрюна; а мы могли бы назвать сотни не польскихъ именъ, принадлежащихъ людямъ убитымъ и взятымъ въ плѣнъ русскими, при усмиреніи польскаго буйства. Не думаемъ, чтобъ этимъ людямъ запрещено было сражаться въ рядахъ взбунтовавшихся подданныхъ противъ своего государя; а если не запрещено, то не значитъ ли это объявить войну Россіи, хоть и не прямымъ образомъ?

женію и ввели въ заблужденіе тѣхъ изъ европейцевъ, которымъ пріятно вѣрить всякой выдумкѣ на счетъ признаковъ близости всеобщей революціи въ Россіи. Пусть только эти господа прислушаются къ тому взрыву поголовнаго заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ, съ которымъ явились недавно предъ своимъ Монархомъ всѣ сыны Россіи, и они догадаются, что это кличь единодушія, крѣпкій голосъ одной громадной семьи, забывающей въ минуты внѣшней напасти кое-какія мелкія дрязги семейныя, плотно групирующейся вокругъ своего Домовладыки, съ обѣтомъ: умремъ а не выдадимъ нашего Батюшки—царя, умремъ, а не уступимъ врагу и сажени земли родной!

Возстаніе Польши, даже при тѣхъ украдочныхъ-моральныхъ-субсидіяхъ, какія она получаетъ теперь со внѣ, дѣйствительно само въ себѣ слишкомъ мелко для того, чтобы возбудить опасеніе и вызвать коалицію двухъ крупныхъ державъ; но эта коалиція пришлась весьма кстати и потому уже, что на нее злятся, толкуютъ о ней, боятся ея, что она держитъ въ statu quo многихъ искателей приключеній и не позволяетъ имъ выходить изъ черты трескучихъ тирадъ, безплодныхъ угрозъ, заявленія *словесныхъ* симпатій и антипатій. А все-таки Прусія въ этой коалиціи играть играетъ роль только доброй союзницы Россіи и мудрой гасильщицы революціоннаго пожара у себя дома-не болѣе. Весь свѣтъ видитъ, что принцъ Наполеонъ не только плохой пророкъ, но даже-историкъ,-что Пруссія и Россія не только не подадутъ ему повода думать, что силы первой понадобятся для усмиренія Польши, тогда какъ силы послѣдней будутъ устремлены на погашеніе домашнихъ (воображаемыхъ) смутъ; но и не подали. Всѣ видятъ явственно тѣ роли, которыя выполняютъ въ усмиреніи буйства мечтателей польскихъ двѣ союзницы. Но не думайте, чтобы принцъ строилъ миражи; у него есть «доказательства« (а цитуетъ одинъ фактъ). Вотъ онѣ: «русскій коммиссаръ полиціи живетъ въ Познани для спроса путешественниковъ, отправляющихся изъ Берлина въ Познань;» слѣдовательно, Пруссія (такъ разсуждаетъ принцъ) ассигновала свои военныя силы для Польши. Удивительная логика! Слѣдовательно, консулъ французскій въ Каирѣ, служитъ доказательствомъ того, что, въ случаѣ бунта Египта противъ Турціи, Франція беретъ на свой пай усмиреніе Египта? Живетъ въ Пруссіи чиновникъ русскій, и изъ этого видно, что

Пруссія (а не Россія) должна вѣдаться съ Польшей! Не скорѣе ли на оборотъ? Забавное сближеніе идей и построеніе умозаключеній!...

Что касается поведенія Австріи, оно и насъ, вмѣстѣ съ Принцомъ, «удивляетъ,» но не «удовлетворяетъ.» Это потому, что она стоитъ къ польскому вопросу въ такомъ же отношеніи, какъ Пруссія и Россія, что гдѣ бы этотъ вопросъ поднятъ ни-былъ, отвѣтъ касается каждой изъ трехъ союзныхъ державъ въ равномѣрной степени, и что, по этому, Австріи давно бы пора сдѣлать подражаніе Пруссіи. А что вопросъ предложенъ сперва въ Царствѣ Польскомъ,—не въ Познани,—не въ Галиціи, это значитъ только то, что Россія—врагъ обычный, православный, что въ одной Россіи втрое больше спрашивающихъ, нежели въ остальныхъ двухъ и что, порѣшивъ вопросъ съ Россіею, Польшѣ легко уже было бы порѣшить его съ Пруссіей и Австріей. Польша, очевидно, держится правила своихъ руководителей: divide et impera.

8.

Но что насъ особенно удивляетъ, такъ это нетерпѣливый и легкій отзывъ принца Наполеона объ Англіи. Мы еще не знаемъ на-вѣрное той задней мысли (кажется, чувства), которая заправляла фразой Принца, а только ясно видимъ, что эта фраза не совсѣмъ лестна, или точнѣе,—слишкомъ не лестна для Англіи. Подумаешь, что Принцъ Наполеонъ хотѣлъ подвести подъ одинъ ударъ всѣхъ—и мнимыхъ враговъ, и *вѣчныхъ* союзниковъ Франціи. Усвоеніе Англіи эпитетовъ «эгоистической націи, неспособной дѣйствовать,» названіе англичанъ «великими посредниками, фабрикантами, счетчиками, трусами (они названы «боязливыми»), которыхъ опасаться не слѣдуетъ,»—все это, какъ видите,—довольно ясная рекомендація Англіи и англичанъ. Есть правда, у англичанъ грозный флотъ; но что онъ для Принца Наполеона! Онъ просто «водитъ его на буксирѣ французскаго флота изъ Саламанки въ Константинополь,» какъ ведетъ, наприм , зрячій нищій слѣпаго нищаго изъ дома въ домъ. Принцу, очевидно, хочется уменьшить заслуги, оказанныя во время крымской войны англійскимъ флотомъ коалиціи Европы противъ Россіи; но Принцъ смѣло можетъ остаться при своемъ желаніи, нисколько не разсчитывая на обобще-

ніе его *съ членами сената* (выразившими отрицаніе) и кѣмъ бы то ни было изъ людей, имѣющихъ хотя слабое понятіе о крымской экспедиціи. Если французскому флоту вздумается водить за носъ англійскій, то съ нимъ можетъ повториться абукирская исторія. Если бы не англійскій флотъ (не въ одномъ только Черномъ морѣ), русскій весьма легко могъ бы сыграть съ французскимъ такую же трагедію, какую сыгралъ онъ съ турецкимъ при Саламанкѣ, а во всякомъ разѣ нашихъ твердынь не громили бы съ моря, русскій, черноморскій флотъ не былъ бы уничтоженъ. Не забудьте, Принцъ, что и на материкѣ Крыма, англичане если не были сильны количествомъ, то не были слабѣе французовъ качествомъ. Мы доселѣ помнимъ тѣхъ 6000 сыновъ Альбіона, которые однажды, словно каменные, приросли къ почвѣ и дали совсѣмъ иной оборотъ одному дѣлу, отъ котораго много зависѣли шансы крымскаго человѣкоистребленія. Короче: мы хоть не заключали съ англичанами, подобно Франціи, договора вѣчного мира, а все-таки, по долгу справедливости, нисколько не сочувствуемъ аттестаціи Принца одной изъ державъ, крѣпкой и внутреннею силою и внѣшней. Не эта ли сила, да кое-какія воспоминанія и вызвали безсильный пасквиль на Англію Принца—оратора.

9.

Принцъ Наполеонъ весьма часто говоритъ о своихъ личныхъ симпатіяхъ къ полякамъ, о симпатіи къ нимъ корсиканской династіи и всей Франціи. Хотя Принцъ нерѣдко обобщаетъ эти симпатіи въ одномъ *мы*, но мы думаемъ, что это натяжка, что эти симпатіи весьма не похожи другъ на друга и по характеру, и по степени чувства, и по явленіямъ. Общаго въ нихъ только—причина, а отношенія къ нимъ Принца, династіи, націи—весьма различны. Основательныхъ причинъ этой симпатіи собственно нѣтъ и не было. Племенныхъ связей между французами и поляками, конечно, не существуетъ; языкъ ихъ, характеры и нравы безконечно различны; католичество не есть такое исключительное достояніе Франціи, чтобъ оно одно могло привлечь ея симпатіи къ единовѣрной Польшѣ; историческая жизнь обѣихъ націй шла вѣчно на разстояніи и законѣ двухъ паралельныхъ линій; откуда жъ было выродиться этимъ симпа-

тіямъ? Правда, симпатіи, какъ дѣло вкуса,-чувство безотчетное, безконтрольное; но все же какъ-то странно видѣть чудака, восторгающагося жабьими глазками, собирающаго коллекцію уродовъ, любящаго по цѣлымъ часамъ плевать съ моста въ Сену и проч Это мы говоримъ къ тому, чтобы намекнуть на отсутствіе въ личности поляковъ такихъ примѣтъ, которыя молги бы возбудить къ нимъ основательную и прочную привязанность. Какія жъ именно причины могли возбудить въ комъ либо изъ французовъ хоть ту степень сочувствія къ полякамъ, которую принцъ Наполеонъ возводитъ въ квадратъ? Всему свѣту извѣстно, что начало симпатій французовъ къ полякамъ (вѣрнѣе говорить наоборотъ) весьма не старо; оно почти совпадаетъ съ началомъ ихъ несчастій, съ паденіями Польши. Въ послѣднихъ конфедераціяхъ поляковъ, возставшихъ противъ собственнаго короля, поддерживаемаго сосѣдями, Франція весьма незаконно, хоть не прямо, очутилась на сторонѣ первыхъ. Съ тѣхъ поръ какъ-то обратилось въ привычку-полякамъ пѣть Лазаря предъ французами о своемъ злополучіи, угнетеніи, падать имъ до ногъ, цѣловать ихъ ручки,—а французамъ щеголять предъ ними своимъ рыцарскимъ великодушіемъ, меценатствомъ, героизмомъ, раздѣлять ихъ антипатіи и неудачи. Говоримъ неудачи, потому что симпатіи французовъ не только никогда не приносили счастья ни имъ, ни полякамъ, но напротивъ всегда вѣрно пророчили горе и неизмѣнно сопровождались обоюднымъ злополучіемъ. Факты, подтверждающіе эту истину, такъ свѣжя и такъ извѣстны всякому, что мы совѣстимся утомлять нашихъ читателей поставленіемъ ихъ на видъ. Довольно указать на самый крупный изъ нихъ—на 1812 г., чтобъ убѣдиться въ основательности нашего замѣчанія, въ логической связи этого года съ 1815 г. И теперь, если бы нѣкоторые французы, да англичане (большею частію пріемыши Англіи) не экзальтировали польскихъ революціонеровъ, не убаюкивали ихъ легковѣрія своимъ содѣйствіемъ, не раздували ихъ тщеславія напыщенными фразами,—польская революція или вовсе бы не вспыхнула, или угасла бы назадъ тому 4 мѣсяца, когда еще Польша не принесла ей такихъ тяжкихъ жертвъ, когда еще не было пролито море молодой, польской крови. Несчастныя симпатіи!..... За то огромное большинство благоразумныхъ французовъ-противъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, противъ метамор-

фоза чувства въ дѣло. Это доказано цифрою,—огромнымъ большинствомъ голосовъ въ пользу «перехода къ очереднымъ занятіямъ,» вызваннымъ логичною, непоколебимою, благородною рѣчью г. Бильо, отвѣчавшаго на другой день на рѣчь принца Наполеона и подобныхъ ему электризаторовъ польскаго увлеченія, фантазеровъ, не видѣвшихъ связи фразъ съ явленіями, затемнявшихъ истину ложнымъ толкованіемъ исторіи и современности.

Личная симпатія Принца къ полякамъ есть такое чувство, декларація котораго предъ сенатомъ была совершенно лишняя—и для сената, и для поляковъ. Чувство, изъ котораго нельзя сдѣлать никакого примѣненія, не можетъ выдти изъ своего вмѣстилища, не профанируя самаго себя и того лица, которое занимается безцѣльнымъ, словеснымъ заявленіемъ его. Иное дѣло, если бы Принцъ могъ подтвердить свои симпатіи 200,000 арміей, тогда бы и симпатіи имѣли смыслъ и польское возмущеніе—союзниковъ. А теперь, когда симпатіи Принца, вмѣстѣ съ нимъ, очутились на Востокѣ, мы вправѣ предположить, что въ нихъ просвѣчивалось довольно своекорыстное желаніе, чуть ли не симпатія болѣе къ коронѣ польской, нежели полякамъ. На такое предположеніе наводили насъ сами поляки.

Симпатіи къ полякамъ царствующей теперь во Франціи династіи—тоже весьма сомнительнаго характера. Эта династія никогда не скупилась на обѣщанія Польшѣ тѣхъ благъ, которыхъ никогда не дала ей; а легковѣрные поляки лѣзли изъ кожи, чтобъ угодить своимъ *милостивцамъ*, гибли тысячами и на морѣ, и на сушѣ, гибли вездѣ, гдѣ только развѣвалось французское знамя, а особенно не скупились на свою гибель тогда, когда это знамя развѣвалось на территоріи русской. Эти симпатіи стоили полякамъ въ теченіи одного вѣка, около 300,000 жертвъ, да трехъ великихъ несчастій Польши. Если онѣ продолжатся, есть надежда, что Польша исчезнетъ сама собою, исчезнетъ отъ излишней дружбы.... Неудобство дружескихъ услугъ усложняется еще немножко и отъ препятствій топографическихъ,—отъ того, что между друзьями лежитъ нѣсколько государствъ, не сочувствующихъ ихъ симпатіямъ. По этому вмѣсто фразы принца Наполеона: «симпатіи французовъ къ полякамъ всегда сказывались предъ великими дѣлами, въ минуты торжественныя,» не лучше ли выразиться такъ: эти симпатіи

всегда предшествовали великимъ несчастіямъ и Польши и частію Франціи; за ними слѣдовали минуты расканнія, жатва политическихъ ошибокъ и увлеченій.

Факты, которыми Принцъ Наполеонъ хочетъ доказать симпатичность къ полякамъ Наполеоновъ I и III такъ блѣдны и двусмысленны, что для симпатій обѣихъ сторонъ было бы выгоднѣе, еслибъ они остались въ неизвѣстности. Принцъ читаетъ «извлеченіе изъ меморіала св. Елены, которое показываетъ, что еслибъ императоръ успѣшно окончилъ войну съ Россіей, то у него былъ проэктъ возстановить королевство польское—отдѣльнымъ, сильнымъ государствомъ.» Кто не видитъ, что вся сила этаго аргумента держится на—*если бы*? На такое великодушіе мы думаемъ, способенъ всякій. И пишущій эти строки можетъ смѣло сказать нищимъ: если бы мнѣ дали мильонъ, я бы вамъ подарилъ тысячу. Отъ подобной фразы ни онъ не сдѣлается богаче ни бѣдные. А покорить Россію далеко труднѣе (какъ доказали опыты), нежели бѣдняку, пишущему это, получить мильонъ. Бѣдные поляки, такъ дорого купившіе честь—влачиться за тріумфальною колесницею побѣдителя, такъ щеголевато погибшіе, наконецъ, тысячами съ своимъ щеголеватымъ генераломъ въ Россіи, конечно, заслужили щеголеватую фразу узника св. Елены, имѣвшаго довольно досуга для сѣтованія о несбывшихся желаніяхъ и сочиненія позднѣйшихъ проэктовъ. Была, правда, оказана Наполеономъ I Польшѣ одна и фактическая услуга,—это реформа внутренней ея жизни въ началѣ настоящаго столѣтія, но эта реформа, задуманная слишкомъ своеобразно, исполненная слишкомъ торопливо, доказала только ту истину, что великіе полководцы не всегда бываютъ великими администраторами, политико—экономистами и этнографами. Даровавъ однимъ махомъ пера свободу польскимъ крестьянамъ, безъ клочка земли,—Наполеонъ повергъ народъ въ болѣе беззащитное рабство, а шляхтѣ предоставилъ болѣе безконтрольную деспотію, а тѣхъ и другихъ обратилъ въ два непріятельскихъ лагеря. Кодексъ Наполеоновъ тоже не пришелся ни по нраву, ни по климату, ни по исторіи поляка.

Вдохновляясь «Наполеоновскими идеями,» Принцъ говоритъ: «всему свѣту извѣстно, что въ 1831 г. два главныхъ лица польскаго временнаго правительства обращались къ принцу

Людовику въ Аренсбергѣ съ просьбою его содѣйствія (?). Исторія подтвердитъ (когда же?) что онъ выѣхалъ, и если остановился, то потому только, что узналъ о взятіи Варшавы.» А еслибы не узналъ, Принцъ, что тогда? онъ сражался бы въ рядахъ поляковъ? Положимъ, что такъ, положимъ даже, что это былъ бы признакъ симпатіи, чтожъ вышло бы изъ этого? Не думаемъ, чтобы польское дѣло слишкомъ сильно подвинулось впередъ отъ этого союза; мы даже думаемъ, что оно запуталось бы нѣсколько отъ сторонняго вмѣшательства. Да и симпатіи тутъ было бы не такъ много, чтобы поставлять ее на видъ такъ казисто. Кто не знаетъ, что принцы—Бурбоны бьются въ рядахъ американцевъ противъ американцевъ, а однако отсюда еще не видно, чтобъ они имъ особеннымъ образомъ симпатизировали. Вообще, что ни говорите, Принцъ, а благодѣянія Наполеоновъ полякамъ всегда какъ-то опаздывали и не выходили изъ сферы сомнительныхъ желаній, предположеній, тогда какъ Польша проливала для нихъ лучшую, наличную кровь своихъ сыновъ.

10.

Принцъ Наполеонъ весьма часто говоритъ о законности и всеобщности польскаго движенія. Прежде всего скажемъ однажды на всегда, что Принцъ не точно называетъ возстаніе поляковъ,—его нужно называть *возмущеніемъ* противъ законной власти, безпричинною рѣзнею всѣхъ, кто не сочувствуетъ увлеченію революціонеровъ. Это подлинное, собственное имя настоящаго возстанія. Далѣе, это возстаніе и беззаконно и не всеобще, не единодушно. Права Россіи на Польшу такъ крѣпки и ясны, что мы обидѣлибъ эти права, еслибы стали ихъ доказывать. Поводовъ къ ожесточенію поляковъ, какъ мы видѣли, Россія не подала. Быть можетъ, она своимъ снисхожденіемъ къ Польшѣ—дарованіемъ ей такихъ правъ и преимуществъ, которыхъ не имѣютъ даже родные, добрые сыны Россіи, возбудила въ полякахъ безразсудныя и ненасытныя желанія? Другихъ, по крайней мѣрѣ, ошибокъ Россія въ отношеніи къ Польшѣ не сдѣлала. Есть, правда (кромѣ указанныхъ выше), еще одно обстоятельство, которое задѣло и гоноръ и корыстолюбіе польской шляхты—это свобода холопа. Польскій панъ воспитанъ

въ такихъ преданіяхъ, такой лѣни и спѣси, что отнятіе рабовъ для него равносильно отнятію жизни. У него похищено вдругъ все, чѣмъ питались его страсти, что дѣлало его средневѣковымъ вассаломъ; онъ не имѣетъ нужныхъ познаній и терпѣнія для самодѣятельности; съ отнятіемъ холопа, съ предоставленіемъ сему послѣднему правъ едва не уравнивающихъ какого нибудь почти не человѣка съ ясневельможнымъ,—онъ почелъ себя униженнымъ, обиженнымъ, разореннымъ. Но такъ какъ пану нельзя было явно отстаивать свои прежнія права на холопа, нельзя было даже, не протежируя варварства, не возбуждая къ себѣ презрѣнія, нарекать на эмансипацію народа; то пану оставалось одно средство—мстить Россіи—или точнѣй—ея Освободителю,—чѣмъ можно и гдѣ можно. Отъ того вмѣстѣ съ работами, предшествовавшими свободѣ крестьянъ, началась усиленная дѣятельность революціоннаго польскаго комитета въ Парижѣ и организація подобныхъ комитетовъ въ другихъ центрахъ; оттого съ эпохою освобожденія народа отъ самовластія польскихъ пановъ совпадаетъ польскій трауръ, пѣніе въ костелахъ возмутительныхъ гимновъ, разные символическіе знаки, прокламаціи, работа подпольной литературы, одинокіе выстрѣлы и другія подготовленія горючихъ веществъ для революціи. Поставляемые на видъ предлоги къ польскому возстанію не имѣютъ никакого смысла и основанія.

Польскій буржуа (шляхта), считая себя «równym wojewodzie,» тожъ нашелъ себя обиженнымъ, когда увидѣлъ, что цѣлые мильліоны презрѣнныхъ холоповъ становятся съ нимъ рядомъ и, при своемъ трудолюбіи и умѣренности, могутъ опередить его на поприщѣ довольства и гражданственности. Буржуазія убоялась соперничества этихъ свободныхъ мильліоновъ въ тѣхъ профессіяхъ, которыя доселѣ были почти безраздѣльнымъ ея достояніемъ, а когда конскрипція отяготѣла исключительно на этомъ спѣсивомъ испорченномъ сословіи, оно, сильнѣе еще экзальтированное паничемъ, ксендзомъ и женщиной, съ безсмысленнымъ ожесточеніемъ ринулось въ омутъ революціи. Гдѣжъ тутъ законность возстанія?—Если даже допустимъ то, чего не случилось,—допустимъ угнетеніе поляковъ Россіею, и тогда возмущеніе ихъ не будетъ законнымъ. Прежнее обхожденіе поляковъ съ русскими (не подданными—не забудьте!), узаконило для сихъ послѣднихъ равномѣрное возмездіе. ***Въ ню-***

же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ, сказалъ даже незлобивый Христосъ. Но, хотя поляки и не получили монополіи на угнетеніе русскихъ, мы никогда и не думали разчитываться съ ними тою же монетою. Если бы даже угнетеніе поляковъ «превышало (какъ выражается принцъ Наполеонъ) мѣры терпѣнія,» они должны были протестовать на это угнетеніе своему законному правительству и, конечно, получили бы (и получали, хоть и не были угнетаемы) удовлетвореніе во всякой законной претензіи; но отнюдь не разрѣшать себѣ попранія всѣхъ правъ божескихъ и человѣческихъ: рѣзать и вѣшать женщинъ, топить дѣтей, колоть беззащитныхъ—и своихъ и русскихъ, душить сонныхъ, сожигать живыхъ, глумиться надъ трупами, услаждаться пытками,—троекратнымъ вѣшаньемъ одного человѣка и проч. и проч. ([1])

Тѣмъ менѣе мы можемъ, вмѣстѣ съ принцомъ, признать польское возмущеніе «всеобщимъ». Хотя всеобщность преступленія не дѣлаетъ его ни менѣе преступнымъ, ни болѣе извинительнымъ предъ закономъ; но мы скажемъ не поколебимую истину, когда заявимъ, что въ настоящемъ возстаніи участвуетъ огромное меньшинство поляковъ. Вотъ наши основанія: въ настоящемъ возстаніи вовсе не участвуетъ народъ (разумѣемъ жителей селъ и частію мѣстечекъ).. Не только въ областяхъ русскихъ, но и Царствѣ Польскомъ простой народъ принимаетъ положительное участіе въ подавленіи мятежа и сокращеніи мятежниковъ. Онъ уже представилъ большія сотни плѣнныхъ революціонеровъ начальникамъ нашихъ военныхъ отрядовъ и правителямъ русскимъ. Въ областяхъ русскихъ такъ накипѣло чувство народной мести къ старымъ врагамъ, что войска на-

([1]) Сваливаютъ вину на ожесточеніе; но коль скоро это ожесточеніе безпричинно, оно само обращается въ злодѣяніе. Неужели разбойнику довольно сказать предъ судьею: я ни въ чемъ невиноватъ, я ожесточился,—что бы судья отвѣтилъ ему: извините, что я безпокоилъ васъ, я, право, не зналъ, что вы ожесточились. Ужели ожесточеніе можетъ извинить и тѣ правила временнаго революціоннаго правительства, въ которыхъ указаны роли неслыханныхъ варварствъ такимъ даже дѣтямъ, которыя едва получили способность ходить?

ши съ трудомъ могутъ удерживать простой народъ отъ неизбѣжныхъ въ между-народныхъ свалкахъ эпизодовъ жестокости и произвола. Огромное большинство людей порядочныхъ, богатыхъ, разумныхъ, истинныхъ патріотовъ Польши—рѣшительно противъ революціи. Тысячи ихъ эмигрировало отъ ножа и грабительства польскихъ демагоговъ, или укрылось подъ защиту твердынь Варшавы и другихъ центровъ, гдѣ вѣрнѣе гарантирована ихъ свобода, достояніе и жизнь. Для той же цѣли нерѣдко революціонеры сами сдаются военно-плѣнными войску или народу. Принцъ Наполеонъ насчиталъ Черторыйскаго, Лангевича—*и обчелся*, тогда какъ мы могли бы насчитать тысячи дворянъ, избѣгающихъ даже встрѣчи съ соучастниками польскаго возстанія, не смотря на угрозы со стороны сихъ послѣднихъ, при всякомъ удобномъ случаѣ (когда, то есть, не подвергая испытанію своей храбрости, можно убить благороднаго человѣка разбойничьимъ образомъ) приводимыя въ исполненіе. Да и самъ-то Лангевичъ-плебей въ сравненіи съ сотнями людей, оставшихся вѣрными чести, присягѣ, долгу и здравому смыслу. Далѣе богатая, степенная и честная буржуазія отвернулась отъ революціи. Изъ среды ея выдѣлилась только извержениость этого сословія: чернорабочіе, поденщики, мастеровые, подмастерьи,—все народъ молодой, кутежный, нищій, котораго легко было увлечь небольшими приманками, экзальтировать чѣмъ угодно, которому терять было нечего. Такимъ образомъ въ итогѣ поляковъ, бросившихся въ водоворотъ революціи, остаются фанатики ксендзы, большинство польской молодежи, воспитанное безъ правилъ и убѣжденій, плохо учившееся, живущіе воображеніемъ, легко воспламеняемые, предпочитающіе усидчивымъ занятіямъ науками сильныя движенія страстей, тревожныя ощущенія боевой, кочевой жизни. Въ рядахъ этой молодежи, проповѣдующей *пока* равенство, вы, конечно, можете подмѣтить тамъ—и здѣсь и недорослей изъ порядочныхъ фамилій, и увлеченныхъ насильно, при первомъ случаѣ сдающихся русскимъ, плебеевъ. Если къ этимъ инсургентамъ присоединить около тысячи дѣвицъ и женщинъ тогоже возраста и настроенія, помогающихъ дѣлу Польши чѣмъ можно—и, за недостаткомъ реальныхъ средствъ—хоть чернымъ костюмомъ, экзальтаціей юноши—возмутительнымъ шикомъ, краснорѣчивой квестіей и другими, искусно выполняемыми, ро-

лями патріотки,—то составится весь комплектъ, дѣйствующей польской арміи. Наткнуться среди ея на личность безъ укора (все-таки молодую) также трудно, какъ среди степей Сахары на оазисъ. И будьте увѣрены, что и эти немногія личности очутились тутъ какъ нибудь случайно: или потому, что ихъ увлекла любовь или дружба, личная месть или разрушительное направленіе современной молодежи, или мелочное тщеславіе, раздутое усвоеніемъ пану слишкомъ крупнаго числа въ составѣ революціонеровъ, или обѣщаніемъ широкаго круга дѣйствій въ администраціи будущей Польши.

Увольненіе архіепископа Фелинскаго изъ государственнаго совѣта есть фактъ, который можно объяснить образомъ мыслей этаго прелата, совершенно противоположнымъ принципу принца Наполеона. Въ государственномъ совѣтѣ (какъ сказано выше) запрещено разсуждать о дѣлахъ политическихъ и обсуждать мѣры правительства; а между тѣмъ въ настоящее бурное для Польши время—разсуждать больше почти не о чемъ; такъ какъ дѣла касающіяся улучшенія края, почти поглотились дѣлами разрушенія его и терзанія въ безурядицахъ революціи. Собственно говоря, въ настоящее время, и другимъ членамъ въ совѣтѣ дѣлать нечего, тѣмъ болѣе прелату, предназначенному для мирныхъ занятій дѣлами религіи, а не для того, чтобы постоянно находиться между двумя огнями и, безъ пользы для дѣла, подвергаться выстрѣламъ обѣихъ сторонъ. Взглядъ на революцію поляковъ и отношенія къ ней архіепископа Фелинскаго такъ извѣстны, что къ увольненію его *по прошенію* изъ числа членовъ государственнаго совѣта никакъ нельзя примѣнить того толкованія, которое натягиваетъ къ этому увольненію принцъ Наполеонъ. Всѣмъ извѣстны тѣ угрозы, тѣ непріятности, которымъ подвергался этотъ прелатъ за свое трезвое и благонамѣренное поведеніе въ минуты настоящей революціи. А если бъ онъ, наконецъ, уволился изъ совѣта и по сочувствіи къ возстанію, ужели его сочувствіе можно назвать *всеобщимъ*?

Сравненіе мятежа 1831 года съ настоящимъ, несмотря на всѣ натяжки принца, ничего не говоритъ въ пользу послѣдняго. Это—сравненіе двухъ преступленій, изъ которыхъ одно хуже другаго. Возмущеніе 31 года имѣло хоть нѣкоторый человѣческій смыслъ и воинственный характеръ; а настоящее—

просто дикая рѣзня изъ-за уловленія миража, подсказанная со внѣ. Какъ ни усиливается принцъ Наполеонъ сообщить ей сколько нибудь героизма, значенія и основанія, его усилія не достигаютъ своей цѣли. Въ одномъ мѣстѣ принцъ для большаго эффекта намекаетъ, между прочимъ, на обѣтъ поляковъ «лучше умереть среди лѣсовъ, чѣмъ сносить угнетенія (?).» Не знаемъ, что хотѣлъ сказать ораторъ въ этой громкой фразѣ: намекалъ ли онъ на обычный методъ веденія войны поляками, перенятый настоящими инсургентами отъ предковъ или хотѣлъ доказать, что умирать въ лѣсу несравненно храбрѣй и честнѣе, нежели въ полѣ,—не знаемъ; знаемъ только то, что возмущеніе 31 года походило нѣсколько на битву европейцевъ, а настоящее есть рѣзня дикарей давнопрошедшихъ временъ. Хотя принцъ старается смягчить дикость эпизодовъ этой рѣзни тѣмъ парадоксомъ, что взгляды моралиста и политика на бунтъ, рѣзню должны быть различны; но мы не унизимся до той кощунственной сентенціи, что политикъ смѣетъ глумиться надъ коренными, общечеловѣческими, вѣчными и неизмѣнными, какъ Богъ, законами. Принцъ не можетъ даже присвоить себѣ иниціативы этой богохульной выходки: она произведеніе польскаго ксендза, явившаяся (вмѣстѣ съ другими въ томъ же родѣ выходками) сперва въ подпольной газетѣ: Dziennik kapłana polskiego, потомъ подхваченное и развитое достойной ея сотрудницею: Газетою народовою... Никакая политика, скажемъ однажды навсегда, никакой патріотизмъ, никакая натура ума и воображенія, ни какое богохульство не могутъ сдѣлать настоящаго возмущенія поляковъ извинительнымъ и гуманнымъ.

Въ словахъ принца Наполеона: «можно было порицать польское возстаніе, до его развитія....; но когда кровь льется рѣками, когда священство (!), дворянство (?), мѣщане рѣжутся безъ жалости и состраданія, человѣколюбиво ли протестовать противъ возстанія,»—мы находимъ полное противорѣчіе и самую дикую мораль. Это выходитъ такъ: противъ не существующаго (пожалуй, маленькаго) зла протестовать должно; но противъ огромнаго зла, достигшаго высшихъ размѣровъ, протестовать не слѣдуетъ. Еще яснѣе нужно было бранить поляковъ тогда, когда они переодѣвались, пѣли, украшались разными вещицами, но когда всѣ они (не исключая и священниковъ), начали «рѣзать безъ состраданія и жалости» невин-

ныхъ русскихъ, тогда грѣшно ихъ останавливать. Это самый вѣрный переводъ сентенціи принца Наполеона на ясный, русскій языкъ.

Какой же результатъ всѣхъ соображеній принца Наполеона? Къ чему потрачено столько экзальтацій, парадоксовъ, клеветы? Чего хочетъ принцъ войны или мира? Угадайте, читатель, что онъ выбралъ; огромное пари, что не отгадаете, если не читали рѣчи принца—оратора. «Я не хочу войны, но я не хочу и мира,» сказалъ принцъ. Этотъ выводъ рѣчи вызвалъ единогласныя: а, а! единодушный смѣхъ сената. И намъ бы слѣдовало подражать сенату; но мы взялись говорить съ принцомъ: что это въ самомъ дѣлѣ за мистификація? Какъ понять это отрицаніе двухъ противорѣчащихъ понятій? Есть, правда, между войной и миромъ, нейтралитетъ; но для достиженія его не стоило бы тратить столько словъ и досуга. Быть можетъ, принцъ разумѣлъ то, что его частное положеніе, какъ одного только изъ сенаторовъ, не даетъ ему права объявлять войну или миръ; но это положеніе не отнимаетъ права имѣть свое желаніе и, по обычной принцу «откровенности и чистосердечію,» заявить это желаніе. Въ объявленіи этой мистификаціи, принцъ Наполеонъ говоритъ что-то сбивчивое, неуловимое, нисколько не объявляющее секрета ребуса. Впрочемъ, мы думаемъ, что смыслъ рѣчи и желаніе принца пробивается сквозь маску поцитованной недавно фразы. Какъ ни нападаетъ принцъ на бѣдствія войны; но онъ, конечно, не желаетъ мира; иначе ему не зачѣмъ было и всходить на трибуну послѣ де-Ларошжаклена, не зачѣмъ было такъ горячиться, задѣвать всѣ возможныя струны благороднаго собранія, бросать столько вызововъ. Если принцъ хотѣлъ мира, то къ чему трактовать о союзникахъ, къ чему это патетическое указаніе на «призракъ Польши, который вѣчно будетъ возставать предъ сенаторами,» если они оставятъ безъ вниманія петиціи поляковъ? Къ чему эти частыя напоминанія о «необходимости дѣйствовать и притомъ, какъ можно скорѣе»? Какимъ это образомъ, идя путемъ мира, Франція можетъ «сдѣлать ободреніе, чтобы продлить

возстаніе поляковъ», [1])—можетъ защитить ее отъ Россіи? Къ чему этотъ призывный кличь къ Императору, сенаторамъ, генераламъ, прелатамъ, Франціи, если принцъ Наполеонъ не думаетъ о войнѣ? Какимъ образомъ можно покончить съ страшнымъ (польскимъ) вопросомъ Императору, который теперь въ силѣ возраста и генія»? Какъ это, идя путемъ мира, можно увѣрять, что Франція, Императоръ, непремѣнно сдѣлаютъ все возможное для Польши? Быть можетъ принцъ Наполеонъ думаетъ, что этого великаго результата можно достигнуть путемъ французской дипломатіи, нравственнаго вліянія Франціи на Россію? Едва ли принцъ Наполеонъ подразумѣвалъ это средство къ прекращенію польскаго возмущенія. Онъ не то и не такъ говорилъ, чтобы расположить къ мирнымъ отношеніямъ; а Франція съ своей стороны не можетъ столько надѣяться на свое вліяніе, чтобы по одному ея совѣту, мы позволили истреблять себя и отмежевать старыя, русскія области къ несуществующей Польшѣ. Послѣ амнистіи 31 марта, великодушіе русскаго Императора ничего не можетъ сдѣлать для взбунтовавшихся, поглумившихся надъ Его великодушіемъ, подданныхъ. И эта амнистія была подвигъ души христіанской, вдохновленной словами православной церкви: *простимъ вся воскресеніемъ*, восторгающими душу христіанина православнаго въ минуты праздника праздниковъ,—въ день побѣды Христа надъ адомъ и смертію. Короче: что ни говорите, какъ ни запирайтесь, а вы, принцъ, хотите, и *сильно хотите войны*.

Что расположило васъ (и кого бы то ни было) къ этому желанію? Польша, ея угнетеніе, рекрутскій наборъ, нарушеніе трактатовъ? Но мы видѣли несостоятельность этихъ побужденій къ войнѣ съ такою сильною, миролюбивой и невинной державой, какъ Россія. Положимъ, что принцъ могъ быть вовлеченъ въ обманъ ложными извѣстіями (какъ вовлечена вся почти Европа) поляковъ, на счетъ настоящаго ихъ положенія и отношеній къ Россіи и подъ вліяніемъ этихъ извѣстій, составить извѣстный взглядъ на дѣло и подчиниться извѣст-

---

[1]) Въ одной и той-же тирадѣ принцъ возбуждаетъ Францію къ дѣйствію, чтобы продлить возстаніе и велитъ торопиться съ дѣйствіемъ, что бы возстаніе не продлилось. Странно!

нымъ движеніямъ духа; но въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ обсужденіе между-народныхъ отношеній, въ такихъ опасныхъ ощущеніяхъ, коково публичное, оффиціальное заявленіе вражды противъ великой націи,—нужно руководящее начало болѣе безпристрастное, чѣмъ показанія заинтересованной въ дѣлѣ стороны, нужны знанія, почерпнутыя не въ сплѣтняхъ, слухахъ, лжахъ и клѣветахъ, и заимствованныя изъ исторіи и критическаго изученія современныхъ явленій. Быть можетъ, душу принца настроили на враждебныя тоны къ Россіи симпатіи къ полякамъ? Но мы думаемъ, что симпатіи къ одному непредполагаютъ безусловныхъ антипатій къ другому, что не основательныя симпатіи болѣй или менѣе должны быть умѣряемы разсудкомъ и во всякомъ случаѣ оставаться въ скромныхъ предѣлахъ личныхъ симпатій, нисколько не усиливаясь превращаться въ факты и навязываться другимъ. Мы думаемъ, что принцъ Наполеонъ *сочиняетъ* всѣ эти причины гнѣва своего на Россію, что онъ самъ сознаетъ сравнительную съ выводами ихъ слабость, что Польша, угнѣтѣнія, симпатіи и проч.—тутъ только предлогъ, а главная причина настоящихъ недоразумѣній и Принца и прочихъ *друзей* Россіи не облечена еще въ слово, хоть и существуетъ несомнѣнно въ умѣ и сердцѣ весьма многихъ дипломатовъ Европы. Мы думаемъ, что эта причина можетъ быть изложена такъ. Доселѣ Россія была мертвымъ колоссомъ; (такъ думаютъ дипломаты) мы могли смотрѣть безъ опасеній на ея внѣшній ростъ, на ея хилую громадность; она была ничто предъ нашею цивилизаціей, героизмомъ; крѣпостное право лишало ее народа, а матеріализмъ и космополитизмъ похищали у нея лучшую часть передовыхъ дѣятелей общества. Теперь всѣ эти мертвящія начала исчезаютъ: свобода крестьянъ, гласное судопроизводство, общинное управленіе, образованіе народа, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній и много другихъ отмѣнъ, нововведеній, улучшеній—вносятъ въ колоссальную Россію новые задатки жизни, разливаютъ по всѣмъ ея суставамъ невѣдомую доселѣ крѣпость, толкнули ее сильно впередъ—по пути прогресса. Если она пойдетъ по этому пути безостановочно, безпрепятственно, ея внутренняя сила скоро уравновѣсится съ внѣшнею, и тогда никто не будетъ въ состояніи одолѣть ее; къ ней даже легко могутъ прильнуть разсѣянныя на Западѣ

отрывки славянскаго племени, она можетъ сдѣлаться судьею и законодательницею Европы. Чтобъ этого не случилось, нужно остановить Россію на пути прогресса, втянуть въ европейскую войну, отрѣзать нѣкоторыя ея окраины, отбросить ее къ Уралу, сдѣлать изъ нея второстепенную державу. Для полученія этихъ результатовъ у насъ есть законная придирка: стоитъ только сдѣлать застрѣльщиками поляковъ; предложить имъ возвратъ oyczizny, и они начнутъ рѣзаться съ ожесточеніемъ, начнутъ просить у насъ защиты отъ небывалыхъ угнетеній; мы сдѣлаемъ сострадательную мину, начнемъ придираться, тянуть разные переговоры, чтобы выиграть время для нужныхъ приготовленій—и такъ далѣе. Если, господа, мы васъ разгадали, то поздравляемъ васъ съ двумя заблужденіями: вы не понимаете Россіи—*боитесь страха тамъ, гдѣ его нѣтъ* и слишкомъ легко судите о покореніи Россіи, о насильственномъ отобраніи у нея законнаго достоянія предковъ. Выразимся обстоятельнѣе. Ни духъ русскаго народа, ни его религія не даютъ права предполагать въ душѣ Россіи завоевательные замыслы. Если бъ она имѣла ихъ, то у нея въ текущемъ вѣкѣ были два такихъ момента, когда ничто и никто не помѣшалъ бы примѣнить желаніе къ дѣлу [1]). Если въ результатѣ неизбѣжной, большею частію оборонительной войны и являлся у Россіи лишній клочекъ земли; то смѣло можно сказать, что она объ немъ и не думала, когда отбивалась; что онъ прилипалъ къ ней самъ собою, въ силу логической послѣдовательности, въ награду за ея смиреніе и незлобіе, за энергичное отстаиванье праваго дѣла, за обузданіе человѣческой дерзости и жадности. Стремленіе къ завоеванію находится въ прямомъ разладѣ съ обширностью русскихъ владѣній, характеромъ русскаго народа и православія. Это нація миролюбивыхъ земледѣльцевъ, въ умъ и сердце которыхъ не западали завоевательныя тенденціи. У Россіи довольно сча—

---

[1]) Тѣ весьма ошибаются, которые думаютъ, что Императоръ Николай I объявилъ Турціи войну изъ за честолюбивыхъ миражей. Россія хотѣла только наказать Турцію за варварство и положить конецъ рѣзнѣ православныхъ турецкихъ подданныхъ, молившихъ Николая I о помощи. Европѣ нужно было смотрѣть на это движеніе иначе, и она составила извѣстную коалицію.

стія реальнаго, чтобы не преслѣдовать мечтательнаго, довольно своихъ дѣлъ, чтобы не мѣшаться въ чужія, довольно своего добра, чтобы не желать чужаго, довольно своихъ владѣній, чтобъ устроять ихъ счастіе и не имѣть нужды въ обременительномъ ихъ увеличеніи.

Но мы все-таки, заговорятъ враги и завистники наши, не вѣримъ миролюбію Россіи, мы хотимъ сократить ея предѣлы изъ опасенія ея развитія и могущества. Извольте! Насильно милымъ не будешь никому. Мы исповѣдали предъ вами тайны души своей,—не вѣрите? какъ угодно; по крайней мѣрѣ не мы уже отвѣчаемъ за послѣдствія, даже за наросты, которые, по мимо нашихъ искательствъ, могутъ явиться у Россіи. Не забудьте, что покореніе Россіи—не взятіе Севостополя, что если Европѣ нужно было брать 11 мѣсяцевъ одинъ пограничный, *приморскій* городокъ; то сколько же понадобится десятковъ лѣтъ для *покоренія Россіи*? Если Европа, вооруженная всѣми новѣйшими изобрѣтеніями военнаго искуства, застала насъ тогда въ расплохъ, если мы сражались съ нею не равнымъ оружіемъ,—то пусть не думаетъ, что этотъ урокъ прошелъ для насъ безслѣдно, что мы по прежнему будемъ отстрѣливаться отъ стуцеровъ тульскими ружьями. Если летѣвшіе изъ Турціи на перекладныхъ, утомленныя и сокращенныя войной и чумой, заставшія Европу, подъ командою великаго побѣдителя, уже въ Вильнѣ,—войска наши могли отстоять честь и цѣлость нашей Россіи въ 1812 году; то что сказать о силѣ и надеждахъ Россіи теперь, когда Литва и Бѣлоруссія выйдутъ на встрѣчу не прошеныхъ гостей не съ привѣтственными рѣчами, съ предложеніемъ всевозможныхъ услугъ; а съ тѣми пріемами, съ которыми хорошо тамъ познакомились въ послѣднее время польскіе революціонеры. Если величайшій электризаторъ войновъ могъ собрать ихъ вокругъ себя изъ всей Европы только 500,000; то съ какою же силою придутъ въ Россію будущіе враги ея (если они будутъ), довольно озабоченные своими дѣлами? Не думаемъ, чтобъ эта сила могла быть опасна для націи, которая, при экстраординарной конскрипціи, можетъ поставить болѣе 2,000,000 крѣпкихъ и единодушныхъ воиновъ, а по кличу обожаемаго Монарха 10,000,000 людей способныхъ сильно владѣть оружіемъ, да повергнуть къ Его престолу сотни мильліоновъ рублей., Да Россія—это океанъ ши-

рокій и бездонный. Когда онъ расходится, и прибрежный его прибой-грозенъ, а въ срединѣ его находили и найдутъ неизбѣжную могилу отважные аргонавты.

Еще одно слово къ филантропамъ, вступающимся за угнетенную будьто-бы Польшу. Какое вамъ, господа дѣло до ея угнетенія, еслибъ оно и существовало? Оставимъ—те въ сторонѣ вѣнскій трактатъ; онъ былъ нарушенъ не во вредъ, а въ пользу Польши, Александромъ, но не Вторымъ; это придирка. Гдѣжъ основаніе для вашей не прошенной гуманности, для слишкомъ самовольнаго хозяйничанья въ чужомъ домѣ, навязыванья хозяевамъ этого дома своихъ симпатій, своихъ мыслей и желаній? И отъ чего гуманность ваша такъ эластична, такъ условна, что, при однѣхъ и тѣхъ же данныхъ, видо-измѣняется съ непостоянствомъ погоды? Рѣжутъ сербовъ, болгаръ, герцоговинцовъ, грековъ, черногорцовъ, православныхъ сирійцовъ,—рѣжутъ невинно, варварски, тысячами, и ваша гуманность проповѣдуетъ систему невмѣшательства; рѣжутъ, бьютъ, колютъ, вѣшаютъ взбунтовавшіеся подданные войновъ (беззащитныхъ даже гражданъ) своего Государя, безъ всякаго съ Его стороны повода,— и таже гуманность не только не вступается за правое дѣло, не проводитъ мысли о невмѣшательствѣ; но даже, о чудо!, является на сторонѣ взбунтовавшихся подданныхъ. Что заподвижная гуманность! Если честь и совѣсть запрещаютъ измѣнять убѣжденія, лукавить человѣку частному, то тѣмъ болѣе не пристало противорѣчіе себѣ и лукавство къ лицу такого собирательнаго человѣка, какова цѣлая нація.

Какъ бы намъ ни хотѣлось кончить здѣсь бесѣду нашу съ принцомъ Наполеономъ и вызванныя имъ мысли и чувства; но это желаніе превышаетъ наши силы. Принцъ намѣтилъ у насъ такой чуткій нервъ нашего духа и сдѣлалъ къ нему такое неосторожное соприкосновеніе, что мы невольно вскрикнули отъ боли. Мы не назовемъ, Принцъ, того чувства, надъ которымъ вы поглумились, той реликвіи нашей, которую выставили вы на публичное поруганіе: это сокровище *святого—святыхъ*, эта скрижаль нашего духа останется для толпы недовѣдомою (а вы насъ понимаете); но мы не можемъ не сказать предъ лицемъ Бога и людей, что вы поступили и жестоко и

неблагородно, что будь вы даже Наполеонъ I, и тогда бы выразились вы слишкомъ заносчиво и опасно. Если вы хотѣли оскорбить насъ, то, надо отдать вамъ справедливость, вы великій мастеръ наносить обиды,—вы выбрали для нанесенія намъ раны самое больное мѣсто,—вы, невольно повторимъ, поступили жестоко и неблагородно. Можно злоупотреблять даромъ слова, какъ угодно, но больше вашего—нельзя. Неужели человѣкъ одаренъ языкомъ для того лишь, чтобы топтать въ грязь все святое, профанировать все завѣтное, потому только, что хозяинъ этого языка чувствуетъ подъ собою безопасную почву, а въ случаѣ колебанія ея, можетъ перемѣнить на другую, болѣе неподвижную?. . . .

На другой день, (какъ сказано выше) послѣ рѣчи принца Наполеона, говорилъ г. Бильо. Рѣчь министра безъ портфеля извѣстна всѣмъ, кто только слѣдитъ за отношеніями европейскихъ державъ къ польскому вопросу. Въ ней такъ ясно, логично и вѣрно рѣшенъ этотъ вопросъ, что огромнымъ большинствомъ сената польскія петиціи отложены въ сторону и принятъ переходъ къ очереднымъ занятіямъ. Послѣ этого вотированія, еслибъ у насъ случились недоразумѣнія съ Франціей, мы позволяемъ себѣ думать, что онѣ возникнутъ не со стороны *націи*.

**** И.

10 апрѣля 1863 года.

IV.

ЗАМѢТКА О НЕДОСТАКѢ СОЧУВСТВІЯ КЪ ДѢЛУ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ НЕДУХОВНЫХЪ СОСЛОВІЯХЪ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Исполняя обязанность Наблюдателя сельскихъ церковно-приходскихъ школъ въ одномъ изъ уѣздовъ кіевской губерніи; обозрѣвая по временамъ эти школы; вникая въ ихъ состояніе внѣшнее и внутреннее,— въ успѣхи, оказанные учениками и ученицами, въ занятія школьныя священно и церковнослужителей,—я считаю первымъ долгомъ этой замѣтки отдать полную справедливость священно-служителямъ кіевской епархіи, трудящимся въ великомъ, для исторіи нашей отчизны, дѣлѣ народнаго образованія безкорыстно, безвозмездно и самоотверженно, безропотно и съ любовію исполняющимъ свой долгъ учителей народныхъ. Немогъ не утѣшиться сердцемъ и просвѣщенный Архипастырь древне-знаменитой кіевской паствы, при двукратномъ обозрѣніи церквей и школъ, лично удостовѣрившійся,“ что и въ скудныхъ матеріальными средствами приходахъ Рад. уѣзда, прихожанскія дѣти, подъ надзоромъ духовенства и его руководствомъ, вездѣ успѣшно обучаются грамотѣ, молитвамъ и начаткамъ христіанскаго ученія.“ Можетъ ли что быть для пастырей-учителей отраднѣе и пріятнѣй этого архипастырскаго отзыва объ успѣхахъ народнаго образованія,— отзыва, изображеннаго перомъ его высокопреосвященства въ предложеніи, данномъ Кіевской Консисторіи, по возвращеніи изъ объезда по епархіи въ 1861 и 1862 годахъ? (1). . .

(1) Кіев. Епарх. Вѣдомости 1861 г. № 17; тамъ же 1862 г. № 18.

Получивъ искреннюю благодарность и слово архипастырскаго ободренія за свои ревностные труды въ дѣлѣ народнаго образованія,— что остается сельскимъ пастырямъ теперь дѣлать, какъ нетолько не «ослаблять»,—по наставленію святительскому,— «своей ревности къ этому благому дѣлу, но еще болѣе усилить ее теперь, когда самостоятельность церковно—приходскихъ школъ и главный надзоръ за ними Высочайшею волею Государя Императора, оставлены въ завѣдываніи духовенства»?... Отрадно для насъ и послѣднее извѣстіе о рѣшеніи вопроса: кому предоставить право завѣдыванія школами,—въ нашу пользу. Благодареніе Богу! Теперь мы можемъ свободно думать объ укрѣпленіи нашихъ питомцевъ въ вѣрѣ и народности. Теперь и мы поняли, что имѣемъ возможность сами заботиться о просвѣщеніи народа, не обременяя этою заботою другихъ, чуждыхъ намъ, если не всегда по вѣрѣ и народности, то по крайнѣй мѣрѣ, по обстановкѣ, убѣжденіямъ и условіямъ жизни.

Рѣшеніе вопроса о завѣдываніи школами въ нашу пользу не чуждо даже историческому взгляду на дѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что для нашего народа необходимо просвѣщеніе. Но какимъ путемъ можно достигнуть этой цѣли.

Первоучителями народа скорѣе всего могутъ быть лица духовнаго сословія какъ поставленныя въ ближайшія отношенія къ народу и его жизни. Наше православное духовенство, отъ лѣтъ древнихъ, проводившее въ жизнь народную религіозно-нравственный элементъ, теперь и на будущее время, еще болѣе должно быть *свѣтомъ міра*, просвѣщать умы и сердца темнаго народа, воспитывать его въ духѣ православія и утверждать въ немъ нравственныя правила христіанской жизни. Столь благихъ послѣдствій для государства отъ вліянія духовенства на народное образованіе ожидаетъ и Августѣйшій Покровитель народнаго просвѣщенія, и св. Сунодъ, благословляющій это святое дѣло, и богомудрый Святитель Кіевскій,—дѣятельный распространитель образованія въ обширной и знаменитой своей паствѣ. И мы смѣемъ быть увѣрены, что надежды церкви и отечества на доброе вліяніе духовенства въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія не напрасны. Но отъ возможнаго къ дѣйствительному еще неблизко. Чтобы возможное перешло въ дѣйствительность, необходимо обставить его благопріятными условіями,—а этихъ-то послѣднихъ и недостаетъ въ нашемъ дѣлѣ.

Оставивъ пока частныя неудобства къ распространенію народнаго развитія, обратимся къ самому главному изъ нихъ, высказанному оффиціально въ указѣ св. Синода отъ 30 Іюля, 1862 г. »Когда заведеннымъ и заводимымъ школамъ не откажетъ въ своемъ содѣйствіи (т. е. въ матеріальныхъ средствахъ) министерство народного просвѣщенія, наравнѣ съ свѣтскими училищами«, тогда только эти школы могутъ выполнить достаточно свое назначеніе. Но что встрѣчаетъ духовенство, трудящееся и желающее трудиться на поприщѣ народнаго образованія, что видитъ на дѣлѣ: много ли встрѣчаетъ сочувствія въ дѣлѣ образованія въ лицахъ недуховнаго сословія? Имѣетъ ли, при заведеніи школъ и при содержаніи ихъ, какое либо содѣйствіе? . . . Положивъ руку на сердце, скажемъ горькую правду, что мы сельскіе пастыри почти нигдѣ и ни въ комъ, кромѣ духовенства и нѣкоторыхъ сельскихъ общинъ, - невидимъ пока содѣйствія намъ въ дѣлѣ народнаго обученія; а напротивъ имѣли несчастіе замѣтить отсутствіе не только содѣйствія, но и сочувствія - особенно въ нѣкоторыхъ представителяхъ образованности и администраціи въ юго-западномъ краѣ. Докажемъ это фактами.

Во—первыхъ прав. духовенство встрѣчаетъ препятствіе въ дѣлѣ народнаго обученія отъ польскихъ владѣльцевъ. Казалось бы кому ближе и приличнѣе помочь духовенству въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ не владѣльцамъ имѣній юго-западнаго края Россіи. Съ одной стороны они-какъ люди, болѣе или менѣе просвѣщенные, должны понимать цѣну просвѣщенію, - съ другой-они владѣютъ такими средствами матеріальными, отдѣливъ сотую долю которыхъ, могли бы принесть великую пользу слабо еще организованнымъ школамъ, и тѣмъ самымъ могли бы заслужить довѣріе у народа, на недостатокъ котораго они такъ часто протестуютъ. За небольшое матеріальное пожертвованіе на школу, владѣльцы заслужили бы справедливую дань-благодарности отъ дѣтей тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые, въ потѣ лица, работали на помѣщиковъ цѣлыя столѣтія. . . . Что же приходилось видѣть на опытѣ? . . Умалчивая о матеріальныхъ средствахъ, которыхъ школы не получаютъ отъ помѣщиковъ, мы замѣтили, къ крайнему прискорбію, между владѣльцами не только холодность, и апатію къ народному образованію, но даже не рѣдко умышленное желаніе препятствовать

духовенству въ дѣлѣ обученія дѣтей поселянъ грамотѣ. Чаще всего это недоброе и неблагородное желаніе скрывается подъ предлогомъ необходимости и выражается отнятіемъ учащихся дѣтей на цѣлое лѣто для экономическихъ полевыхъ работъ, для присмотра за скотомъ и пр. Далѣе, желая, вѣроятно, вырвать изъ рукъ духовенства образованіе народа—представители шляхетства, если не лично, то посредствомъ своихъ усердныхъ слугъ и прислужниковъ, стараются внушить родителямъ дѣтей—учениковъ, подъ предлогомъ ли бѣдности, сиротства и т, п лукавую мысль—отбирать дѣтей изъ школъ, доказывая, что имъ гораздо полезнѣе работать, чѣмъ учиться грамотѣ, которой ни ихъ отцы, ни—дѣды не знали. Отъ одного изъ подобныхъ ревнителей къ дѣлу просвѣщенія, пишущій эти строки имѣлъ непріятность получить слѣдующее письмо: »Слышалъ я, что Вы, N N, назначены распорядителемъ сельскихъ школъ. Будьте столь добры—прикажете дьячку нашему N N, чтобы онъ отдалъ двухъ мальчиковъ изъ школы, которые мнѣ нужны для плуговъ и ралъ экономическихъ. Надѣюсь, что будете добры удовлетворите просьбу Вашего покорнаго слуги N N.» Замѣтимъ, что въ той школѣ, гдѣ были просимые для экономическихъ работъ мальчики, обучалось 10 учениковъ около двухъ полугодій съ удовлетворительнымъ успѣхомъ; возможно ли было отпустить изъ школы этихъ учениковъ для того, чтобъ они, занимаясь работою, забыли совершенно то, чему выучились?— На просьбу владѣльца отвѣтъ мой былъ таковъ. »Такъ какъ церковно—приходскія школы подвѣдомы, главнымъ образомъ, высокопреосвященнѣйшему арсенію—митрополиту кіевскому, то безъ вѣдома архипастыря, я немогу удовлетворить вашей просьбѣ, м. г., и просимые вами мальчики—школьники мною не могутъ быть уволены отъ ученія. Обратитесь съ просьбою объ этомъ къ Митрополиту.« Но хитрый панъ—вѣроятно сообразилъ въ чемъ дѣло—и болѣе уже не обращался ко мнѣ съ подобными просьбами. . . .

— Случалось встрѣчать и такихъ помѣщиковъ, которые, не желая забыть привычку—владѣть холопами, какъ вещью,— съ восторгомъ припоминая темноту умственную и нравственную простаго народа, при свѣтѣ грамотности, начинающую мало—помалу исчезать,— чрезвычайно странно разсуждаютъ, при встрѣчѣ съ вопросомъ о народномъ образованіи. Мнѣ, напр. приходи-

лось неразъ слышать слѣдующія дикія рѣчи отъ старыхъ польскихъ экономистовъ; «do czego te oświecenie tym chłopóm? Czyż ono ich do czego dobrego doprowadzi? Ono ich nauczy tylko lenistwa, próżniactwa i pisać skargi na obywatelów.» Для чего это просвѣщеніе простымъ людямъ? Неужели оно принесетъ имъ какое добро? Оно научитъ только простой народъ жить въ лѣности, праздности и писать жалобы на помѣщиковъ. Другой польскій панъ, съ неменѣе темнымъ взглядомъ на образованіе, такое подалъ мнѣніе о результатѣ обученія дѣтей поселянскихъ грамотѣ и письму: «Jak mi się zdaje, to chłopi nic lepszego nie będą umieli pisać, jak tylko dla siebie i dla drugich fałszywe pasporty.» Мнѣ кажется, что мужики болѣе ничего не научатся писать, какъ только поддѣльные паспорты для себя и другихъ. Сколько ни старался я разубѣдить этихъ двухъ польскихъ обскурантовъ, такъ дико разсуждающихъ о послѣдствіяхъ народнаго обученія, но никакіе доводы немогли побѣдить старыхъ предразсудковъ—старыхъ польскихъ патріотовъ.

Въ недавнее время (даже въ семъ мѣсяцѣ) прибылъ я въ одно село съ цѣлію обозрѣть сельскую школу, сдѣлать публичное испытаніе школьникамъ и наградить ихъ похвальными листами при свидѣтеляхъ. Для увеличенія публики, я счелъ нужнымъ пригласить и помѣщика, для присутствованія при испытаніи. Съ этою цѣлью я послалъ къ помѣщику слѣдующее письмо: «По обязанности ревизора приходскихъ сельскихъ училищъ, прибывъ сегодня въ ваше имѣніе, я намѣренъ сей часъ произвесть публичное испытаніе, въ присутствіи почетныхъ лицъ. Уважая вашу почтенную особу, какъ владѣльца, я честь имѣю покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, пожаловать въ сельское N училище для присутствованія при испытаніи учащихся дѣтей, если вамъ позволяетъ время и здоровье. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.» Что же получено въ отвѣтъ на мое искреннее приглашеніе? Отвѣтъ былъ таковъ: «Я покорнѣйше благодару васъ за то, что незабуваете и меня грѣшнаго старца (слова подлинника) но не поѣду на эгзаминъ, Богъ изъ нами и сынами нашыми. Вамъ всегдашній доброжелатель и пр.» Подлинныя слова письма «Богъ изъ нами» т. е. польскими помѣщиками «и сынами нашыми» т. е. поселянскими дѣтьми, обучающимися въ школахъ грамотѣ,—не наглядное ли доказательство явной апатіи польскихъ помѣщиковъ къ народному образованію?... И можно

ли, послѣ этого, ожидать содѣйствія въ дѣлѣ народнаго образованія отъ подобныхъ обскурантовъ, которые, не желая разстаться съ панскимъ взглядомъ на недавняго своего раба, хотѣли бы скорѣе помѣшать образованю простаго народа чѣмъ дать возможность и средства къ распространенію между нимъ грамотности?

Не о всѣхъ впрочемъ помѣщикахъ юго-западнаго края можно сказать то, что доселѣ было сказано. Есть между ними и благонамѣренные люди, по видимому, сочувствующіе дѣлу народнаго образованія. Предлагаемая выписка изъ письма, писаннаго ко мнѣ однимъ польскимъ паномъ, по поводу предложенія моего дать содержаніе на сельскую школу, доказываетъ хоть на словахъ его любовь къ образованію народному. По крайней мѣрѣ въ этомъ письмѣ виденъ свѣтлый (но едвали не подложный) взглядъ его автора на народное образованіе: Содержаніе письма слѣдующее: «Chciałbym nieba przychylić włościanom naszym, aby prędzéj się oświecili. Wszelkich więc starań użyję, żeby włościan pobudzić do wyłożenia małego kosztu na cywilizowanie ich dzieci. Zawsze z winnym szacunkiem» и пр. Желалъ бы небо приблизить поселянамъ нашимъ, чтобы скорѣе они просвѣтились. Употреблю всѣ усилія, чтобы крестьянъ побудить къ пожертвованію хоть малой суммы на образованіе ихъ дѣтей. Съ должнымъ почтеніемъ остаюсь» и пр. Впрочемъ этимъ письмомъ дѣло и кончилось. Ни убѣжденія крестьянамъ, ни своего собственнаго пожертвованія доселѣ не сдѣлано помѣщикомъ.....

Кромѣ владѣльцевъ, мало, или лучше вовсе несочувствующихъ и непомогающихъ православному духовенству въ дѣлѣ народнаго образованія, есть еще въ сельскихъ обществахъ другіе вліятельныя лица, такъ называемые мировые посредники, заправляющіе всѣми порядками, относящимися къ новому устройству и улучшенію быта временно-обязанныхъ крестьянъ. Казалось бы, если отъ кого, то отъ мировыхъ посредниковъ, какъ людей образованныхъ и обязанныхъ всѣми мѣрами содѣйствовать видамъ русскаго правительства слѣдовало бы ожидать духовенству благотворной помощи и самаго усерднаго сочувствія, а тѣмъ болѣе содѣйствія къ тому, чтобы пособить своимъ административнымъ вліяніемъ благому дѣлу народнаго образованія, и даже стараться своими внушеніями побудить общества къ посильному пожертвованію для обезпеченія церковно-приходскихъ школъ и

на будущее время. Объ этомъ благомъ дѣлѣ твердятъ мировымъ посредникомъ и волостнымъ правленіямъ и Высочайше утвержденныя положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, гдѣ указаны самыя широкія начала для распространенія народнаго образованія. Такъ—по силѣ ст. 58 (§ 8), 84 (§ 9), 78 (§ 3) и 178 «устройство сельскихъ школъ предоставлено крестьянскимъ обществамъ и волостнымъ сходамъ» а надзоръ за этими школами, по Высочайшей волѣ Государя,—ввѣренъ православному духовенству.—На основаніи этихъ положеній, не въ правѣ ли сельскія школы ожидать отъ мировыхъ посредниковъ и волостныхъ правленій распорядительности, попечительности, благоустройства, матеріальныхъ пособій и всякаго содѣйствія, нужнаго школамъ и духовенству, надзирающему за ходомъ обученія и трудящемуся въ школѣ?. Однакожъ, что оказывается на дѣлѣ? Опять грустные факты. Недавно, въ одномъ селѣ, гдѣ существуетъ порядочная школа, хотѣлось было помѣстить на должность сельскаго учителя одного заштатнаго писца, изъ духовнаго званія, который подъ надзоромъ священника, неопустительно посѣщалъ бы школу и аккуратно занимался въ ней обученію мальчиковъ чтенію, молитвамъ, начаткамъ христіанскаго вѣроученія, письму, ариѳметикѣ и пр. Священникъ же съ своей стороны далъ обѣщаніе принять учителя на свой столъ и дать ему помѣщеніе въ собственномъ домѣ,—отъ общества требовалось только небольшой денежной платы. По предложенію мѣстнаго священника, общество и согласилось договорить рекомендованнаго учителя для NN церковно-приходской школы; написанъ былъ формальный договоръ за подписомъ двѣнадцати человѣкъ прихожанъ и сельскаго старшины; оставалось только это дѣло предъявить мировому посреднику для свѣденія и утвержденія договора. И что же вышло? Отъ 7 сентября, прошлого года, священникъ доноситъ вотъ что: «Узнавши, что мировой посредникъ находится въ с. NN, я вмѣстѣ съ старшиною волостнымъ и договореннымъ учителемъ отправился туда повидаться съ посредникомъ и предложить ему наше условіе на утвержденіе. Незнаю почему мировой посредникъ не утвердилъ условія, а письмоводитель его Б... объявилъ мнѣ съ грубостію, чтобы я, какъ попъ, не вмѣшивался не въ свое дѣло, »слѣдствіемъ этого было то, что договоръ, по приказанію мирового посредника, былъ уничтоженъ,—и школа лишилась

возможности имѣть сельскимъ учителемъ лице, избранное священникомъ, а на формальное отношеніе наблюдателя училищъ, ходатайствовшаго у посредника о содѣйствіи школѣ и объ утвержденіи договора, заключеннаго съ учителемъ, не послѣдовало никакого отвѣта. Изъ другаго донесенія одного наставника школы видно даже намѣренное желаніе мировыхъ учрежденій (если бы можно было) уничтожить школы, заведенныя сельскими священниками. Не хотятъ ли, по всей вѣроятности, гг. мировые посредники употребить свои вліятельныя усилія, дабы вырвать совершенно дѣло обученія народнаго изъ рукъ духовныхъ лицъ? Предположеніе это не лишено основанія. Представляемъ на это оффиціальное доказательство, объявленное въ 49 № 1862 г. Кіевск. губ. вѣд. Въ прибавленіи къ Вѣд. напечатано слѣдующее объявленіе кіевскаго губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствія о постановленіи, состоявшемся 6-го ноября 1862 г. «Слушали: Отношеніе г. мироваго посредника 1-го участка рад. уѣзда отъ 22 окт. за № 519, которымъ, представляя на благоусмотрѣніе присутствія, рапортъ карабачинскаго волостного правленія объ открытіи училища при карабачинскомъ волостномъ правленіи, ходатайствуетъ о назначеніи мѣстнаго священника преподавателемъ закона Божія и объ утвержденіи г. (бывшаго) штатнаго смотрителя дворянскихъ училищъ надворнаго совѣтника Писарева наблюдателемъ сельскихъ училищъ въ 1-мъ участкѣ радом. уѣзда.» Надобно замѣтить, что въ селѣ Карабачинѣ уже три года существуетъ сельская школа, открытая мѣстнымъ священникомъ еще въ январѣ 1860 г. Въ ней обучаются 18 крестьянскихъ мальчиковъ довольно успѣшно. Къ чему же направлено ходатайство мироваго посредника объ открытіи училища при волостномъ правленіи въ с. Карабачинѣ, какъ не къ тому, чтобы уничтожить церковно-приходскую школу, взять ее въ свое вѣдѣніе—удалить духовенство, три года уже трудившееся въ ней!...

Если же лица начальствующіе надъ волостными правленіями стараются препятствовать духовенству въ дѣлѣ народнаго образованія; то что сказать о волостныхъ писаряхъ—усердныхъ агитаторахъ польскихъ, слѣпыхъ адептахъ мировыхъ посредниковъ и другихъ сельскихъ властяхъ, рабски повинующихся волѣ посредниковъ. Въ немногихъ селахъ найдется писарь сельскій (но конечно, не католикъ) который бы помогъ священно и церковно

служителямъ въ чемъ либо, относящемся къ школѣ. Большею частію внушается крестьянамъ та мысль, что средства для школы должно дать или само правительство, или же священники должны купить книги и все нужное на свои или церковныя деньги.

Но есть случаи еще покрупнѣе. Иногда по вліянію писарей-католиковъ, враждующихъ противъ православнаго обученія дѣтей, совершенно парализуется мысль общества, начинающаго мало-по-малу сознавать значеніе и пользу школъ.

Послѣ всего сказаннаго, кстати повторить разумное и опытное мнѣніе одного почтеннаго корреспондента Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, заявившаго въ № 18 (1862 года) слѣдующее справедливое положеніе о сельскихъ школахъ: «доколѣ церковно приходскія школы слышатъ только слово одобренія, но не видятъ ни вещественнаго пособія отъ кого либо, ни нравственной поддержки отъ мировыхъ учрежденій, мы не можемъ назвать прочнымъ существованія этихъ школъ..... Духовенство трудилось и трудится надъ дѣломъ народнаго обученія, но не можетъ не видѣть, что оно одно трудится для народа безвозмездно, тогда какъ всѣ лица, болѣе или менѣе содѣйствующія устройству новаго крестьянскаго быта, получаютъ весьма приличное вознагражденіе за свой трудъ.» [1]).

Когда же намъ можно надѣяться прочнаго существованія приходскихъ школъ, и ожидать отъ грамотности болѣе зрѣлыхъ плодовъ для народа? Отвѣчаемъ: когда будутъ даны сельскими обществами или правительствомъ матеріальныя пособія для сельскихъ училищъ, и когда мировыя учрежденія подадутъ православному духовенству, борющемуся съ польской пропагандой и другими препятствіями въ дѣлѣ народнаго образованія, дружественную руку помощи, т. е. окажутъ священникамъ, если не сочувствіе, то по крайней мѣрѣ, гдѣ нужно и когда нужно, нравственное и распорядительное содѣйствіе, такъ нужное для правильнѣйшей организаціи сельскихъ училищъ...

Сельскій священникъ П... С...

---

[1]) По распоряженію епархіальнаго начальства, наблюдатель училищъ съѣзжалъ въ село № для предложенія обществу—дать посильное обезпеченіе на содержаніе школы. Небогатое общество согласилось ежегодно жертвовать 10 руб. 50 коп. на школу и подписало объ этомъ приговоръ, который происками писаря-поляка, вліяющаго на старшину, а чрезъ него послѣдняго на общество, быть можетъ, очень скоро подвергнется уничтоженію, особенно, если не одобритъ сдѣланнаго пожертвованія на школу мировой посредникъ, что, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Прим. автора.

ЗАМѢТКА

ОБЪ ИСКЛЮЧЕНІИ И ЗАМѢНѢ НѢКОТОРЫХЪ БУКВЪ ВЪ РУССКОМЪ АЛФАВИТѢ.

Неизвѣстный фельетонистъ, въ 80-мъ № Спб. Вѣдом. за 1862 годъ, выражаетъ свой восторгъ, по случаю предполагаемаго собраніемъ нашихъ грамматиковъ исключечія изъ нашего алфавита буквъ: *ъ*, *ь*, *и*, *ѣ*, *э*, *ѳ*. Признаемся откровенно, мы не понимаемъ, чему тутъ радоваться. Ужъ не тому ли, что, въ случаѣ исполненія такого предположенія, восторжествуетъ партія единомышленниковъ г. фельетониста?... А мы бы желали, чтобъ восторжествовали въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, не пустая прихоть и тщеславіе, не безотчетное самоправство и деспотизмъ, а основательность мысли, разсудительность, благонамѣренность и истинное знаніе дѣла, кому бы все это ни принадлежало,—цѣлому ли собранію, или одному лицу.

Что необходимо исправить отчасти наше правописаніе—это не подлежитъ сомнѣнію; но что это исправленіе правописанія требуетъ исключенія помянутыхъ буквъ, мы позволяемъ себѣ усомниться въ этомъ. По-крайней-мѣрѣ, до сихъ поръ мы не встрѣчали еще, у защитниковъ этого исключенія, вполнѣ убѣдительныхъ основаній своей реформы. Шутки неизвѣстнаго фельетониста и замѣчанія г. М. Бѣлобородова (Учит. за 1862-й г. № 5-й) далеко еще не основанія, точно также, какъ не представляетъ ихъ и односторонній взглядъ на этотъ предметъ г. Киневича (Учит. № 7-й, стр. 300—302). Мы готовы согласиться на какую угодно перемѣну, только желали бы, что бы эта перемѣна основывалась на твердыхъ началахъ и соображеніяхъ, и была перемѣною къ лучшему, а не къ худшему.

Что звуковъ буквъ *ъ* и *ь* не слышно въ произношеніи, это не справедливо. Первая буква показываетъ твердое, а вторая мягкое произношеніе какъ согласной, такъ и гласной передъ ними стоящей; вотъ примѣры; *милъ* и *миль*, (отъ *миля*), *вонъ* и *вонь*, *столъ* и *столь*, *рьяный*, *пьяный*, *объявленіе*, *изъясненіе*, *съѣздъ*, и множество другихъ подобныхъ примѣровъ. Слѣд. и *ъ* и *ь* необходимы въ русской азбукѣ. Что эти буквы занимаютъ много мѣста, это вовсе не резонъ для того, чтобъ исключать ихъ, когда онѣ необходимы. Въ другихъ языкахъ, для выраженія извѣстныхъ звуковъ, употребляютъ еще болѣе буквъ, по-видимому совершено лишнихъ и гораздо болѣе занимающихъ мѣста: напр. въ греческомъ αι, ει, οι, ω, хотя есть для выраженія этихъ звуковъ буквы ε, ι, ο; въ латинскомъ **æ**, **œ**, **ph**, **th**, хотя есть **e**, **f**, **t**; во французскомъ **au**, **eu** и **eau**, хотя есть **o** и **e**; въ нѣмецкомъ, кромѣ **ch**, **ck**, **fz**, и **tz**, произносимыхъ за одну букву, есть **sch** для выраженія звука одной нашей буквы *ш*. Тоже найдется въ языкахъ: англійскомъ, итальянскомъ, особенно польскомъ и другихъ. И однакожъ, ни англичане, ни французы, ни нѣмцы не хлопочутъ о сокращеніи и замѣнѣ своихъ буквъ чужими, когда для удержанія ихъ собственныхъ есть свои причины. Вы предлагаете замѣнить *ъ* и *ь* знаками аксант—егю (') и аксант—гравъ (\`). Но для чего-же это? Ужъ не для того ли, чтобъ эти знаки были у насъ непремѣнно французскіе, или даже какіе угодно, только не славянскіе и не русскіе?... Почему же затѣмъ не идти вамъ и дальше: почему не замѣнить нашей русской буквы *т* латинскимъ **t**, и нашей буквы *ж* польскимъ **ż**, когда для этихъ иностранныхъ буквъ тоже потребуется меньше мѣста?...

Буква *и* въ правописаніи нашемъ имѣетъ свое, совершенно опредѣленное, мѣсто. Какая надобность исключать ее? Вѣдь и въ греческомъ языкѣ есть не толко ι и η но еще, кромѣ того, υ, ει, οι, а въ латинскомъ и произшедшихъ отъ него языкахъ тоже есть **y**, кромѣ **i**.

Буква *ѣ* въ извѣстныхъ мѣстахъ и случаяхъ не можетъ быть замѣнена въ нашемъ правописаніи буквою *е*, даже и потому, что для буквы *ѣ* есть у насъ особенный звукъ въ произношеніи, именно, буква *ѣ* произносится гораздо *мягче*, нежели *е*. Буква *ѣ*, очевидно, составилась изъ *іе*, точно также, какъ *я* изъ *іа*, *ю* изъ *іу*. Это видно особенно при сравненіи

русскаго языка съ сроднымъ ему языкомъ польскимъ: *ѣхать*—iechać, *ѣсть*—ieść,, *я*года—iagoda, *ю*билей—iubileusz и т. д. Изъ трехъ буквъ: *э, е, ѣ,* первая показываетъ твердое, вторая среднее, а третья мягкое произношеніе, слѣд. всѣ три необходимы и всѣ три даютъ разные звуки. Что буква *ѣ* требуетъ именно мягкаго произношенія, это видно, между прочимъ, изъ того, что буква *і*, изъ соединенія съ которою буквы *е* составилась буква *ѣ*, обыкновенно сокращается въ мягкій знакъ, (*ь*), на пр. Марі*я*—Марь*я*, счастіе—счасть*е*, и т. д. Что въ составъ буквы *ѣ* вошла именно смягчающая буква *і*, которой нѣтъ въ буквѣ *е*, это видно особенно ясно изъ сравненія чистаго русскаго нарѣчія съ испорченнымъ малороссійскимъ, въ которомъ буква *ѣ* произносится даже за чистое *і*, какъ въ словахъ; *сѣ*мя, *сѣ*но, *мѣ*сто, между тѣмъ какъ *е* произносится у малороссовъ почти за *э*, на пр. въ словахъ: *се*ло, б*е*р*е*за, м*е*дъ. Зачѣмъ-же смѣшивать то, что имѣетъ очевидную разницу? Вѣдь знаніе не въ смѣшеніи предметовъ въ своихъ понятіяхъ и представленіяхъ, а въ различеніи. Какъ-будто въ самомъ дѣлѣ резонно исключать букву *ѣ* изъ русскаго алфавита по той причинѣ, что многіе не знаютъ, гдѣ слѣдуетъ писать ее? Введите какое угодно правописаніе найдутся незнающіе. Знаніе требуетъ изученія.

Если изъ трехъ подобозвучныхъ буквъ: *ѣ, е, э*, исключать одну, то ужъ скорѣе можно былобы, по видимому, исключить не букву *ѣ*, а *э*, такъ—какъ словъ, въ которыхъ употребляется эта буква, сравнительно, не много, и звукъ, ею выражаемый, довольно близокъ къ звуку буквы *е*. Но и эта буква имѣетъ у насъ свое употребленіе. Безъ нея вы не различите *поэтъ* отъ *поетъ*, *дуэтъ* отъ *дуетъ* и т. д. Въ Академическомъ Словарѣ (изд. 1847-го г.), мы имѣемъ еще 200 словъ, начинающихся этою буквою, кромѣ собственныхъ именъ и кромѣ словъ, требующихъ этой буквы въ срединѣ слова, какъ въ словахъ: аэролитъ, аэростатъ, и многихъ другихъ.

Точно также есть различіе въ самомъ произношеніи буквъ *ѳ и ѳ ы* и *и*. Въ буквѣ *ѳ* есть оттѣнокъ звука буквы *т*, кромѣ *ф* чистаго, въ буквѣ *ы* оттѣнокъ буквы *ъ*, кромѣ *чистаго и*, Поэтому буквы *ѳ* и *ы* произносятся нѣсколько тверже, нежели чистое *ф* и *и*. Въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, также

есть э и ѳ; въ латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ языкахъ тоже есть th для извѣстныхъ словъ, вмѣсто t чистаго; у поляковъ есть буква y, кромѣ i. Употребленіе въ правописаніи нашемъ буквы ѳ полезно и тѣмъ, что оно, для знакомыхъ съ греческимъ языкомъ, съ точностію опредѣляетъ самое значеніе словъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ, (библіотека, театръ тема и пр.), мы давно уже букву ѳ замѣнили, согласно съ произношеніемъ, буквою *т*; въ другихъ словахъ, также согласно съ произношеніемъ, мы замѣняемъ ее буквою *ф*;—но есть еще у насъ довольно словъ, въ которыхъ слышенъ звукъ настоящей буквы ѳ, а не *ф*: тамъ она должна быть оставлена: Въ мѣсяцословѣ нашемъ мы имѣемъ еще 35 именъ мужескихъ и 14 женскихъ, начинающихся буквою ѳ, кромѣ тѣхъ, которыя требуютъ этой буквы въ срединѣ слова (Агаѳонъ, Аѳанасій, Евѳимій и др.) Прибавьте сюда еще такія собственныя имена, какъ Аѳины, коринѳъ, и имена нарицательныя... Не во всѣхъ окажется удобнымъ замѣнить буквы ѳ буквою *ф*, *т* или *в*, (Матвѣй вм. Матѳей), даже въ просторѣчіи.

Менѣе всего, конечно, можно сказать въ защиту буквы ѵ. Въ собственыхъ именахъ мы давно уже замѣнили ее буквами *в* или *и* (Евсевій, *И*патій). Въ Академическомъ Словарѣ значится 13 словъ, начинающихся буквою ѵ, но всѣ они обыкновенно пишутся у насъ съ буквою *и*: *и*постась, *и*подіаконъ. Но если буква ѵ въ русскомъ языкѣ существенно необходима даже для одного только слова мѵро (μύρον) и производныхъ отъ него для отличія отъ міра и мира, то почему же не удержать ее? Съ другой стороны, не слѣдуетъ выпускать изъ виду и того что буква ѵ употребляется у насъ въ церковно—славянскомъ языкѣ въ значителнымъ количествѣ словъ, особенно въ срединѣ; а возможно ли и полезно ли было бы отдѣлять у насъ совершенно изученіе рускаго языка отъ церковно-славянскаго? Возможно ли и полезно ли отдѣлить у насъ совершенно словарь и грамматику русскаго языка отъ словаря и грамматики языка церковно—славянскаго?.. Въ церковно-славянскомъ же языкѣ буква ѵ имѣетъ то отличіе отъ *и* и *в*, что употребляется исключительно въ греческихъ словахъ и съ точностію опредѣляетъ самое значеніе словъ, какъ въ словахъ: Еѵгеній, Еѵграфъ, Еѵангеліе, сѵнодъ, сѵнедріонъ, сѵнклитъ и пр.

Мысль о возможности исключенія изъ рускаго алфавита изъ

которыхъ буквъ (э, ѳ и ґ), вовсе не нова. Она высказана у насъ еще въ 1841 году извѣстнымъ филологомъ нашимъ, протоіереемъ Павскимъ. (Филолог. наблюд. надъ составомъ русск. языка. Первое разсужд., стр. 50 и 51.) Но какъ видите, она не принялась у насъ доселѣ; значитъ, насъ не оставляетъ еще сомнѣніе въ удобствѣ ея примѣненія. Ужели подобныя реформы можно вводить насильно, опредѣленіями самозванныхъ совѣтовъ, даже указами и т. под.? Будьте увѣрены, что реформѣ вашей, сочувствуютъ развѣ одни только западники, [1]) въ пользу которыхъ вы хотите сдѣлать, безъ всякаго основанія, огромную уступку, не спросясь даже болѣе васъ грамотныхъ людей Россіи. Удивительно, почему иностранцы не хлопочутъ о томъ, чтобъ упростить для насъ свою орѳографію, а только мы для нихъ желаемъ служить этимъ? Весьма естественно смотрѣть не только съ презрѣніемъ, но и съ негодованіемъ на всякаго, кто не дорожитъ чѣмъ-бы то ни было своимъ роднымъ, національнымъ. И ужелижъ намъ однимъ не дорожить теперь тѣмъ, чѣмъ особенно дорожитъ, именно въ настоящее время, всякій благородный человѣкъ, всякой честной націи? Если что принадлежитъ цѣлому народу, такъ это именно его языкъ и вѣра. Касаясь, по видимому, однихъ нашихъ буквъ, ужели не примѣчаете, что вы касаетесь вмѣстѣ съ тѣмъ и нашего языка и нашей вѣры? Ужели не знаете, что въ наши буквы заключенъ весь нашъ родной языкъ и наше богослуженіе, слѣд. то, что составляетъ живую и самую существенную основу не одного какого нибудь избраннаго общества въ государствѣ, а цѣлаго народа? Вы предлагаете намъ сближеніе съ Западомъ. Но развѣ не знаете, что народъ нашъ этого сближенія издавна не любитъ, что это сближеніе убило бы нашу народность, какъ убило Польшу. Вы сами видите,

---

[1]) Да люди, которыя не могутъ сладить съ русскою грамотностію и которыя, не зная, гдѣ писать бракуемыя ими буквы, хотятъ облегчить себя, а не другихъ. Догадка эта тѣмъ болѣе достовѣрна, что въ главѣ не призванныхъ реформаторовъ нашей азбуки стоятъ люди не русскіе, для которыхъ языкъ нашъ, быть можетъ,—не природный. Ред.

что мнѣніе г. Кадинскаго (должно быть Кадзинскаго), который, безъ обиняковъ, съ полною откровенностію, предлагалъ замѣнить всѣ русскіе буквы латинскими, единодушно всѣми (*русскими, конечно*) отвергнуто. Будьте увѣрены, что съ такимъ же сочувствіемъ встрѣчается у насъ и мнѣніе г. Киневича объ исключеніи нѣкоторыхъ буквъ изъ русскаго алфавита. Народное чутье обмануть трудно.

У насъ было уже время, когда пріятели наши со всѣхъ силъ трудились надъ тѣмъ, чтобъ насъ олатинить и ополячить, когда, съ этою цѣлію, и языкъ нашъ называли мужицкимъ, и вѣру нашу хлопскою; но мы смотримъ теперь съ уваженіемъ и признательностію на тѣхъ, которые сберегли для насъ и этотъ языкъ и эту вѣру, и напротивъ, сожалѣемъ о тѣхъ, которые имѣли слабость измѣнить своей народности и православію. Не кощунствуйте, по этому, и надъ тысячелѣтнею у насъ давностію буквъ ъ и ь и друг: для умѣющаго понимать—эта давность говоритъ многое. Съ другой стороны, не считайте особенною новостію писаніе безъ ъ; мы видимъ попытки ввести такое правописаніе въ югозападной Руси еще за два вѣка до насъ. (Опис. старопеч. книгъ библіот. гр. Толстова стр. 170). Не знаемъ какъ теперь, а тогда должно быть это была продѣлка іезуитовъ. Пробирались же у насъ, какъ знаете, эти волки въ овечьей кожѣ даже въ настоятели русскихъ (уніатскихъ) монастырей, слѣд. учавствовали и въ изданіи церковно-славянскихъ книгъ.

Вы говорите, что исключеніемъ нѣкоторыхъ буквъ изъ русскаго алфавита желаете, между прочимъ, облегчить и упростить изученіе грамотности для простаго народа. Желаніе прекрасное, если не подложное; но гдѣжъ тутъ на самомъ дѣлѣ облегченіе и упрощеніе, когда, вмѣсто одной, придется ему изучать три азбуки и три грамматики: славянскую, чтобъ читать церковныя книги,—прежнюю русскую, чтобъ читать рукописи и книги донынѣ написанныя и напечатанныя,—и, наконецъ, новую, вами упрощенную? .

Вмѣсто исключенія и замѣны буквъ русскаго алфавита, обратите лучше, гг. грамматики, вниманіе ваше на то, чтобъ уничтожить нѣкоторыя, существующія въ современной орѳографіи нашей противорѣчія и несогласія, чтобъ опредѣлить съ точностію и основательностію, въ какихъ случаяхъ и почему

слѣдуетъ придерживаться въ правописаніи нашемъ словопроизводства, и въ какихъ случаяхъ можно сблизить правописаніе наше съ произношеніемъ. Здѣсь не мѣсто излагать подробно наше мнѣніе объ этомъ; скажемъ только, что нѣкоторыя замѣчанія и соображенія, высказанныя именно по этому предмету г. Стоюнинымъ, въ первомъ совѣщаніи, (10-го марта), мы находимъ очень дѣльными. (Учит. за 1862-й годъ, № 6, стр. 265—269).

Повторяемъ; мы не прочь соглашаться на реформы; напротивъ, будемъ принимать ихъ съ благодарностію, только дѣлайте ихъ, при очевидной необходимости, на твердыхъ и разумныхъ основаніяхъ. Вѣдь дѣло состоитъ не въ томъ, чтобъ только сдѣлать реформу, какова бъ она ни была, а въ томъ, чтобы худшее перемѣнить на несомнѣнно—лучшое, и чтобъ эта реформа имѣла и достойную цѣль, и несомнѣнно—добрыя послѣдствія. Притомъ, если хотите, чтобы мнѣніе по извѣстному предмету было дѣйствительно общественное, а не ваше—частное, не мнѣніе извѣстнаго только кружка; то дайте возможность каждому свободно высказать свое мнѣніе и обнародуйте не однѣ только ваши собственныя мнѣнія и согласныя съ ними, но и противныя вашимъ, какъ бы онѣ ни казались вамъ странными. Мнѣнія нелѣпыя и мысли невѣрныя, не сомнѣвайтесь, встрѣтятся дѣльными возраженіями и опровержeніями.

Окончимъ нашу замѣтку словами Карамзина. «Патріотъ», говоритъ онъ, «спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ *рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народности*. Я люблю,» продолжаетъ онъ, «англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-англійски, нежели говоритъ чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.»

Мы думаемъ, что это мнѣніе умнаго человѣка русской земли вполнѣ слѣдуетъ примѣнить и къ русскому алфавиту [1].

А. Добротворскій.

Нѣжинъ.

---

[1]) Кстати объ англичанахъ: у англичанъ есть и другое патріотическое правило, выражающее ихъ національную гордость: они не заботятся, что скажетъ объ ихъ дѣлахъ Европа, не боятъ

ся только осужденія этихъ дѣлъ самими англичанами; оттого у нихъ нѣтъ ни франкофиловъ, ни полонофиловъ, ни другихъ самодуровъ—филовъ, которыхъ у насъ расплодилосъ сотни тысячъ, и которые изъ-за похвалы какой нибудь французской газетишки готовы отдать на жертву врагамъ половину Россіи и всѣ интересы своего отечества. Англичанинъ гуманенъ,—но его гуманность не простирается до желанія вреда его отечеству; онъ никогда не очутится въ рядахъ враговъ Англіи,—подобно Герценамъ, Бакунинымъ, и комп., онъ не станетъ рукоплескать выходкамъ иностранныхъ газетъ противъ Англіи, подобно нашимъ гуманистамъ, радующимся всякому порицанію Россіи со стороны иностранцевъ. Всякій англичанинъ, живущій въ Парижѣ, отнесся бы съ гордымъ презрѣніемъ къ французамъ, къ рѣчи произнесенной съ трибуны сената, хотя бы то принцемъ Наполеономъ, потребовалъ бы удовлетворенія отъ оратора, если бъ онъ позволилъ себѣ такъ издѣваться надъ Англіею, ея королевою и англійскимъ народомъ, какъ этотъ принцъ дозволилъ себѣ издѣваться надъ всѣмъ русскимъ. Никакой англичанинъ, ни англичанка, услышавъ въ этой рѣчи фразу, что они пріѣзжаютъ въ Парижъ цѣловать руку императора, которая ихъ била, какъ это сказалъ принцъ Наполеонъ въ отношеніи пріѣзжихъ русскихъ,—ни на одни сутки не остался бы въ томъ городѣ, въ которомъ такъ нагло оскорбляютъ чувство ихъ національности, покрайней мѣрѣ всѣ они соединились бы въ одно и громко протестовали противъ такого нарушенія правъ гостепріимства. Но 50 тысячъ русскихъ семействъ, безъ цѣли проживающихъ въ Парижѣ русскія деньги, не только равнодушно проглотили эту дерзкую фразу, но на другой же день учавствовали во всѣхъ балахъ и увеселеніяхъ французовъ, на другой же день обнимались съ презирающими ихъ народность, слѣдовательно и ихъ самихъ, врагами благополучія Россіи, а даже многіе изъ нихъ, по словамъ корреспонденціи, присутствовали на банкетахъ въ пользу поляковъ и приняли участіе въ денежныхъ пожертвованіяхъ въ пользу разоренія Россіи. Пускай же эти русскіе и принимаютъ на свой счетъ слова принца французскаго, которыми угостила ихъ его деликатность и гостепріимство парижское.

Редакторъ.

ЗАМѢТКИ

заволжскаго татарина.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ). ([1]).

Идея навязыванія польской народности всѣмъ жителямъ русскихъ областей, случайно подпавшихъ подъ владычество Польши могло произойти изъ двухъ источниковъ: или рьяные патріоты польскіе, желая крѣпче связать всѣ части соединеннаго государства вздумали передѣлать всѣхъ обитателей его въ одинъ народъ, или духовенство польское, домогаясь имѣть больше значенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе доходовъ, проявило эту идею, подъ видомъ желанія блага своему государству. Положительно неизвѣстно который изъ этихъ источниковъ подарилъ русскихъ такой *польской любезностію*, но, кажется, послѣдній, потому, что эта пропаганда была—дѣло хитрое, а въ главѣ польскаго духовенства стояли тогда іезуиты—самые тонкіе плуты цѣлаго міра.

([1]) Начало этой статьи, доставленной докторомъ Штукой, смотри въ 4-й книжкѣ Вѣстника Ю. и зап. Россіи (за Октябрь) въ отдѣлѣ IV стр. 85.

Авторъ „Замѣтокъ„ университетскій товарищъ Доктора Штуки, препоручивъ ему передать эту статью въ редакцію Вѣстника, просилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, проредактировать ее и, въ случаѣ надобности, измѣнить или дополнить что либо, по своему усмотрѣнію. Прочитывая настоящую статью, докторъ Штука призналъ за нужное, при разсмотрѣніи причинъ латинской пропаганды высказать нѣсколько рѣзче произведенные католиками измѣненія принциповъ христіанскаго ученія,—и потому сдѣлалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчанія, а въ иныхъ дополненія самого текста. Но, дабы эти разсужденія, хотя краткія, но проникнутыя ученіемъ

— Но мы, все-таки, возьмемъ лучшую сторону; т. е. скажемъ, что полонизація русиновъ была слѣдствіемъ желанія, или побужденія истинныхъ патріотовъ Польши и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *благородныхъ* ревнителей католицизма. Разсматривая съ этой точки,—мы не можемъ бранить начало полонизаціи. Всякому вѣрному члену отечества позволительно думать объ упроченіи благосостоянія своего государства и стараться плотнѣе соединять всѣ разнородныя массы народонаселенія, дабы въ нихъ была общая любовь, общее братство; а также если господствующая въ государствѣ религія безукоризненно чистая— то стремиться къ ея распространенію между раскольниками и коснѣющими въ невѣжествѣ дикими или загрубѣлыми племенами, входящими въ общій составъ населенія. Но такъ ли это было въ Польшѣ?—Если бы пропагандисты польскіе хотѣли вводить полонизацію между русинами, съ цѣлію упрочить состояніе государства,—то они старались бы это дѣлать лаской и прельщеніемъ, что бы русины полюбили искренне польское правительство, и интересы Рѣчи Посполитой считали интерессами собственными; но паны, и вообще польское правительство, не думали о любви русиновъ, а старались прижимать ихъ всѣми возможными манерами, разорять и преслѣдовать; каковымъ обхожденіемъ они не могли надѣяться достигнуть братской любви русиновъ!—Точно такое же опроверженіе благородства пропаганды мы видимъ,—разбирая ея дѣйствія съ религіозной стороны. Невѣжами и дикарями, въ отношеніи религіознаго вѣрованія, католики не могли почитать православныхъ, потому, что они были послѣдователи того начальнаго христіанскаго ученія, которое было основаніемъ католицизма, а также не могли ихъ почитать своими раскольниками,—потому, что эти двѣ религіи: православная и католическая, образовались вслѣдствіе разномнѣній представителей церкви, организовались отдѣльно одна отъ другой,—и русины, въ отношеніи обрядности и принциповъ христіанства, крѣпко держались ученія православной церкви. *При томъ же ученіе православныхъ было не подобное католицизму, не фанатиче-*

православной церкви, не показались читателямъ странными, выходя изъ подъ пера могометанина,—то написанныя докторомъ Штукой примѣчанія заключены подписью его имени и фамиліи, а сдѣланныя имъ измѣненія или дополненія въ текстѣ статьи обозначены курсивомъ.

вное, а проповѣдованіе братолюбія ко всему христіанству, слѣдовательно не противудѣйствующее сильно католицизму. Но отъ чего же фанатически—ожесточенное преслѣдованіе въ бывшемъ польскомъ королевствѣ терпѣли только православные и почему у нихъ только отнимали церкви и имъ только воспрещали отправлять богослуженіе по своему обряду, тогда какъ проживавшіе въ томъ же государствѣ евреи, противники христіанства, *потомки мучителей Христа и преслѣдователей его ученія*, пользовались свободою богослуженія по своимъ обрядамъ?!—Не правда ли,—это странно до удивленія?!.. Но эта-то странность и есть, по моему мнѣнію, разгадка полонизація русиновъ и фанатическаго преслѣдованія.

Іерархію управленія польскимъ католическимъ королевствомъ составляло польское дворянство—изнѣженное роскошью, растлѣнное пороками, и притомъ буйное, надменное и неуживчивое. Оно само видѣло какъ не прочно стояло въ общей администраціи государства потому, что грубая масса народонаселенія—народъ рано или поздно могъ опомниться и заглянуть по глубже, что творятъ паны,—и тогда, если открылъ бы всѣ дрязги панскихъ интригъ, ихъ своевольство и безчиніе,—то, безъ сомнѣнія, укоротилъ бы у пановъ поводья управленія и не далъ имъ болѣе воли. Тревожимые этими чувствами паны, оглядываясь кругомъ, со страхомъ за свое будущее,—должны были невольно остановиться на массѣ народонаселенія русскаго, которую составлялъ народъ трудолюбивый, терпѣливый, съ неиспорченнымъ сердцемъ, любившій и боявшійся Бога, словомъ имѣвшій въ себѣ, какъ дѣвственная, здоровая почва, всѣ задатки къ плодородному осуществленію широкихъ и крѣпкихъ воспроизведеній отъ брошенныхъ въ него, годами, семянъ моральнаго развитія. И, при этомъ, народъ единокровный и единовѣрный, крѣпко слагавшійся подъ стойкимъ управленіемъ единодержавія и дѣлавшійся день отъ дня могущественнѣй, сосѣдки Россіи. Народъ русской въ особенности долженъ былъ пугать пановъ, какъ страшный миражъ, грозившій разрушеніемъ ихъ изнѣженнаго житья. Тотъ же самый страхъ должно было ощущать и польское католическое духовенство, пользовавшееся въ Польшѣ, какъ державѣ католической, преимуществомъ и почетомъ. Народъ русской исповѣдывалъ православную вѣру, или, какъ называли ее въ Польшѣ, старую греческую, которой крѣпко держался,—слѣдовательно, съ возвышеніемъ значенія этого народа въ составѣ государства,—православное духовенство должно было

подняться, а можетъ быть и столкнуть съ пьедестала величія католическое. Эти мысли не менѣе, если не болѣе чѣмъ пановъ,—тревожили польскихъ ксендзовъ и бискуповъ, а въ особенности отцовъ іезуитовъ, какъ людей умныхъ и тонко-предусмотрительныхъ; они, навѣрно, можно сказать, лучше всѣхъ поляковъ провидѣли непрочность польскаго королевства... А потерять въ государствѣ значеніе, котораго они такъ усиленно добивались разными хитро-придуманными путями,—крѣпко имъ не хотѣлось.... Была у нихъ еще надежда удержаться на степени прежняго значенія въ государствѣ—это, въ случаѣ моральнаго развитія русиновъ и возвышенія ихъ въ государственной администраціи, подольститься къ нимъ по *іезуитски* и тонкимъ умомъ, покоривъ ихъ своимъ тенденціямъ, заставить обратиться въ католицизмъ. Но опять и въ этомъ было сильное затрудненіе.—Какъ ни могущественны были, по тогдашнему времени, въ умственномъ развитіи от. іезуитды,—но они навѣрно сознавали въ душѣ, что католическое ученіе, при всей тонкости и искусствѣ пропагандистовъ, можно навязать не всякому; что католицизмъ можетъ быть *привлекателенъ для людей вовсе незнакомыхъ съ христіанствомъ, поразивъ величіемъ идеи первоначальнаго ученія этого вѣроисповѣданія*, и можетъ быть *непогрѣшимъ* только во мнѣніи людей, воспитанныхъ въ католическомъ мірѣ; но для другихъ христіанъ, въ особенности православныхъ, онъ никогда не могъ быть высокъ и привлекателенъ. Православные, не пускаясь въ обрядные, а тѣмъ болѣе догматныя измѣненія, крѣпко держались правилъ первобытнаго христіанства, тогда какъ католицизмъ зашелъ далеко и былъ только по названію христіанскимъ ученіемъ, а шагалъ уже въ бокъ чисто не христіанскими шагами.... [1]. Это была уже *не смиренная семья мытарей, переносившая съ терпѣніемъ всѣ нуж-*

[1]) Не нужно быть христіанскимъ богословомъ и даже вовсе христіаниномъ, довольно только прочитать нѣсколько христіанскихъ книгъ, для ознакомленія съ главными догматами этой вѣры, и вникнуть въ исторію католической Европы, чтобы ясно видѣть какъ отстало католичество отъ первоначальнаго христіанскаго ученія. Разлакомленные самоуправностію свѣтской власти, папы прибрали ее въ свои руки, начали беззаконно хозяйничать въ католическомъ мірѣ, и не было предѣловъ ихъ властолюбію. Всѣ

ды съ житейскими невзгодами и проповѣдовавшая ангельскими устами безмездныя жертвы и братолюбіе... Это была корпорація честолюбцевъ, интригановъ, отдающая все: честь,

---

главные принципы христіанства были затоптаны въ грязь, а на мѣсто ихъ явились новыя католическо-религіозныя правила, въ лицѣ верховныхъ владыкъ, такъ напр. на мѣсто смиренія, явилась въ папахъ непомѣрная гордость и дерзость самовозвышенія въ глазахъ народа, вмѣсто тихой проповѣди первыхъ распространителей христіанства—строгія приказанія съ угрозою смерти, вмѣсто родительскаго увѣщанія заблудшихъ—проклятія, сырыя и безвыходныя тюрьмы инквизиціи, ауто-да-фе..... Словомъ папы, вмѣсто отцовъ народа, сдѣлались его неистовыми притѣснителями... Иваконецъ дошли до того, что, забывъ свое званіе—служителей олтаря съ безкровной жертвой, стали явными поощрителями убійствъ, предводительствуя войсками и распоряжаясь сраженіями. Кто изъ читавшихъ исторію не помнитъ дѣйствія папы Юлія II, который, изъ одной политической цѣли, предпринявъ походъ противъ своихъ же правовѣрныхъ католиковъ, жителей Павіи, и самъ предводительствуя войскомъ, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ Евангеліемъ въ другой, поощрялъ войско къ убійству своихъ соплеменниковъ-единовѣрцевъ!... Сообразно ли это съ святительскимъ саномъ намѣстника Христова? Но это еще ничто, въ сравненіи съ окончаніемъ этого гнуснаго въ исторіи римской церкви похода. Павіанцы защищались упорно—и папа съ своимъ войскомъ едва ли бы ихъ побѣдилъ,—но, къ несчастію осажденныхъ, пришелъ день свѣтлаго воскресенья. Набожные павіанцы не надѣясь, чтобы глава церкви осквернилъ эти торжественно святыя для христіанъ минуты братоубійствомъ, собрались въ храмы для слушанія свѣтлой заутрени, оставивъ ничтожную часть войска на городскихъ стѣнахъ. Но не такъ разсуждалъ намѣстникъ смиреннаго своего учителя. Не думая о священнодѣйствіи, онъ въ это время ворвался съ своимъ войскомъ въ несчастный городъ и, въ отмщеніе за жестокое сопротивленіе, дозволилъ своимъ воинамъ два часа погулять по городу, т. е. грабить и убивать безнаказанно. А самъ распѣвая: Resurexit Christus, sicut dixit, Alleluia, верхомъ на ко-

совѣсть, даже вѣру, во все высокое и священное на олтарь какой-то несбыточной идеи—преобладанія надъ цѣлымъ міромъ.—Они ясно видѣли, что всякой развившійся православный, если бы предложить ему католическое ученіе, невольно сдѣлалъ бы вопросъ: гдѣ же въ этомъ ученіи что нибудь христіанское,—*гдѣ братская любовь ко всѣмъ людямъ, гдѣ прощеніе обидъ ненавидящимъ?*..—И съ ужасомъ отвернулся бы отъ проклятій и ауто-да-фе.... По этому от. іезуиты не могли расчитывать, что бы можно было привлечь русиновъ въ католицизмъ послѣ моральнаго ихъ развитія въ нѣдрахъ ученія православнаго; скорѣе можно было достигнуть этого тогда, пока еще этотъ народъ не просвѣтился,—и, на основаніи сего, какъ ловкіе и предусмотрительные дѣятели латинской пропаганды, они подбили польское правительство, всегда роб-

---

нѣ ѣхалъ по улицамъ города, по потокамъ дымящейся человѣческой крови,—и вошедши во храмъ, отслужилъ свѣтлую заутреню. Вѣдь просто не вѣрится, чтобы глава христіанской церкви могъ дойти до такого неистовства!.. Вѣдь это самое ужаснѣйшее святотатство!!?... Будь этотъ воинственный папа распространителемъ мусульманской религіи и имѣй на головѣ, вмѣсто тіары, чашу калифа — тогда дѣло другое! Онъ за это истребленіе непокорныхъ могъ бы быть почтенъ именемъ достойнаго преемника Омара или другихъ благочестивыхъ калифовъ, потому, что мусульманамъ заповѣдано кораномъ распространять свое ученіе мечемъ и быть жестокими къ невѣрнымъ.—Но тому ли учитъ христіанство? Папы и ихъ клевреты, видя, что они зашли уже далеко, выдумали, для очищенія нечистыхъ дѣлъ своихъ въ глазахъ народа, что папа непогрѣшимъ, а для прикрытія корыстолюбивыхъ клевретовъ папскихъ, ихъ хищности и кровожадности, изобрѣли индульгенціи... т. е. отпущеніе грѣховъ и наконецъ изъ этой послѣдней выдумки сдѣлали отлично-доходную статью для обогащенія папской казны, стали торговать этими индульгенціями, давая ихъ и за прошедшіе и за будущіе грѣхи. Вообще устроились отлично для земнаго довольства, что ни накути—все ни по чемъ... Славное вѣроисповѣданіе! .. Ужели это христіанство?!!....

Примѣч. Доктора Штуки.

кое и нерѣшительное, стараться объ окатоличеніи этого народонаселенія, какъ вреднаго по своему вѣроисповѣданію, цѣлости государства, наэлектризовали обѣщаніемъ *за заслуги церкви* великаго блаженства въ будущемъ, польское ксенство и шляхетство содѣйствовать къ успѣху этой пропаганды, — и сами, съ фанатическимъ самоотверженіемъ, ([1]) стали стремиться къ осуществленію своихъ замысловъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, начало латинской пропаганды въ русскихъ провинціяхъ бывшаго польскаго королевства. Слѣдовательно причиною колонизаціи былъ *страхъ*; иначе нельзя никакъ объяснить потому, что въ дѣйствіяхъ польскихъ пропагандистовъ были какія то конвульсивныя агитаціи, они метались во всѣ стороны какъ безумные, очертя голову и не думая ни о какихъ послѣдствіяхъ.... Положимъ, что въ началѣ пропаганды и была еще какая нибудь систематичность въ дѣйствіяхъ, такъ, наприм. думая, что грубый народъ будетъ подражать своимъ панамъ болѣе образованнымъ, пропогандисты рѣшились прежде завлечь въ католицизмъ русское дворянство (шляхетство) и для того, зная самолюбіе дворянъ, выдумали законъ, [2]) по которому только

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ надобно отдать полную справедливость польскому католическому духовенству, и въ особенности оо. іезуитамъ, что въ отношеніи окатоличенія русиновъ они не имѣли или по крайней мѣрѣ, не проявляли никакихъ особыхъ мыслей кромѣ торжества католицизма. Они не только не старались вымогать изъ этого обращенія какихъ либо для себя матеріальныхъ выгодъ, но напротивъ тратили безвозмездно свою собственность на сооруженіе костеловъ и уніатскихъ церквей и вообще не щадили ничего для осуществленія своей идеи. Разумѣется, что это они дѣлали не безъ цѣли; эти пожертвованія были точно какъ семѣна, брошенныя въ землю; и достигни католическое духовенство пріятнаго результата въ своихъ стараніяхъ, т. е. ополячь всѣхъ русиновъ,—семѣна эти принесли бы имъ обильный плодъ, вознаградившій ихъ потери сторицею.

Примѣч. Докт. Штуки.

[2]) Существованіе этого закона подтверждаетъ протестъ православной шляхты полоцкаго воеводства, составленный на сеймикѣ,

шляхта католическаго вѣроисповѣданія имѣла право владѣть населенными имѣніями и занимать высшія государственныя должности; но когда народъ русской, *поддерживаемый своимъ стойкимъ духовенствомъ*, не смотря на отступничество отъ родной вѣры пановъ, продолжалъ крѣпко держаться прежняго вѣроученія,—то стали косить во всѣ стороны и не милосердно гнуть бѣдный русской народъ всѣми возможными манерами; осмѣивали его религію, называя *хлопскою* (мужицкою), а церкви жидовскими синагогами и псарнями, притѣсняли и унижали русское духовенство, отдавали заселенныя русскими земли въ собственность польскимъ панамъ и шляхтичамъ, которые обращали поселенцевъ въ своихъ рабовъ, (людей безъ всякой гарантіи) и не было суда и расправы русскому человѣку на русской землѣ. Но какъ и эти крутыя мѣры не могли заставить русскихъ отступить отъ своей вѣры,—выдумали хитрую, чисто іезуитскую штуку—унію, т. е. какъ бы примирительную секту для соглашенія двухъ вѣроисповѣданій, а собственно тонкую уловку какъ бы нибудь подвигнуть русскихъ къ переходу въ католичество,—и стали силою принуждать народъ къ принятію этой новой, небывалой на земномъ шарѣ, вѣры. Вотъ настало тогда горькое время для русскихъ!—Уніаты, какъ напр. во всей западной Россіи, стали разъѣзжать съ вооруженною толпою польской шляхты и насильно обращать народъ въ унію, отнимая для уніатовъ православныя церкви, гоня и преслѣдуя православныхъ свя-

---

бывшемъ въ Полоцкѣ въ 1599 г., противъ сеймовой конституціи и универсала короля Сигизмунда III, запрещавшаго лицамъ не римской вѣры владѣть населенными имѣніями, подъ страхомъ конфискаціи ихъ въ пользу Рѣчи Посполитой. Протестъ этотъ поданъ королю и сейму и записанъ въ новогрудскихъ трибунальныхъ книгахъ и актикованъ въ актовыхъ городскихъ книгахъ полоцкаго воеводства въ 1601 году. Подлинникъ этого протеста, написанный на 12 листахъ, по русски, сохранился въ фамильномъ архивѣ помѣщика витебской губерніи, лепельскаго уѣзда, Людвика Корсака. Собственноручныя подписи на этомъ протестѣ съ гербовыми печатями занимаютъ нѣсколько листовъ; первымъ подписался тогдашній подвоеводій Варкулавъ Корсакъ, какъ предсѣдатель сейма. Ред.

щенниковъ, запрещая имъ отправлять богослуженіе даже въ загородныхъ шалашахъ и ругаясь надъ усопшими руссинами, похороненными по обряду православному, которыхъ вырывали изъ могилъ и бросали на съѣденье псамъ; (*) а на югѣ еще хуже,—отдавали православныя церкви въ аренду жидамъ, заклятымъ врагамъ христіанства, которые за каждую исполняемую православными въ церквахъ ихъ требу брали произвольную плату и распоряжались въ церквахъ, куда имъ долженъ бы быть запрещенъ даже и входъ, какъ своею собственностію: обращали священные для православныхъ церковные сосуды на домашнее употребленіе, перешивали изъ церковныхъ одѣяній женскіе наряды, сохраняя на нихъ, какъ бы въ насмѣшку, церковные знаки; и мало того, кромѣ церквей, отдали наконецъ польскіе паны, почти повсемѣстно, поселенныхъ на заграбленныхъ ими, свѣдома правительства или безвѣдома, земляхъ (**) руссиновъ въ безграничную администрацію тѣмъ же жидамъ, предоставивъ имъ полное право надъ руссинами даже на жизнь и смерть. Народъ стоналъ, плакалъ, вопилъ, подавалъ жалобы королю и сейму,—но никто его не слушалъ...

Вотъ иго, такъ иго!... Развѣ дѣлали это мои храбрые предки-татары съ русскимъ народомъ?—Развѣ это управленіе западно-южною Русью можно сравнить съ господствомъ татаръ надъ Русью восточною?—Развѣ?— Но постойте!—доскажемъ прежде вкратцѣ исторію господствованія поляковъ надъ руссинами и потомъ выведемъ уже окончательное сравненіе между этими двумя народами, т. е. *дикими татарами и цивилизованными поляками.*

---

[1]) См. въ I и II кн. Вѣст. югозападной и западной Россіи за 1862 г., ст. г. Говорскаго: Іосафатъ Кунцевичъ.

[2]) Государственная канцелярія отводила польскому дворянству земли безъ всякаго разбора, заселены ли они русскимъ народомъ, или нѣтъ. А къ этимъ землямъ, польскіе дворяне, видя безнаказанность своихъ буйныхъ дѣйствій, не пропускали случая прихватывать силою у сосѣднихъ русиновъ и другіе собственные ихъ участки.

[3]) См. въ Вѣст. юг. и зап. Россіи за 1862 г., упомянутую выше статью П. Кулиша: „Паденіе шляхетскаго господства.“

Какъ ни терпѣливъ русской человѣкъ, но наконецъ и его терпѣніе лопнуло. Стали бѣдные рабы убѣгать въ широкія, вольныя степи украины и образовали тамъ знаменитую Сѣчъ—могучій разсадникъ бойцовъ за право и вѣру русскаго народа. Умножаясь болѣе и болѣе и почувствовавъ свои силы,—эти безжонные воители стали постепенно поднимать головы и простирать братски руки своимъ единокровнымъ страдальцамъ—рабамъ польскаго шляхетства, остававшимся на прежнихъ мѣстахъ жительства; начали появляться лихіе предводители, какъ напр. Наливайко, Сулима, Павлюкъ, Остраница, которые открыто, съ оружіемъ въ рукахъ стали отстаивать права русскаго народа, и наконецъ является на сцѣну Богданъ Хмельницкій; взволновалась вся Украйна и съ неимовѣрнымъ самоотверженіемъ отдѣлалась отъ Польши, и соединилась съ своей родной Русью. (*)

Надобно замѣтить здѣсь удивительную черту русскаго народа, можетъ быть главную причину теперешняго могущества русскаго царства—это привязанность къ правительству. Какъ ни тяжко было житье русскихъ подъ гнетомъ шляхетской республики, но послѣ каждаго возстанія, они мирились съ правительствомъ, при каждомъ столкновеніи правительства съ внѣшними врагами, не помня старыхъ обидъ, охотно шли ему на помощь; и заслуги ихъ были весьма важны, какъ напр. въ походѣ королевича Владислава, гдѣ козаки чисто спасли польское войско, и проч. Но чѣмъ же заплатило имъ за это польское правительство? - Обманами и новыми притѣсненіями. Если бывала нужда, - то приманивали русскихъ обѣщаніями разныхъ льготъ и милостей, а только проходила бѣда,—начинали снова ихъ гнуть и немилосердно тиранить, хуже непримиримыхъ враговъ. . . Не было никакихъ клятвъ со стороны поляковъ, которыми могъ бы повторить русской!—Если было выгодно для поляковъ нарушеніе клятвъ, - то они, безъ зазрѣнія совѣсти, измѣняли имъ и даже не просто, самопроизвольно, а съ разрѣшенія своего духовенства,—такъ было съ гетманомъ Остраницею, съ которымъ разбитые имъ поляки заключили мирный договоръ, *закрѣпленный при клятвенномъ обѣщаніи, крестнымъ цѣлованіемъ*, и потомъ коварно захватили его безоружнаго и отвезли въ Варшаву,

---

¹) Не буду описывать здѣсь постепеннаго хода возстанія малороссовъ, пусть читатель обратится къ той же статьѣ г. Кулиша.

гдѣ онъ былъ казненъ самымъ злодѣйскимъ образомъ (*). Духовенство католическое само разрѣшило поляковъ отъ клятвы, данной Остраницѣ, и само въ большомъ числѣ и съ полною торжественностію, не устыдилось присутствовать при несправедливой и изувѣрской его казни! Да, что тутъ говорить,—такіе примѣры въ польской исторіи нерѣдкость.

Эти—то обманы, пронырства, хитрое и грязное подкапыванье подъ все русское безсовѣстныхъ польскихъ пропогандистовъ, іезуитовъ и вообще польскаго духовенства и несправедливыя, безчеловѣчивыя казни были жестокимъ убійствомъ моральной стороны русскаго народа, жившаго на югѣ бывшей Польши. Посмотрите теперь на малорусса,—вы не увидите въ немъ типичнаго сходства съ чисторусскимъ человѣкомъ, какъ будто малоруссы со всѣмъ другой народъ? Страхъ быть обманутымъ—убилъ въ малороссѣ свойственное русскому человѣку прямодушіе и откровенность; онъ сдѣлался хитеръ, подозрителенъ, недовѣрчивъ . . . . Владычество надъ Малороссіей польской шляхты, старавшейся переломать русской языкъ на польской ладъ, и столкновеніе убѣгавшихъ несчастныхъ въ широкія степи Украйны съ разноплеменными бѣглецами—исказили русскую рѣчь, которою говорилъ прежде этотъ народъ . . . Безчеловѣчные поступки поляковъ съ малороссами ожесточили послѣднихъ, отогнали ихъ отъ мирной, сельской жизни и сдѣлали бездомниками, проходимцами, живущими грабѣжомъ, такъ, что долго, по переходѣ подъ русское владычество не могли организовать изъ нихъ мирныхъ сельскихъ жителей; да и теперь они плохіе земледѣльцы . . . . А посмотрите-ка приверженцы запада, гдѣ чище всего сохранился русской человѣкъ съ своей широкой, откровенной натурой, съ своимъ чисторусскимъ языкомъ, какъ не въ той части Россіи, которая находилась подъ владычествомъ татаръ? ! Выходитъ, что *иго-то татарское* не было слишкомъ тяжко.

Я слыхалъ отъ многихъ поляковъ, что они или, лучше сказать, ихъ предки отъ того поступали жестоко съ малороссами, что малороссы сами, при первомъ удобномъ случаѣ, старались производить разбои и убійства..... Положимъ, что

---

[1]) См. II кн. Вѣст. юг. и зап. Россіи за 1862 г., стр. 100, г. Ступишина: „Кн. Кор. Вишневецкіе.“

это и справедливо; ибо, взглянувъ поближе на войны поляковъ съ малороссами, нельзя похвалить и послѣднихъ за христіанское великодушіе... Они немилосердно истребляли поляковъ, ксендзовъ и въ особенности жидовъ, которые попадались имъ въ руки. Но кто виноватъ въ этомъ какъ не тѣ, которыхъ они истребляли? Поляки были господствующее народонаселеніе королевства, самое цивилизованное, а какъ они поступали съ малороссами?! Если образованные тогдашніе паны-магнаты, какъ напр. Конецпольскій, Іеремій Вишневецкій, Потоцкій, замучивали попадавшихся имъ въ руки малороссовъ въ безчеловѣчныхъ пыткахъ, распиливали и растесывали ихъ на двое, обливали кипяткомъ, сажали на колъ, разтерзывали между двухъ досокъ набитыхъ гвоздями, проверливали буравами глаза, рѣзали носы и уши, переламывали кости, пробивали насквозь тѣла желѣзными спицами, терзали желѣзными когтями и поджаривали на медленномъ огнѣ, то простительно грубымъ малороссамъ, что они, перенявъ отъ пановъ ихъ образованную распорядительность съ личностями плѣнныхъ, повторяли эти дѣйствія съ самими панами и вообще съ поляками, которые къ нимъ попадались. Тоже самое можно сказать о польскихъ ксендзахъ и монахахъ. Паны польскіе вѣдь истязали же русскихъ поповъ за то, что они мѣшаютъ распространенію между русскими латинства, такъ почему же, подражая своимъ цивилизаторамъ, не потѣшиться было русскимъ, въ свою очередь, надъ польскимъ духовенствомъ?! Они ясно видѣли, что главные притѣснители ихъ родной религіи были католическіе духовные, которые пріѣзжали къ нимъ съ вооруженною толпою шляхты, отнимать православныя церкви и обращать ихъ въ уніатскія и латинскія, осмѣивали все народное, православную религію и подзадоривали пановъ и шляхту къ крутымъ противъ руссиновъ мѣрамъ. Что же касается до жидовъ, то поступки съ ними еще болѣе извинительны малороссамъ. Жидовъ и паны убивали, не считая это за грѣхъ, то тѣмъ менѣе могъ считать это грѣхомъ грубый простолюдинъ, зная, что жиды заклятые враги его религіи, *мучители и преслѣдователи божественнаго Учителя, отъ котораго произошла эта религія*.... При томъ же жиды гораздо больше пановъ и ксендзовъ надоѣли русскимъ; они, арендатарствуя въ панскихъ помѣстьяхъ, всего ядовитѣе язвили русскихъ своими пронырствами и безчувственною алчностію; они хуже вампировъ сосали не только кровь изъ народа, но даже мозгъ изъ его костей...

Впрочемъ я говорю, что эти звѣрскіе поступки были извинительны русскимъ только въ 1-хъ сравнительно съ поступками ихъ цивилизаторовъ—пановъ, и во 2-хъ, какъ месть грубаго народа, немилосердно притѣсняемаго въ продолженіи многихъ лѣтъ; *а все-таки какъ дѣйствія христіанъ, ихъ нельзя извинить.* Но какъ же, послѣ того, отозваться о *подвигахъ* съ русскими пановъ, *этихъ просвѣщенныхъ христіанъ?!* А еще зовутъ моихъ храбрыхъ предковъ варварами и гнушаются безчеловѣчными ихъ поступками съ побѣжденными!... Позвольте спросить, какіе это безчеловѣчные поступки? Что татары, взявши русскіе города, послѣ отчаяннаго боя (потому, что русскіе не любятъ и не любили отдаваться даромъ), истребляли всѣхъ до единаго жителя? Сознаюсь, что это жестоко, но это простительно имъ, какъ грубымъ, полудикимъ людямъ и нехристіанамъ [1]). Да и что же это въ сравненіи съ тѣмъ, какъ распоряжались польскіе паны съ русскими, какъ поступали христіане съ христіанами! Напр. коронный гетманъ Конецпольскій за побѣги русскихъ изъ мѣстъ жительства, велѣлъ *карать* ихъ женъ и дѣтей, что и исполнялось буквально; если герой польскій, воспитанникъ іезуитовъ, Іеремія Вишневецкій, собравъ по тундрамъ, разбѣжавшихся послѣ сраженія подъ Берестечкомъ, до трехъ тысячъ русскихъ, израненныхъ, истощенныхъ голодомъ, полуживыхъ, велѣлъ всѣхъ добить... А ужъ о казняхъ плѣнныхъ въ небольшомъ количествѣ и говорить нечего!... Просто не вѣрится, что это дѣлали просвѣщенные христіане,—и невольно воскликнешь: o tempora, o mores!!...

Но еще не все. Я разсказалъ только поступки поляковъ съ южно-руссами; нужно еще взглянуть на другихъ русскихъ обитателей бывшаго польскаго королевства, наприм. на бѣлоруссовъ.

Хотя, какъ я уже упомянулъ выше, въ малороссахъ, благодаря милостивому попечительству Польши, исковеркался немилосердно русской языкъ, которымъ они говорили, испортился характеръ и вообще перемѣнилась вся личность не въ собственную пользу,—но въ этомъ народѣ сохранилось еще кое-что *незабитое*—это народное самолюбіе. Подпивъ порядкомъ горилки, малороссъ встанетъ, подбоченится и, свернувъ

---

[1]) Я объяснилъ уже объ этомъ выше. Смотри начало статьи въ IV кн. Вѣст. югоз. и зап. Россіи.

шапку на бокъ, скажетъ съ самодовольнымъ видомъ, что онъ козакъ; при чемъ вспомнитъ битвы своихъ предковъ, ругнетъ жида и ляха и пропоетъ подъ часъ немудрую, старинную пѣсеньку, гдѣ воспѣваются козацкія продѣлки... Но бѣлоруссъ и этого не имѣетъ... У него нѣтъ ничего отраднаго въ прошедшемъ.

Несчастный бѣлорусскій край, по своему географическому положенію такъ поставленъ, что не было выхода его народу изъ подъ тяжкаго гнета Польши. У малороссовъ были въ сосѣдствѣ широкія, вольныя степи, куда могли они укрыться отъ преслѣдованія польскихъ пропагандистовъ, и хотя въ вѣчномъ безпокойствѣ за собственную жизнь, бывшую всегда въ опасности, отъ наѣздовъ воинственныхъ сосѣдей—крымскихъ татаръ, но могли еще существовать по вольности *лыцарства* потому, что въ эти степныя приволья не смѣло просовывать носъ изнѣженное польское шляхетство, боясь встрѣтить суровую расправу за свои вмѣшательства; а бѣлоруссы были обижены и въ этомъ отношеніи,—они были удалены отъ вольныхъ степей.... Хотя нѣкоторые изъ бѣлоруссовъ и пробирались кое-какъ на Запорожье, но тѣ не возвращались уже на родину, они или погибли съ запорожцами въ битвахъ или селились вмѣстѣ съ выходцами изъ Сѣчи по Дону и Яику, или сливались съ малорусскимъ народомъ и не могли подать руку помощи своимъ собратьямъ... Бѣлоруссы были близки въ централизаціи полонизма, за ними строго надзирали, и отъ того то всего тяжелѣе пало на нихъ латинское господство, довело народъ до нищеты и убило, можно сказать, на повалъ человѣческую, а тѣмъ болѣе русскую натуру. Только человѣкъ бывшій въ Бѣлоруссіи, особенно въ прежнее время, можетъ знать, что это за забитый, истощенный, почти полудикой народъ!..... Нужно много времени чтобы сравнять его съ народомъ русскимъ, находившимся нѣкогда подъ владычествомъ татаръ [1]). А еще поляки назы-

[1]) Нѣсколько лѣтъ назадъ тому я былъ въ Бѣлоруссіи и признаться сказать сердце мое обливалось кровью, смотря на бѣлорускихъ крестьянъ, особенно помѣщичихъ. Они мнѣ показались какими то дикарями, нелучше самоѣдовъ или якутовъ; у нихъ не было никакого понимапія о другихъ предметахъ, которые не касались только ихъ хаты, скота, да паньщины (барщины).

раютъ себя цивилизаторами русиновъ... Хороши цивилизаторы! Когда бы вѣкъ не видать ихъ русскому народу!...

Дорисовавъ картину разницы вліяній поляковъ и татаръ, какъ нѣкогда владычествующихъ націй, на элементъ русской, слѣдуетъ теперь, согласно сдѣланному въ началѣ статьи обѣщанію, разсмотрѣть эти двѣ народности, въ отношеніи *благородства и благоразумія*, какъ подданныхъ Россіи.

(*Окончаніе обѣщано*).

Вотъ до чего довело бѣлоруссовъ польское подданство!!... А о бѣдности края и говорить нѣчего!... Кажется, что бѣднѣе бѣлорусовъ не было и не будетъ въ Русской имперіи. Можетъ быть съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія бѣлорусскіе крестьяне будутъ мало по малу поправляться, выдя изъ попечительства своихъ пановъ католиковъ; а благодѣтельное распоряженіе правительства объ устройствѣ въ Бѣлоруссіи православныхъ церквей сдѣлаетъ бѣлоруссовъ болѣе приверженными къ религіи предковъ, а можетъ быть и сравняетъ ихъ въ этомъ отношеніи съ ихъ братьями великоруссами.

Примѣч. **Доктора Штуки.**

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ У АВСТРІЙСКИХЪ СЕРБОВЪ.

(Преосвященнаго Андрея, православнаго епископа трансильванскаго [1]).

Общія замѣчанія.

Основателемъ церковной независимости сербовъ былъ св. Савва, архіепископъ Сербіи, святитель отличныхъ качествъ и доблестей, за которыя сербскій народъ избралъ его покровителемъ своей земли, и ежегодно празднуетъ его память 14-го января. Св. Савва былъ сынъ перваго повелителя сербовъ, Нѣмани, который называлъ себя также царемъ или королемъ. По наклонности къ иноческой жизни, онъ тайно оставилъ отеческій домъ, пошелъ на гору Аѳонъ и вступилъ тамъ, въ 1159 году, въ иноческій чинъ, получивъ вмѣсто крестнаго своего имени „Рацко“ монашеское имя „Савва.“ Скоро послѣ этого онъ былъ посвященъ въ іеродіакона, іеромонаха и наконецъ въ архимандрита. Спустя нѣсколько лѣтъ, и его отецъ, наскучивъ дѣлами правленія, промѣнялъ скипетръ на монашескую мантію въ основанномъ имъ самимъ монастырѣ, Студеницѣ. Въ иноческомъ чинѣ онъ получилъ

[1]) Переведено изъ «Исторіи греко-восточной церкви въ Австріи» Geschichte der griechisch-orientalischen Kirche in Oesterreich. Bruchstücke aus der algemeinen Kirchengeschichte des Andreas Freiherrn von Schaguna, Bischofs der gr. orient. Kirche in Siebenbürgen. Hermanstadt. 1862.

имя Симеонъ. За тѣмъ онъ отправился къ своему сыну на гору Аѳонъ, гдѣ оба они основали знаменитый монастырь „Хиландарь,“ съ соизволенія константинопольскаго патріарха и греческаго императора, назначенный для монаховъ изъ сербскаго народа, населяемый и нынѣ еще одними лишь сербскими монахами. По смерти Симеона, Савва, по требованію своего брата, перваго вѣнчаннаго (коронованнаго) царя, Стефана, возвратился, въ 1205 году, въ свое отечество, принесши съ собою останки своего отца и закопавъ ихъ въ монастырѣ Студеницѣ, гдѣ онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ. Потомъ Савва путешествовалъ въ Константинополь и принятъ былъ патріархомъ съ почестями. При этомъ случаѣ онъ представилъ императору и патріарху, между прочимъ, какъ онъ и его отецъ старались истреблять возникшія тогда ереси, и какъ бы много способствовало къ успѣхамъ православія, когда бы сербскія области получили архіепископа. Императоръ и патріархъ одобрили это предложеніе съ условіемъ, чтобы Савва самъ принялъ архіепископскій санъ. Сначала Савва отказывался, но наконецъ любовь къ отечеству побѣдили его безпритязательность; въ 1219 году онъ былъ посвященъ патріархомъ во епископа, и такимъ образомъ сдѣланъ первымъ сербскимъ архіепископомъ.

Опытъ убѣдилъ архіепископа Савву, что его отечество получило бы великія выгоды, когда бы не было принуждено принимать своего архіепископа изъ Константинополя, и когда бы отечественное духовенство и народъ имѣли право сами избирать своего архіепископа. По этому онъ много хлопоталъ объ этомъ правѣ у императора и патріарха, и хотя тѣмъ тяжело было согласиться на предложеніе архіепископа, однако, побуждаемые обстоятельствами времени, они исполнили просьбу Саввы, выдавъ ему на просимое имъ право торжественный дипломъ.

Савва, основатель независимой архіепископіи, жилъ послѣ этого еще многіе годы и благоуспѣшно дѣйствовалъ для блага сербской церкви. Достигши глубокой старости, онъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ, заѣхалъ на возвратномъ пути въ Терново, гдѣ посѣтилъ болгарскаго царя Ассана, заболѣлъ тамъ и во Господѣ скончался. Оттуда онъ перенесенъ былъ въ отечество и похороненъ въ основанномъ имъ монастырѣ Милесево. Отсюда

же нетлѣнные его останки, по приказанію Сикана паши, были перенесены въ 1595 году въ Бѣлградъ и сожжены на холмѣ „Врачарѣ.“

Еще предъ своимъ отъѣздомъ въ Іерусалимъ Савва наименовалъ своимъ преемникомъ и посвятилъ инока Арсенія. За этимъ слѣдовали многіе архіепископы до 1340 года, въ которомъ архіепископомъ былъ Іоанникій II и надъ сербами господствовалъ Стефанъ Душанъ, прозванный сильнымъ. Этотъ, весьма счастливый въ войнѣ повелитель, не довольствовался однимъ титломъ царя, но завоевавъ, одна по другой, греческія области, старался перенести скипетръ и императорское достоинство греческаго государства на сербскую націю. Онъ созвалъ въ городѣ Скопья духовенство и сановниковъ своихъ областей, провозгласилъ архіепископа Іоанникія патріархомъ сербовъ и заставилъ новаго патріарха вѣнчать себя и помазать императоромъ сербовъ, грековъ и болгаръ.

По смерти перваго патріарха духовенство собралось въ Серезѣ и избрало вторымъ патріархомъ Савву IV, при которомъ случаѣ Душанъ вѣнчался вторично, и сдѣлано было рѣшеніе, отправить греческихъ архіепископовъ обратно въ Константинополь. Константинопольскій патріархъ Каллистъ, извѣщенный о заключеніяхъ этого національнаго синода, былъ такъ огорченъ, что подвергъ императора и патріарха со всѣмъ духовенствомъ церковному отлученія. Потомъ, раскаявшись, императоръ Душанъ старался чрезъ своихъ пословъ поправить дѣло у патріарха константинопольскаго, но напрасно. Между тѣмъ, греческое государство было тогда слишкомъ слабо, чтобъ остановить побѣды Душана и воспрепятствовать вѣнчанію его въ императора безъ соизволенія греческаго правительства.

Отлученіе было снято лишь во времена сербскаго князя Лазаря. Лазарь послалъ инока Исаію къ патріарху съ порученіемъ, исходатайствовать у него снятіе отлученія. Посланному иноку удалось испросить разрѣшеніе какъ для умершихъ, такъ и для живыхъ, съ условіемъ впрочемъ, чтобы сербы перестали преслѣдовать и притѣснять греческій народъ. Это было сдѣлано въ Константинополѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено оставить сербскимъ архіепископамъ не только ихъ независимость, но и патріаршее тит-

ло. Эти рѣшенія были вручены письменно сербскому послу, принесены имъ и сопровождавшими его двумя греками въ резиденцію князя Лазаря, Призренъ, и тамъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ прочитаны предъ собраннымъ народомъ въ церкви. Еще до возвращенія греческихъ пословъ умеръ патріархъ Савва, въ слѣдствіе чего архіепископы, епископы и архимандриты собрались въ Ипекѣ, мѣстопребываніи сербскаго патріарха, и избрали въ этотъ санъ Ефрема. Новый патріархъ въ 1376 году, въ присутствіи греческихъ пословъ, вѣнчалъ во второй разъ Лазаря сербскимъ императоромъ. Такимъ образомъ положенъ конецъ враждѣ между греческою и сербскою іерархію, и возстановлены миръ и согласіе. Съ сего времени жили въ Ипекѣ и во время турецкаго нашествія многіе сербскіе патріархи, и притомъ до 1767 года, въ которомъ патріаршую каѳедру занималъ Самуилъ. Въ 1690 году, ипекскій патріархъ Арсеній Черновичъ переселился съ нѣсколькими тысячами семействъ сербскаго народа въ австрійскую монархію, и основалъ здѣсь сербскую іерархію, состоявшую изъ архіепископіи и епископій: темешварской, сегединской, будинской могачской или сигетской, вершецкой и великоварадинской или агрійской. (Ср. импер, дипломъ отъ 4-го марта 1685 г.) Второй сербскій патріархъ, въ 1737 году переселившійся со многими тысячами душъ также въ Австрію, былъ Арсеній Іоанновичъ Шакабентъ, бывшій шестымъ митрополитомъ въ Карловцахъ. По смерти патріарха Самуила, въ 1769 году, сербскій патріаршій престолъ уничтоженъ. Къ этому много способствовало турецкое правительство, имѣвшее цѣлію подчинить всѣхъ епископовъ турецкихъ областей константинопольскому патріарху, коего кругъ дѣятельности ограниченъ былъ турецкими фирманами.

О православной церкви въ сербскомъ воеводствѣ, темешскомъ Банатѣ, Венгріи, Славоніи и Кроаціи [1]).

Готфридъ Фридрихъ Шварцъ [2]) пытался доказать, что Венгрія обращена была къ христіанству первоначально греческими священниками, и потомъ лишь уже латинскими. Хотя при св. Стефанѣ, венгерскомъ королѣ (ум. 1038), западная церковь сдѣлана господствующею и аббатъ колочскій Астрикъ наименованъ первымъ католическимъ епископомъ: тѣмъ не менѣе папа Иннокентій III въ своей грамотѣ къ венгерскому королю, отъ 17-го октября 1204 года говоритъ, что тогда, въ началѣ тринадцатаго столѣтія, въ Венгріи былъ лишь одинъ католическій монастырь, греческихъ же было много [3]). Даже самъ король Ладиславъ Куманъ (1272—1290), хотя воспитанъ въ римско-католической вѣрѣ, но по совѣту сербскаго архіепископа Саввы, перешелъ въ греческую церковь [4]).

Швартнеръ въ своей статистикѣ (кн. 1 стр. 157) говоритъ: „если я не ошибаюсь, то въ характерѣ греческой церкви лежитъ та достопримѣчательная особенность, что она менѣе занимается обращеніемъ, нежели другія религіозныя партіи нашего времени. Это обстоятельство могло, пожалуй, быть причиною, что мадьярскій народъ, созрѣвшій въ десятомъ столѣтіи къ обращенію, не сдѣлался составною частію восточной церкви. Правда, что въ южной Венгріи дѣланы были къ тому попытки; но планъ обращенія, составленный католическою церковію, былъ удачнѣе, и ревность,

---

[1]) Всѣ эти области извѣстны подъ общимъ именемъ: Венгріи и соединенныхъ съ нею областей (partes adnectæ). Перев.

[2]) Initia Religionis christianæ inter Hungaros Ecclesiæ orientali adserta. Hallæ, 1740.

[3]) Quia vero nec novum est, nec absurdum, ut in regno tuo diversarum nationum, Conventus uni Domino in regulari habitu famulentur, licet unum sit ibi latinorum Cœnobium, quum tamen ibidem sint multa Græcorum. Supplem. Analect. Scepus. Csaplovics 11. 16.

[4]) Csaplovics 11. 16.

характеризующая католическихъ монаховъ, уничтожила въ самомъ зародышѣ медленныя предпріятія греческихъ монаховъ."

Уже король Людвикъ I, въ 1355 году, за споспѣшествованіе интересамъ западной церкви, получилъ отъ папы Иннокентія III титло генералъ капитана всего христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ дозволеніе предпринять крестовой походъ противъ сербовъ. Людвикъ изъ этого права не сдѣлалъ никакого другаго употребленія, кромѣ того, что по истеченіи десяти лѣтъ, именно въ 1366 году, приказалъ графу Крассовскому заключить всѣхъ славянскихъ священниковъ греческой вѣры, съ ихъ женами и дѣтьми въ темницу, на ихъ же мѣста поставилъ онъ другихъ священниковъ изъ Далматіи, которымъ было поручено обратить послѣдователей православной вѣры въ католичество. Когда владѣтель Сербіи и Рассіи Георгій Бранковичъ, еще въ 1427 году, по договору уступилъ королю Сигизмунду крѣпость Бѣлградъ съ другими владѣніями, то въ вознагражденіе за это онъ получилъ владѣнія: Сольнокъ, Тотсагъ, Сланкамень, Кульпинъ, Бече, Вилагощваръ, Токай, Мункачъ, Таля, Регезъ, Сердагели, Сатмаръ, Бёсёрмени, Чётортокели, Дебречинъ, Туръ и Тиса-Варсани, куда онъ перешелъ съ великимъ числомъ сербовъ, и такимъ образомъ поселилъ въ этихъ мѣстахъ Венгріи христіанъ грековосточной вѣры. При королѣ Матѳіѣ Корвинѣ, въ 1481 году, комендантъ темешварскій Кинисъ (Кинчу Паво) ворвался въ Сербію и увелъ до 50,000 сербовъ, которыми очень умножилось число православныхъ христіанъ, потому что эти новые колонисты нашли православныхъ румуновъ на ихъ отечественной почвѣ, занимаемой ими въ теченіе столѣтій.

Религіозныя событія въ Славоніи.

За много лѣтъ до могачскаго сраженія, около половины пятнадцатаго столѣтія, многія семейства переселились изъ Босніи и Македоніи въ Славонію, и основали здѣсь монастырь Марчу, который послѣ означеннаго сраженія опустошенъ былъ турками вмѣстѣ съ деревнями сихъ колонистовъ. Эти впрочемъ опустошенныя мѣста скоро снова заселены были пришедшими изъ Босніи и Сербіи христіанами, оказавшими королю Фердинанду I заслуги

противъ Заполи, за которыя и получили привилегіи въ 1564 году. И при королѣ Максимиліанѣ II (1564—1576) переселилось большое число христіанъ изъ сосѣднихъ турецкихъ областей въ Славонію; равно перешли туда и во время короля Рудольфа II (1576—1612) весьма многіе, въ числѣ ихъ митрополитъ Босніи Гавріилъ съ 70 монаховъ, которые очень хорошо были приняты правительствомъ, бывъ увѣрены въ неприкосновенности ихъ церковной свободы, получивъ также и другія выгоды, между прочимъ ежегодное вспоможеніе въ 300 гульденовъ. Упомянутый митрополитъ возстановилъ какъ церковь, такъ и монастырь Марчу. Этотъ народъ, бѣжавшій изъ Босніи и поселившійся въ Славоніи, своимъ поведеніемъ въ политическомъ и церковномъ (?) отношеніяхъ очень соотвѣтствовалъ ожиданію императорскаго правительства; въ слѣдствіе чего король Фердинандъ II въ 1627 году даровалъ имъ новыя привилегіи. Въ 1630 году Фердинандъ II далъ имъ земскій уставъ, подтвержденный въ 1659 г. императоромъ Леопольдомъ I и въ 1717 Карломъ VI. Противъ этого устава земскіе депутаты подняли протестъ, о слѣдствіяхъ коего свидѣтельствуетъ и Corpus Juris слѣд. словами; „Valachorum privilegia cassentur.“ Католическіе хорваты называли этихъ сербскихъ переселенцевъ „валахами,“ желая издѣваться надъ ними и показать, что они не принадлежатъ къ одной и тойже націи съ католическими хорватами. Эти привилегіи и Statuta Valachorum были подтверждены и въ 1737 году, и къ нимъ присоединены еще три новыя статьи. Онѣ до возстанія хорватовъ въ 1755 году хранились въ башнѣ православной церкви въ Северинѣ.

Преемники упомянутаго митрополита имѣли титло епископовъ Славоніи. Восьмой изъ нихъ, Павелъ Зоричъ, былъ измѣнникъ вѣрѣ. Это былъ гордый, самоискательный монахъ, положившій, во что бы то ни стало, сдѣлаться епископомъ; за этимъ онъ отправился къ католическому епископу въ Загребѣ (въ Хорваціи), и обѣщалъ ему перейти въ унію и споспѣшествовать ея распространенію, когда епископъ будетъ помогать ему въ достиженіи епископскаго сана. Католическій епископъ принялъ его подъ покровительство и сдѣлалъ его епископомъ свидницкимъ и епископскимъ викаріемъ въ Загребѣ. Потомъ, въ 1678 году, по уговору

съ католическимъ епископомъ въ Нейштадтѣ, графомъ Колоничемъ, онъ принялъ имѣніе Пріобичъ, съ условіемъ ревностно споспѣшествовать дѣлу уніи и ежегодно шесть духовныхъ воспитанниковъ посылать въ загребскую семинарію, съ тѣмъ, чтобъ они послѣ поставлены были въ унитскихъ священнослужителей. Этотъ уговоръ въ 1682 году былъ утвержденъ императоромъ Леопольдомъ I. Монахъ Павелъ Зоричъ представился православнымъ христіанамъ, полагая, что они ничего не знаютъ о его продѣлкахъ, увѣрялъ ихъ, что онъ въ Москвѣ посвященъ въ епископа, и торжественно вступилъ въ должность. Но народъ, знавшій всѣ поступки Зорича, при первомъ объѣздѣ епархіи, встрѣтилъ его съ оружіемъ въ рукахъ, такъ что онъ принужденъ былъ воротиться въ Загребъ, гдѣ и умеръ. Народъ избралъ себѣ въ епископа изъ монашескаго чина мужа мудраго и скромнаго Исаію Поповича, который долженъ былъ ужъ предъявить народу, что онъ не уніатъ. Къ большему доказательству этого, онъ былъ испытуемъ также патріархомъ Черновичемъ, къ этому именно времени переселившимся изъ Турціи и сдѣлавшимся карловскимъ архіепископомъ, и найденный православнымъ, былъ имъ утвержденъ.

За Исаіею Поповичемъ слѣдовалъ Гавріилъ Турчиновичъ, архипастырь, украсившій себя многими добродѣтелями; за нимъ слѣдовалъ Георгій Поповичъ, измѣнившій своей вѣрѣ, принявшій унію и ходившій въ Римъ за посвященіемъ въ епископа. Воротившись изъ Рима, онъ скоро умеръ, напрасно обезпокоивъ въ 1718 году народъ своимъ прозелитизмомъ. Паства его оставалась вѣрною отеческой вѣрѣ. На епископскую каѳедру въ Марчѣ вступилъ въ 1727 году Рафаилъ Марковичъ, который тотчасъ объявилъ себя, духовенство и весь сербскій народъ принявшими унію, и противившихся ему священниковъ принуждалъ къ принятію уніи силою. Духовенство и сербскій народъ этими поступками были раздражены до такой степени, что правительство, для ихъ успокоенія, должно было нарядить перепись уніатовъ; но не нашлось ни одного, желавшаго вписать себя въ число таковыхъ. Обращенный Рафаилъ Марковичъ не довольствовался этимъ, но подалъ жалобу на многихъ священниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые подвержены были заключенію, а нѣкоторые пострадали и болѣе. Го-

ворятъ, что настоятель существующаго еще нынѣ монастыря Лепавина Кондратъ, при входѣ въ церковь, у самыхъ дверей ея, застрѣленъ былъ двумя солдатами.

Эти преслѣдованія подали поводъ ко многимъ жалобамъ, побудившимъ императорское правительство сдѣлать распоряженіе, чтобы не только епископъ Рафаилъ Марковичъ, но и два преемника его, Георгій Вучековичъ и Сильвестръ Палковичъ, оставили вараздинскій генералатъ, и къ утѣшенію народа, въ 1735 году епископомъ поставленъ былъ Симеонъ Филипповичъ. Монастырь Марчу получили уніяты, и монахи переведены были въ монастырь Лепавину [1]).

О карловской митрополіи и принадлежащихъ къ ней епископіяхъ.

Въ войнѣ, веденной въ 1689 году императоромъ Леопольдомъ I съ врагами христіанства—турками, сербы и альбанцы приняли сторону императора; но какъ эти военныя предпріятія кончились неблагопріятно для императорской арміи, и австрійское войско вышло изъ Сербіи, то и патріархъ ипекскій [2]) Арсеній Черновичъ, былъ вынужденнымъ перейдти въ австрійскія владѣнія. Это сдѣлалъ онъ тѣмъ скорѣе, что приглашенъ былъ къ тому самимъ императорскимъ правительствомъ, въ слѣдствіе котораго приглашенія онъ послалъ въ Вѣну иннопольскаго (Boros-Fenö въ арадскомъ комитатѣ) епископа Исаію Дяковича, который исходатайствовалъ у императора дипломъ отъ 21 августа 1690 года. Въ семъ дипломѣ обѣщаются сербскому народу покровительство, свобода вѣры, сохраненіе стараго календаря, право избирать для себя воеводу и послѣ войны удовлетворительное устройство гражданскихъ дѣлъ. Съ этимъ дипломомъ означенный патріархъ переселился въ Австрію съ 36,000 семействъ. Въ 1691 году эти переселенцы получили привилегію отъ 12 августа, въ которой касательно дѣлъ вѣры говорится: „вамъ будетъ вольно имѣть среди себя изъ расціанскаго (т. е. сербскаго) народа архіепископа, котораго будутъ избирать въ совокупности духовныя и свѣтскія сословія. Сей архіепископъ долженъ имѣть право распоряжаться

[1]) Ср. Csaplovics, Slavonien und zum Theil Kroatien. II Theil, pag. 14—25.
[2]) Ипекъ—въ старой Сербіи, резиденція сербскихъ патріарховъ.

всѣми церквами грековосточнаго обряда, посвящать епископовъ, опредѣлять пресвитеровъ въ монастыряхъ, созидать церкви, гдѣ открывается въ нихъ надобность, назначать сербскихъ приходскихъ настоятелей въ городахъ и селахъ, однимъ словомъ, какъ доселѣ, онъ долженъ быть вашимъ предстоятелемъ, и имѣть право, сообразно съ привилегіями, дарованными вамъ нашими предками, королями Венгріи, распоряжаться всѣми церквами грековосточнаго обряда и всѣми христіанами этой вѣры въ Греціи, Расціи, Булгаріи, Далмаціи, Босніи, Иниполи, Герцеговинѣ, Венгріи, Кроаціи, Мезіи, Иллиріи, и др., покуда сіи христіане пребудутъ намъ вѣрными.“

Тотъ же самый Императоръ Леопольдъ 1., 1695 г. 4 марта далъ сербскому народу второй дипломъ, въ которомъ, относительно церкви, содержится слѣд. опредѣленіе: „Архіепископъ утверждается въ тѣхъ правахъ, которыя онъ имѣлъ до того времени; потомъ признаются епископства темешварское, карлштадское, сегединское, будинское (офенское), могачское, вершецкое и великоварадское или агрійское, въ которыхъ большею частію поселились сербы, выселившіеся изъ Сербіи, и епископамъ оставляется право (по смыслу 3 статьи 5 декрета, изданнаго королемъ Матѳіемъ, и послѣдней статьи 2 декрета, изданнаго королемъ Владиславомъ) собирать отъ христіанъ десятины.“ Упомянутыя привилегіи подтверждены и преемниками Леопольда 1, именно Іосифомъ 1-мъ, 27 сент. 1706 г., Карломъ VI, 8 окт. 1713, и Маріею Терезіею 18 мая 1743 года.

Изъ сказаннаго доселѣ открывается, что карловская митрополія ведетъ свое начало отъ 1691 года, въ которомъ патріархъ ипекскій, Арсеній Черновичъ перешелъ въ Австрію съ 36, 000 сербскихъ семействъ, которыя поселились въ разныхъ мѣстахъ Сарміи, Венгріи и Баната, и коихъ число значительно умножилось сербами, переселившимися при деспотѣ Георгѣ Бранковичѣ, а также перешедшими съ митрополитомъ Мелетіемъ изъ Босніи и Албаніи въ Славонію. Такъ какъ сербскіе колонисты, пришедшіе въ Австрію при Бранковичѣ и митрополитѣ Мелетіѣ, принадлежали съ переселенцами, вышедшими при патріархѣ Черновичѣ, къ одной націи и одной вѣрѣ: то они склонны были, имѣть съ своими братьями и общую іерархію, особенно когда послѣдніе, въ слѣдствіе своихъ привилегій, пользовались свободою вѣры. Такъ какъ, далѣе, роман-

скій (валашскій) народъ, терпѣвшій въ Банатѣ и въ Венгріи угнѣтенія и преслѣдованія, и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ, желалъ также воспользоваться тѣми церковными преимуществами, которыя имѣлъ народъ сербскій, и по этому обращался за духовною помощію и совѣтомъ къ сербскимъ епископамъ: то уже въ началѣ учрежденія карловской митрополіи значительно умножилось число подвѣдомыхъ ей христіанъ и митрополитъ называлъ себя митрополитомъ сербскаго и романскаго народа. Такимъ образомъ, съ разрѣшенія императорскаго правительства, образовались епархіи храдская, темешварская, вершецкая или карансебешская, будинская, новосадская, пакрацкая и карлштадская, принявшія въ свое церковное вѣдѣніе не только переселившихся въ послѣднее время, но и сербскихъ колонистовъ, пришедшихъ изъ Босніи и Албаніи съ митрополитомъ Мелетіемъ, а также романовъ (валаховъ) изъ Баната и Венгріи, которые въ это время всѣ принадлежали къ греческой, восточноправославной вѣрѣ.

Въ теченіе времени изданы многіе регламенты по церковнымъ дѣламъ. Такъ въ 1771 году подтверждены были привилегіи сербскаго народа и сдѣланы многія опредѣленія касательно церковныхъ дѣлъ, въ коихъ (опредѣленіяхъ), между прочимъ, утверждается, что митрополитъ только церковная, а не политическая глава сербовъ. Въ 1777 году вышелъ регламентъ, содержащій въ себѣ опредѣленія, сдѣланныя въ слѣдствіе предложеній народнаго собора отъ 1769 и синода отъ 1774 и 1776 годовъ. Но какъ многіе пункты регламента отъ 1777 года были неудовлетворительны для клира и народа, коимъ прискорбно было, что въ придворной депутаціи, вызванной для устроенія церковныхъ и училищныхъ дѣлъ сербовъ, никого не было изъ нѣдрѣ ихъ церкви и народа; то эта депутація была распущена, церковныя и училищныя дѣла переданы венгерской придворной канцеляріи и въ 1779 году изданъ рескриптъ, имѣющій еще и нынѣ полную силу; для устроенія же дѣлъ епархіальныхъ сведенъ въ 1782 году консисторскій уставъ. Надобно примѣтить, что какъ упомянутый рескриптъ, такъ и консисторскій уставъ составлены при взаимномъ согласіи церковной іерархіи и политическаго правительства.

Управленіе венгерской канцеляріи не удовлетворило церковь, въ слѣдствіе чего въ 1791 году учреждена иллирская канцелярія. Но послѣдняя уже въ 1792 году была уничтожена, и кругъ ея дѣятельности снова переданъ венгерской канцеляріи, съ тѣмъ измѣненіемъ, что (въ силу 10-й статьи сейма отъ 1792 года, по которой, какъ при венгерской придворной канцеляріи, такъ и при венгерскомъ намѣстничествѣ, должно быть поставлено нѣсколько способныхъ лицъ грековосточнаго исповѣданія), будинскій епископъ, Петръ Петровичъ, назначенъ былъ, въ качествѣ придворнаго совѣтника, референтомъ при венгерской придворной канцеляріи по церковнымъ дѣламъ. За этимъ епископомъ слѣдовалъ въ 1803 году епископъ Темешварскій Стефанъ Авваковичъ.

(Окончаніе впредъ).

ПСАЛОМЪ XIX.

Услышитъ Ботъ тебя во дни твоей печали,
И имя Вышняго твой будетъ крѣпкій щитъ!
Какъ сильно горести тебя бы ни смущали,
Но помощь Божія тебя не посрамитъ.
Онъ помянетъ великое твое терпѣнье
И не забудетъ жертвъ болѣзненныхъ твоихъ;
Онъ приметъ всѣ твои мольбы во всесожженье,
Какъ жертву тучную, и всѣ исполнитъ ихъ.—
Мы всѣ увѣрены, что Богъ нашъ милостивый
Защититъ и спасетъ намъ нашего Царя,
Благословитъ его,—и оборотъ счастливый
Пошлетъ онъ съ небеси на всѣ его дѣла.
Враги на коняхъ и на гордыхъ колесницахъ,
Съ враждой и злобою, стремились противъ насъ;
А мы, въ отпоръ врагамъ, умѣли лишь молиться
И къ Богу жалобный мы возсылали гласъ. . . .
Враги разсѣялись, а мы опять возстали!
И повторяемъ пѣснь: спаси, спаси Царя!
Не оставляй его во дни его печали,
И добрыя его благослови дѣла!—

И. К.

НОТЫ.

(*Басня.*)

Дипломатическія ноты
От жабъ, лисицъ, и отъ курей
Получены у Льва, царя звѣрей.
Державы тѣ, принявъ заботы
О безмятежіи вселенной всей,
Замѣтили и съ чувствомъ сожалѣнья
Царю звѣрей поставили на видъ,
Что въ округѣ его владѣнья
Навозу куча смрадная лежитъ,
Червями вредными кишитъ
И воздухъ заражаетъ;
А черви тѣ, про это всякій знаетъ,
Разползшись по вселенной всей,
Зловредностью своей
Мѣшаютъ общему покою,—
И государственному строю
Опасность общая теперь отъ нихъ грозитъ:
Такъ, дескать, ставимъ мы царю звѣрей на видъ,
Чтобъ кучѣ тѣхъ червей онъ далъ благоустройство,
И обезпечилъ тѣмъ всеобщее спокойство.—
»Резонно!« произнесъ Левъ, царь звѣрей,
Всѣ прочитавши ноты:
»Чтобъ куча смрадная червей
Впредъ не чинила никому заботы,
И не раждала бы ни въ комъ охоты
Мѣшаться не въ свои дѣла,
Повелѣваемъ мы: чтобъ отъ сего числа
Навозна куча та сейчасъ была разрыта,
Съ землею сравнена и извѣстью залита«.—

Поднялся страшный смрадъ!
Всѣ черви тѣ вздулись, потрѣскались, шипять,
И скоро всѣ отъ извести пропали;
Осталось нѣсколько,—тѣхъ кури поклевали.—

И. К.

Объ адресахъ, поступившихъ отъ разныхъ сословій имперіи на имя Государя Императора.

Кромѣ напечатанныхъ адрессовъ въ приложеніи къ настоящей книжкѣ Вѣстника, въ послѣднихъ нумерахъ с. петербургскихъ газетъ помѣщено множество новыхъ адрессовъ, изъ которыхъ нѣкоторые поднесены Государю Императору 17 Апрѣля прибывшими съ разныхъ мѣстъ въ С. Петербургъ нарочными депутаціями. Объ этомъ въ 94 № „Сына Отечества“ напечатано:

17-го числа въ Зимнемъ дворцѣ, по совершеніи божественной литургіи въ малой дворцовой церкви, Государь Императоръ изволилъ принимать: депутацію московскаго дворянства, изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей; депутацію московскаго городскаго общества, изъ городскаго головы, сословныхъ старшинъ и ихъ товарищей; депутацію московскаго университета, изъ ректора и одного декана; губернскихъ дворянскихъ предводителей: новгородскаго, тверскаго, лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго; депутацію отъ городскихъ обществъ: тверскаго, ярославскаго и владимірскаго, рязанскаго городскаго голову и депутатовъ отъ московскихъ старообрядцевъ. Всѣ эти лица были собраны въ Бѣлой залѣ, на половинѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Государь Императоръ, войдя въ залу вмѣстѣ съ Государынею Императрицею и въ сопровожденіи другихъ членовъ Императорскаго дома и особъ Ихъ свиты, изволилъ обратиться къ депутаціямъ со слѣдующими словами:

„Благодарю васъ, господа, за поздравленіе и въ особенности за выраженіе вашихъ патріотическихъ чувствъ, вызванныхъ сму-

тами, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, и посягательствомъ враговъ нашихъ на древнее русское достояніе."

"Адрессы ваши, и тѣ, которые Я ежедневно получаю отъ всѣхъ сословій изъ другихъ губерній, составляютъ для Меня истинное утѣшеніе посреди Моихъ заботъ. Я горжусь единствомъ этихъ чувствъ, вмѣстѣ съ вами и за васъ. Они составляютъ нашу силу, и пока они будутъ сохраняться и мы будемъ призывать Бога на помощь, Онъ насъ не оставитъ, и единство Царства Всероссійскаго непоколебимо."

"Враги наши надѣялись найти насъ разъединенными, но они ошиблись. При одной мысли объ угрожающей намъ опасности, всѣ сословія земли русской соединились вокругъ престола и показали Царю своему то довѣріе, которое для Него всего дороже."

"Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдетъ; но если она намъ суждена, то Я увѣренъ, что, съ Божіею помощію, мы съумѣемъ отстоять предѣлы имперіи и нераздѣльно соединенныхъ съ нею областей."

"Еще разъ благодарю васъ всѣхъ за чувства вашей преданности, которымъ Я вѣрю; вѣрьте же и Мнѣ, что вся Моя жизнь имѣетъ единственную цѣль: **благо дорогаго нашего отечества** и и постепенное развитіе гражданской его жизни. Но на этомъ трудномъ поприщѣ всякая торопливость не только не принесетъ намъ пользы, но была бы вредна и даже преступна. Надѣюсь на вашу помощь и содѣйствіе Мнѣ въ тѣхъ важныхъ работахъ, которыя намъ еще предстоятъ. Предоставьте Мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, когда Я сочту это возможнымъ и полезнымъ."

"Взаимное наше довѣріе есть залогъ будущаго благоденствія Россіи. Да будетъ благоденствіе Божіе съ нами. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ отъ души."

Вслѣдъ затѣмъ Его Императорское Величество и Государыня Императрица изволили обойдти залу и удостоить нѣсколькими милостивыми словами всѣхъ представлявшихся лицъ.

Сего-же числа во 2-мъ часу пополудни, предъ выѣздомъ Государя Императора изъ дворца, Его Императорскому Величеству представлены были с. петербургскимъ и московскимъ генералъ-губернаторами, при столичныхъ мировыхъ посредникахъ, депутаты отъ бывшихъ дворовыхъ людей, находящихся въ С.—Петербургѣ, поднесшіе Его Величеству хлѣбъ-соль на изящномъ серебрянномъ, вызолоченномъ блюдѣ, а затѣмъ прибывшіе изъ Москвы депутаты отъ тамошнихъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, съ изъявленіемъ всеподданнѣйшей ихъ благодарности, и депутаты отъ московскихъ и здѣшнихъ старообрядцевъ преображенскаго согласія. Государь Императоръ изволилъ имъ сказать нѣсколько милостивыхъ словъ. Густыя толпы народа преимущественно изъ бывшихъ дворовыхъ людей, отслушавшихъ передъ тѣмъ благодарственное Господу Богу молебствіе въ Казанскомъ соборѣ, покрывали дворцовую площадь и при выѣздѣ Государя Императора изъ дворца, привѣтствовали Его Величество громкими, восторженными кликами „ура!"

Изъ присланныхъ же по почтѣ къ этому дню адрессовъ, помѣщенныхъ въ с. петербургскихъ газетахъ нижеслѣдующіе: отъ костромскаго дворянства, отъ казанскаго дворянства, отъ курскаго дворянства, отъ гражданъ 13 городовъ тамбовской губерніи, отъ курскаго городскаго общества, отъ даниловскаго городскаго общества, отъ рославльскаго городскаго общества, отъ калужскаго дворянства, отъ дворянства стзейскихъ провинцій, отъ вологодскаго дворянства, отъ калужскаго городоваго общества, отъ нижегородскаго дворянства, отъ нижегородскихъ обществъ, отъ муромскаго городоваго общества, отъ ростовскаго городоваго общества ярославской губерніи, отъ тамбовскаго дворянства, отъ полтавскаго городскаго общества, отъ тульскаго городскаго общества, отъ калужскаго дворянства, отъ временно-обязанныхъ крестьянъ нижегородской губерніи, отъ дворянъ земли войска донскаго, отъ жителей г. Полтавы. Всѣ эти адресы одного содержанія. Въ нихъ заключаются, вызванныя настоящими событіями выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ безпредѣльной преданности Государю Императору и готовности на всѣ пожертвованія, какихъ могло бы потребовать охраненіе цѣлости и незыблемости отечества. По недостатку мѣста, мы огра-

ничимся помѣщеніемъ здѣсь текстовъ только нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ выше адрессовъ, болѣе примѣчательныхъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО

отъ московскихъ и с. петербургскихъ старообрядцевъ.

Великій Государь!

„Много голосовъ подъемлется къ Твоему престолу: позволь и намь сказать нашу правду.

„Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ передъ цѣлымъ міромъ и приравнять насъ къ себѣ. Они лгали на насъ.

„Мы хранимъ свой обрядъ; но мы твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ. Но Тебѣ, Царь-Освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится. На Тебѣ, Государь, почіетъ духъ нашихъ царей добродѣтельныхъ.

„Не только тѣломъ, но и душою мы русскіе люди. Россія намъ матерь родная; мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были русскіе люди, работали на русскую землю и за нее умирали. Посрамимъ-ли мы нашу мать отцевъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу приняли?

„Враги, злоумышляя противъ Твоей державы, возжигають мятежъ въ Польшѣ, и грозятъ намъ войною. Великій Государь! Десница Божія возвеличила державу Твоихъ предковъ: она дастъ Царю-Освободителю одолѣніе на давнихъ враговъ и притѣснителей русской земли, которые народъ русскій отъ корня отрывали и вѣру его насиловали.

„Престолъ Твой и русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное. Мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ все достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава Твоя, и возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о Тебѣ старина наша русская.

„На Тебѣ всѣ надежды наши, а преданность наша Твоему престолу непоколебима; царствуй долго, Великій Государь, на славу Россіи и на утѣшеніе Твоимъ вѣрно—подданнымъ.

Отъ московскихъ старообрядцевъ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Въ торжественный день Твоего рожденія, дозволь намъ повергнуть къ Твоимъ стопамъ вѣрноподданническія наши чувства.

„Враги нашей великой России не останавливаются ни передъ чѣмъ. Въ невѣденіи сердца русскаго человѣка, пытаются они доказать Европѣ, что въ средѣ русскаго населенія есть у нихъ союзники. Они дерзнули на печатныя воззванія и стараются увѣрить, что будто среди старообрядцевъ есть люди, готовые раздѣлять преступные замыслы противъ Царя и отечества, и равнодушно смотрящіе на стремленіе враговъ нашихъ отторгнуть исконное наслѣдіе земли русской.

„Великій Государь! Вмѣстѣ съ многочисленными заявленіями вѣрноподданническихъ чувствъ, стекающихся со всѣхъ концовъ великой, обширной и Тебѣ дорогой Россіи, допусти и насъ къ подножію Твоего престола. Прими русскій Царь, наши клятвы, что мы старообрядцы, русскіе по крови и по любви къ нашей родинѣ, готовы жертвовать своимъ достояніемъ, своей жизнію, дѣтьми, для огражденія величія, славы и неприкосновенности Россіи, и за Тебя, Великій Государь земли русской, отъ котораго мы единственно только и можемъ и привыкли ждать милосердія и правды.

„Воздвигни же, Великій Государь, хоругвь свою, и около Тебя соединятся всѣ вѣрные сыны Россіи, и когда настанетъ година испытаній, то въ рядахъ воиновъ за правое дѣло, за неприкосновенность нашихъ предѣловъ, найдешь ты всѣхъ насъ, отъ мала до велика, грудью и достояніемъ своимъ отстаивающихъ цѣлость и неприкосновенность державы русской, нынѣ же непрестающихъ возсылать теплыя мольбы ко Всевышнему за благоденствіе твое и всего царствующаго дома.“

(Слѣдуютъ подписи).

Отъ дворянства остзейскихъ провинцій *).

„Всемилостивѣйшій

Государь и Императоръ!

„Собравшись въ столицѣ Вашего Императорскаго Величества, узнали мы, представители балтійскаго дворянства, о притязаніяхъ иностранныхъ державъ и объ опасностяхъ, угрожающихъ имперіи. Мощно поднялся голосъ Россіи и нашелъ полный отзывъ въ нашихъ сердцахъ. Вѣрныя Вашему Величеству остзейскія провинціи знаютъ только одинъ долгъ, одно знамя. Наше соединеніе съ великою имперіею освящено кровью, пролитою въ безчисленныхъ битвахъ. И еслибы возгорѣлась война, то остзейскимъ провинціямъ выпадетъ жребій быть передовыми постами имперіи на театрѣ войны.

„Тамъ—скажемъ мы съ твердымъ убѣжденіемъ—враги Вашего Величества познаютъ, что, несмотря на различіе языка и учрежденій, единое чувство къ престолу и монарху соединяетъ жителей остзейскихъ провинцій съ коренными обитателями Россіи, и вы, Ваше Величество, всемилостивѣйшій Государь, въ часы опасности, встрѣтите въ насъ непоколебимую вѣрность и готовую на самоотверженіе преданность нашихъ предковъ.“

(Слѣдуютъ подписи предводителей дворянства: лифляндскаго—князя П. Ливена, эстляндскаго—барона А. Палена и курляндскаго—барона К. фон-дер-Реке).

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

Замѣтка русскаго. Въ Journ. de St. Pétersb. приведена слѣдующая замѣтка одного русскаго, только что оставившаго Варшаву, напечатанная въ какомъ-то листкѣ, издаваемомъ въ

---

*) Подлинное письмо на нѣмецкомъ языкѣ.

Лейпцигѣ: «Польскому вопросу дано такое сильное движеніе, что трудно говорить о немъ спокойно и хладнокровно. Прежде всего скажемъ о причинѣ этаго страннаго явленія. Причина эта очень понятна. Съ одной стороны тѣ изъ иностранныхъ правительствъ и органовъ европейской прессы, которые боятся либерализма въ своихъ странахъ, очень довольны возможностью полиберальничать на счетъ другихъ; проповѣдуя ополченіе на русскихъ *варваровъ*, угнетающихъ поляковъ, они надѣются заслужить сочувствіе и одобреніе своихъ соотечестенниковъ и либеральной Европы. Каждое изъ этихъ правительствъ преслѣдуетъ свои собственныя интерессы, и въ то же время старается заставить думать, что дипломатическое вмѣшательство вызвано общественнымъ мнѣніемъ. Разберемъ же средства, которыми возбуждено было это общественное мнѣніе. Польскій революціонный комитетъ давно уже собираетъ большія суммы денегъ, не только въ Польшѣ, но гораздо болѣе въ девяти западныхъ губерніяхъ имперіи, гдѣ, какъ извѣстно, большая часть помѣщиковъ поляки, укрѣпившіеся на русской землѣ, и живущіе среди русскаго или среди литовскаго населенія. Революціонный комитетъ, собирая значительныя суммы, очевидно долженъ вознаграждать такую щедрость великолѣпными обѣщаніями, и вотъ почему его органы стараются убѣдить въ законности стремленій Польши на территорію, положительно русскую, и ставитъ цѣлью нынѣшняго мятежа возстановленіе польскихъ границъ 1772г. Революціонный комитетъ, легко пріобрѣтая эти суммы, расходовалъ ихъ съ такою же легкостью, надѣясь на расположеніе нѣкоторыхъ болѣе выдающихся личностей и вліятельныхъ журналовъ, которые онъ щедро надѣляетъ. Результатомъ такой политики является то обстоятельство, что большая часть газетъ помѣщаютъ у себя только тѣ извѣстія, которыя идутъ отъ поляковъ, принимая ихъ какъ неподлежащія сомнѣнію, и систематически отвергаютъ всякое русское извѣстіе, какъ бы оно достовѣрно ни было. Какъ же было не поколебаться при такихъ условіяхъ общественному мнѣнію, когда съ одной стороны голосъ Россіи не доходитъ до него, а съ другой—его оглушаютъ кликами польской партіи? Добросовѣстные журналы должны были бы открыть свои страницы обѣимъ партіямъ, чтобы дать возможность высказаться общественному мнѣнію съ полнымъ и безпристрастнымъ знаніемъ дѣла. Вотъ причина, по

которой мы не можемъ себѣ позволить укора общественному мнѣнію за его невольное пристрастіе въ этомъ вопросѣ; мы знаемъ, что, будучи подстрекаемо ежедневно, оно не можетъ замѣтить, что дѣятели либеральной прессы и народные трибуны разныхъ парламентовъ незнакомы ни съ неопровержимыми историческими фактами, ни съ статистикой Россіи и Польши, и что истинное значеніе польскаго вопроса, или ускользаетъ отъ нихъ или намѣренно искажается ими. Пора указать вамъ, господа защитники національностей, на то странное положеніе, въ которомъ вы себя увидите, когда наконецъ поймете, что мятежъ не есть движеніе всего народа, но только исключительно дѣло горожанъ и мелкихъ дворянъ; что масса польскаго народа и крестьянскаго населенія *), на перекоръ революціоннаго комитета, и не смотря на неполное еще рѣшеніе вопроса объ освобожденіи изъ крѣпостной зависимости, въ теченіи двухъ лѣтъ крѣпко держится за русское правительство, одного слова котораго достаточно, чтобъ поднять его противъ мятежа и противъ его бывшихъ господъ: вѣковой опытъ, лучше возгласовъ иностранной прессы, научилъ польскихъ поселянъ не вѣрить обѣщаніямъ своихъ пановъ, щедрыхъ на словахъ, но въ сущности совершенно неспособныхъ организировать прочную автономію. Вотъ почему польскій народъ, въ его массѣ, надѣется пріобрѣсть болѣе преимуществъ отъ русскаго правительства, чѣмъ отъ своего дворянства, которое, въ случаѣ прекращенія господства русскихъ, не замедлило бы забрать въ свои руки управленіе страной, разумѣется, предоставивъ участіе въ этомъ случаѣ и духовенству, не менѣе дворянства жаждущему власти. Возстановите прежнюю польскую конституцію, придумайте если хотите, въ ея пользу еще какое нибудь громкое названіе—и новое государство не замедлитъ обратиться въ самую эгоистическую олигархію, которая явится ареной для духовенства, и не будетъ въ состояніи установить, ни мирныя отношенія извнѣ, ни порядокъ внутри страны. Этому-то клерикально-олигархическому правленію Европа хочетъ подчинить

---

*) Изъ 4,100,000 человѣкъ населенія Польши 3,250,000—крестьяне. Остальное число составляютъ дворяне, духовенство, городскіе жители и евреи.

10,000,000 православнаго русскаго народа и полтора милліона литвиновъ, населяющихъ русскія западныя провинціи, которыя въ 1772 году входили въ составъ польскаго королевства! Западъ не знаетъ, до какой степени олигархическое господство Польши возбудило ненависть къ ней русскаго населенія, бывшаго его жертвой. Одного только предположенія о томъ, что подобный замыселъ можетъ осуществиться, уже достаточно, чтобъ поднять все русское населеніе и западныхъ и восточныхъ губерній имперіи на защиту этой части русской территоріи и вырвать ее изъ-подъ ненавистнаго ига Польши, которое можетъ быть выгоднымъ единственно только для дворянъ и для духовенства, пользующихся на русской землѣ благосостояніемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и, въ благодарность Россіи за это благосостояніе, неперестающихъ составлять противъ нея разные замыслы. Эта выгода польскаго владычества для дворянъ и духовенства понятна: каждый дворянинъ только и думаетъ о томъ, какъ бы пріобрѣсть себѣ то господство надъ шумными народными собраніями, которымъ пользовались его предки, и каждый священникъ жаждетъ продолжать стремленія древней уніи и религіозной пропаганды. Вотъ настоящій тайный смыслъ нынѣшняго возстанія, возбужденнаго дворянами и горожанами, и совершенно чуждаго народу. Повторяемъ еще разъ, что нельзя ни слова вѣрить одной изъ партій. Кто берется правдиво руководить общественнымъ мнѣніемъ, тотъ долженъ прежде всего изучить факты, признанные исторіей, и стараться отдать себѣ отчетъ въ событіяхъ именно тамъ, гдѣ эти событія совершаются. Тогда онъ и узнаетъ, что Россія не питаетъ вражды къ польскому народу, но ненавидитъ неправое волненіе дворянства; что между русскимъ солдатомъ и польскимъ крестьяниномъ не существуетъ вражды, и что Лангевичъ и другіе предводители мятежническихъ шаекъ перевѣшали не мало польскаго народа. Эти факты дѣйствительные, справедливые, но дѣйствительности которыхъ ни европейскія правительства, ни парламенты, ни публицисты не хотятъ допустить, и, увлекаясь собственной фантазіей, польскій мятежъ величаютъ героическимъ народнымъ возстаніемъ. Правда, что, благодаря прежнему опыту и широкимъ средствамъ, нынѣшній мятежъ отличается очень ловкой тактикой. Тактика эта видна и въ умѣньи заставить вліятельныхъ членовъ иностранныхъ правительствъ и ихъ парламен-

товъ сочувствовать дѣлу, и въ томъ способѣ, которымъ собираются въ Польшѣ огромныя контрибуціи, и въ умѣньи щедро разсыпать добытыя деньги за границей, чтобъ возбудить сочувствіе къ мятежу общественнаго мнѣнія, и въ той наглости, съ которою дѣлу придается значеніе, отвергаемое всякимъ здравымъ смысломъ, и наконецъ въ упорной публикаціи ложныхъ извѣстій о побѣдахъ и клеветы на русскія войска. И такому-то заговору противъ правды большинство Европы добровольно и вполнѣ вѣритъ потому, можетъ быть, что ложь эту проповѣдуетъ *героическая* нація!..... Знаетъ ли это легковѣрное большинство, что вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ эта такъ называемая *героическая нація*, то есть единственно горожане и дворянство, несправедливо оскорбляетъ русскую армію, ея начальниковъ, ея офицеровъ, оскорбляетъ все до такой степени, что главные начальники вынуждены были давать приказы: въ случаѣ оскорбленій и вызововъ на улицахъ не прибѣгать къ оружію, чтобъ устранить всякій поводъ къ столкновеніямъ. Полякамъ извѣстны были эти распоряженія, они имъ безумно радовались, и, пользуясь ими, публично оскорбляли цѣлые батальоны и даже полки, какъ будто считая долгомъ, дѣлать себѣ непримиримаго врага изъ каждаго русскаго солдата. А русскій солдатъ, привыкшій къ дисциплинѣ, молчаливо переноситъ эти оскорбленія, за нѣсколькими исключеніями въ первыя минуты мятежа, когда поляки начали въ ночное время рѣзать русскихъ: можно ли удивляться, что нѣсколько солдатъ, думая видѣть въ каждомъ польскомъ дворянинѣ и чиновникѣ измѣнника, и припоминая всѣ перенесенныя отъ нихъ оскорбленія, совершили нѣсколько насилій, очень рѣдкихъ впрочемъ, и немедленно прекращенныхъ военнымъ начальствомъ? Между тѣмъ поляки сваливали на русскихъ солдатъ всѣ жестокости, которыя сами совершали и часто клеветы эти подкрѣплялись ложными донесеніями польскихъ чиновниковъ, имѣвшихъ одну цѣль съ мятежниками *). И подобную-то ложь европейскія газеты печатаютъ на столбцахъ своихъ, и выдаютъ за несомнѣнныя истины! Конечно, полякамъ было бы удобнѣе, если бъ русскіе солдаты

---

*) Таково было, напримѣръ, извѣстное донесеніе начальника Мѣховскаго округа.

позволяли рѣзать себя безъ сопротивленія. Тогда разумѣется послѣдніе несомнѣнно воздали бы имъ горячую похвалу.... Да, господа глашатаи общественнаго мнѣнія, уже время вамъ, ради себя и ради самаго общественнаго мнѣнія, здраво поразмыслить о томъ зрѣлищѣ, которое представляетъ, на самомъ дѣлѣ, ваша *героическая нація*, и понять, что только дворяне и духовенство тащутъ за собой ватагу чиновниковъ и горожанъ; пора вамъ убѣдиться, если вы дѣйствительно защитники національныхъ интересовъ, что масса въ четыре милліона людей въ самой Польшѣ не только не принимаетъ участія въ возстаніи, но даже враждебно смотритъ на него, и что защищая помощью пресссы и офиціальныхъ рѣчей всю неправду польскаго мятежа, вы ласкаете мятежниковъ обманчивой, несбыточной надеждой, и сами становитесь виновниками рѣзни, происходящей въ Польшѣ, и разоренія той страны, интересы которой вы повидимому такъ близко принимаете къ сердцу. Вы хотите наконецъ, во имя Польши, возжечь противъ Россіи всеобщую войну? Но что скажете вы, когда, по призыву русскаго Царя, всѣ крестьяне въ Польшѣ, весь народъ въ Россіи и въ Литвѣ поднимутся, какъ одинъ человѣкъ, чтобы разомъ и отразить врага и разрушить окопъ дворянства и духовенства, вызвавшій непріятеля въ русскую землю? Неужели Европѣ нужно тоже кровавое доказательство, чтобъ убѣдиться, какъ легко русскому Императору опереться на подвластные ему народы? Неужели вамъ не понять иначе, что Европа будетъ сражаться, не ради интересовъ польскаго народа, а ради эгоистическихъ и честолюбивыхъ притязаній польскаго дворянства и католическаго духовенства.

(*Сѣв. Почта*).

Очевидецъ.

Рапортъ частнаго военнаго начальника кѣлецкаго уѣзда, генералъ-маіора Ченгеры, военному начальнику радомскаго отдѣла, отъ 19-го апрѣля 1863 года, № 415. Шайки мятежниковъ, отдѣляя отъ себя малые отряды въ разныя стороны, заѣзжаютъ въ деревни и тамъ безчеловѣчно убиваютъ и грабятъ жителей. Случаи эти въ настоящее время стали часто повторяться, особенно шайкою Чаховскаго, которая, будучи гонима нашими войсками, едва успѣваетъ совершать злодѣйства. Такимъ образомъ, опочинскаго уѣзда, въ д. Становиско, гмины Клуцкой-Вульки, повѣсили одного крестьянина. Въ д. Лысовѣ, той же гмины, семь крестьянъ и одна женщина съ ребенкомъ подверглись той же участи самымъ жестокимъ образомъ. Въ имѣніи Волька-Клуцка напали на домъ помѣщика и забрали у него денегъ 450 руб. и нѣсколько лошадей. Деревни Липу и Шкунинъ сожгли и разграбили все крестьянское имущество. Въ м. Радошицахъ, у еврея Шая Монтеля мятежники, съ оружіемъ въ рукахъ, забрали 150 р.; кромѣ того, наложили контрибуцію на жидовъ того мѣстечка; но разбитые въ тотъ день въ шкуцинскомъ лѣсу, не успѣли совершить означенный грабежъ. По кѣлецкому уѣзду, въ имѣніи Лопушно, застрѣлили двухъ крестьянъ. 10-го (22-го) апрѣля, гмины Матковицы, въ д. Борчовице напали на овчарню, тяжело ранили овчаря, изнасиловали и побили его жену, отняли деньги и разграбили имущество, 11-го (23-го) апрѣля напали на торговцевъ кабанами, возвращавшихся изъ м. Пинчова, ограбили ихъ, забравъ до 225 р. с. денегъ; 13-го (25-го) числа, въ гминѣ Мотковице, д. Бржезнице, безчеловѣчно замучили еврея Меняжа: онъ былъ три раза вѣшанъ и въ каждый разъ, когда лишался чувствъ, его снова опускали для того, чтобы вторично повѣсить, и когда задохнувшагося опустили въ третій разъ, то еще выстрѣломъ изъ ружья ранили его и уѣхали. Еврей этотъ былъ привезенъ въ м. Пинчово, гдѣ, послѣ шести часовъ страданій, умеръ. Цѣль этихъ мученій была—отнять деньги, которыхъ онъ имѣлъ всего 57 рублей.

Подобныя поступки мятежниковъ производятъ самыя ужасающія послѣдствія: крестьяне, съ самыми страшными проклятіями, завидѣвъ проходящія партіи, бѣгутъ съ своими женами и дѣтьми въ лѣса и тамъ скрываются, ожидая ухода мятежниковъ. Въ настоящее время много крестьянъ, разновременно

явясь ко мнѣ, просили разрѣшить имъ содѣйствовать войскамъ и совмѣстно съ войсками дѣйствовать, дабы всѣ лѣса очистить отъ шаекъ. Подобный примѣръ негодованія и готовности личнаго содѣйствія является и въ евреяхъ: примѣромъ сему служитъ находящійся при мнѣ добровольно еврей, который три экспедиціи уже сдѣлалъ, а въ Шкуцинскомъ лѣсу съ козаками бросился въ аттаку и ранилъ мятежника.

Отрядъ нашъ, проходя отъ Мнево къ Некланамъ, около с. Красна, увидѣлъ примѣръ звѣрства мятежниковъ: тѣла крестьянъ висѣли по четыре и по два вмѣстѣ на деревѣ, лицомъ къ лицу; мало того: мятежники, издѣваясь надъ своими жертвами, закладывали имъ руки, какъ будто обнимаются братски. Это послѣднее изувѣрство исполнено по приказанію и въ присутствіи начальника шайки Чаховскаго, желавшаго, видно, высказать достоинство своихъ патріотическихъ чувствъ. Зрѣлище это произвело на солдатъ нашихъ самое сильное впечатлѣніе; вездѣ въ рядахъ слышался ропотъ негодованія и отвращенія, желаніе мести проявилось на всѣхъ лицахъ. Подобные примѣры звѣрства и безчинства заслуживаютъ, для всеобщаго свѣдѣнія, быть опубликованными, дабы всѣ могли оцѣнить героизмъ людей, совершающихъ надъ беззащитными и невинными свои подвиги, не въ силу патріотизма, а изъ желанія ограбить и заманить въ свои банды.

Слово правды.

Много говорили господа помѣщики (obywateliowie) западныхъ губерній о гуманности, всматривались въ нее сквозь призму своихъ понятій и убѣжденій различнымъ образомъ; громко произносили слова—„swoboda, wolność“, понимая ихъ значеніе въ превратномъ и не прямомъ смыслѣ относительно блага общественнаго а только собственныхъ, эгоистическихъ видовъ и интерессовъ, не обращая вниманія на подчиненную имъ среду общества, которую они считали какъ-бы свыше предназначеннымъ орудіемъ для удовлетворенія своихъ потребностей, прихотей: говорю это смѣло безъ всякаго пристрастія, ибо самъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ анти—человѣческихъ сужденій, произносимыхъ съ особенною энергіею бѣднымъ мужикамъ, но съ другой стороны не смѣю отнести эти жалкіе взгляды ко всѣмъ помѣщикамъ безъ исключенія, повторяю исключенія, коихъ вѣрное и здравое пониманіе вещей усвоивается большинствомъ обыкновенно не такъ скоро. Жалкое ихъ было воззрѣніе на нравственное равенство людей, окрашиваемое бездушными словами—miłość, ludzkości“, частое произношеніе которыхъ несопровождалось полезнымъ и хорошимъ; онѣ, мнѣ кажется, у нѣкоторыхъ имѣли характеръ слабаго отголоска сознанія, врожденнаго въ насъ природой начала добра, отвергавшихъ насильственный произволъ надъ человѣкомъ подобнымъ себѣ, а у другихъ пустой, но тѣмъ не менѣе блестящей фразою; впрочемъ какъ-бы то не было, мы съ большимъ удовольствіемъ прислушивались къ этимъ благороднымъ возгласамъ, замѣчали порывы къ осуществленію не мало значительныхъ принциповъ. Быть можетъ въ это время не ударилъ часъ исполненія ихъ, но хладнокровно посмотримъ далѣе.

Наконецъ время взяло свое: созрѣла въ нашей общественной жизни благодѣтельная реформа; огромная масса людей, доселѣ не признаваемая за людей въ настоящемъ смыслѣ, а за ежедневныхъ поденщиковъ и батраковъ, нынче стала на степень гражданъ съ личною свободою въ развитіи духовной жизни. Помѣщичій произволъ, висѣвшій такъ длинный періодъ времени надъ ними, уже снятъ, потребовались отъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ нѣкоторыя содѣйствія, пожалуй самыя незначительныя уступки для спосп-

шествованія благородной цѣли. Здѣсь повидимому открылось широкое поле для осуществленія гуманныхъ фразъ польскихъ помѣщиковъ, такъ часто проповѣдуемыхъ ими, но вышло далеко иначе: какъ только реформа коснулась ихъ крошечныхъ пожертвованій у нихъ родилась нелѣпая мысль будтобы правительство имѣетъ въ виду подрыть ихъ матерьяльное благосостояніе. Начался ропотъ, а вслѣдъ различные толки и не будь у насъ на это время сильной государственной власти, кто знаетъ, освобожденіе крестьянъ состоялось-ли-бы такъ? Высочайшій манифестъ не радостно отозвался въ сердцахъ многихъ и вмѣсто общей радости и торжества послучаю замѣчательной перемѣны въ народной жизни явилось у большинства польскихъ помѣщиковъ реакція, вначалѣ заключавшаяся въ несправедливыхъ нареканіяхъ на власть и мало по малу сцѣпляясь съ возникшими событіями въ Польшѣ въ настоящее время подъ благовиднымъ предлогомъ освобожденія польской національности, а вмѣстѣ съ нею, неизвѣстно на какомъ основаніи, присоединенія западныхъ губерній къ королевству, цѣлую ватагу колонистовъ-поляковъ на сцену борьбы.

И вотъ пошла потѣха. Злоумышленники подстрекали неопытную молодежь, коей съ дѣтства старались вколачивать въ головы презрѣніе ко всему русскому, разныя фальшивыя доказательства на счетъ западныхъ губерній, называемыхъ ими вообще Литвою, къ составленію золотыхъ грамотъ для крестьянъ, надѣясь легко пустить бѣдному народу, какъ говорятъ, пыль въ глаза, привлечь его на свою сторону и общими силами достичь несбыточной цѣли—завладѣть западомъ Россіи, а потомъ ополячить.

Громкія обѣщанія золотыхъ грамотъ не прельстили нашего православнаго народа и, не смотря на отсутсвіе образованности, чувство самосохраненія на столько въ немъ уже развилось, вслѣдствіе прежнихъ невзгодъ его исторической жизни и легло твердо въ основѣ характера, что не дался въ гнусный обманъ, а прямо вооружился противъ нарушителей спокойствія. Не прими правительство снова подъ свою защиту повстанцевъ этого края, они сдѣлались-бы навѣрно жертвою народной мести. Пора-же опомниться, что они въ чужомъ краѣ, сообразить то, что они ни

болѣе ни менѣе какъ пришельцы, глумились надъ русскимъ народомъ, получали отъ кроваваго его труда огромныя богатства, расточали ихъ ради своихъ прихотей въ короткое время и потомъ явнымъ насиліемъ заставляли несчастныхъ подчиненныхъ терять и убивать всѣ силы лишь-бы скорѣе набить потуже карманы; и послѣ этихъ грязныхъ сценъ они рѣшились тревожить народъ только что вышедшій изъ подъ тяжкаго ихъ гнета, отрывать мирнаго селянина отъ плуга, отъ честнаго труда, отъ котораго живетъ онъ самъ и пропитываетъ свою семью.

Не благодарны поляки въ нашемъ отечествѣ, это имъ скажетъ каждый; больно сожалѣемъ объ нихъ и отъ души желаемъ безпристрастно заглянуть въ страницы исторіи и убѣдиться, что это нашъ край съ преобладающимъ православнымъ народонаселеніемъ.

Довольно намъ русскимъ слушать старую пѣсню господъ поляковъ, что западныя губерніи это Литва—Польша. Историческія факты опровергаютъ довольно осязательно подобное положеніе, основанное ни болѣе ни менѣе какъ на прежнихъ, постоянныхъ столкновеніяхъ этого края съ Польшею, да на своекорыстныхъ видахъ и намѣреніяхъ вредить Россіи. Лучшее и самое наглядное доказательство несправедливости его, это преобладающая масса православнаго — русскаго народа въ этомъ краѣ, цифра коего, не смотря на столько насильственныхъ мѣръ во времена уніи со стороны польскаго правительства и духовенства къ поколебанію въ немъ догматовъ православія въ настоящее время, находится въ отношеніи къ польскому какъ 12: I, и эта слабая горстка не имѣя историческихъ причинъ, а единственно подстрекаемая публицистикою эмигрантовъ, пріискивающихъ для своей пропаганды софистическіе доводы, рѣшается на неслыханное предпріятіе. Это доказываетъ узкое пониманіе вещей и ту слѣпую увѣренность въ достовѣрности и правдивости каждой брошюры любаго эмигранта, жаждущаго всевозможныхъ агитацій ради потѣхи.

Студ. Штамъ.

О движеніяхъ польскихъ инсургентовъ въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ.

Пересозданный, или лучше сказать вновь созданный г. Кіевъ безсмертнымъ, въ отношеніи этого города вообще и возстановленія русской народности въ юго-западномъ краѣ Россіи,—Императоромъ Николаемъ, какъ городъ древле-русскій, имѣлъ во время управленія здѣшнимъ краемъ Дмитрія Гавриловича Бибикова, характеръ чисто-русскій: враговъ русской національности—поляковъ насчитывалось нѣсколько лишь сотень, и никто изъ нихъ не смѣлъ открыто, въ кіевскомъ обществѣ, заявить себя полякомъ безъ опасенія подвергнуться подозрѣнію, со стороны правительства въ преданности Государю и природному своему отечеству Россіи; ибо осѣдлый житель на русской территоріи, кто-бы онъ ни былъ по своему происхожденію, однажды присягнувши на подданство Россіи, de jure и de facto дѣлается уже русскимъ. О здѣшнихъ же полякахъ и говорить нечего: всѣ они русскіе или по русскому происхожденію—каковы переворотни изъ православія въ католичество, или русскіе по усыновленію—каковы древніе выходцы изъ Польши, завладѣвшіе, посредствомъ польскихъ жолнеровъ и разныхъ незаконныхъ королевскихъ привилегій, землями здѣшнихъ русскихъ обитателей и обратившихъ ихъ въ рабство подъ именемъ холоповъ. Но съ выбытіемъ отсюда названнаго нами патріота начальника,—поляки нахлынули въ Кіевъ со всѣхъ сторонъ и съ обычною имъ ловкостью и вкрадчивостью, начали проникать во всѣ слои общества и администраціи, въ особенности въ послѣднія семь — восемь лѣтъ, пользуясь модною, не дальновидною гуманностію русскихъ, такъ усилились въ этомъ чисто русскомъ, православномъ городѣ, что, не смотря на свое огромное меньшинство противъ русскихъ, сдѣлались здѣсь преобладающимъ, въ нравственномъ отношеніи, народонаселеніемъ. Всѣ присутственныя мѣста, канцеляріи, штабы, полиціи, наполнились поляками отъ высшихъ до низшихъ мѣстъ; въ присутственныхъ мѣстахъ, на улицахъ, публичныхъ собраніяхъ раздавалась постоянно польская рѣчь, всѣ лучшіе магазины на Крещатикѣ

были заняты поляками, самыя употребительныя моды были польскія, даже театръ, созданный на деньги русскаго правительства, сдѣлался исключительно мѣстомъ увеселенія однихъ поляковъ, потому, что отданъ въ завѣдываніе директору поляку, составившему труппу актеровъ и актрисъ изъ поляковъ, предпочитавшихъ, разумѣется, игру польскихъ піесъ, русскимъ и безъ всякой надобности, потому, что живущіе въ Кіевѣ поляки воспитаные въ русскихъ училищахъ, русскій языкъ знаютъ едвали не лучше польскаго, однимъ словомъ лучшія части Кіева превратились въ польскія колоніи, только на Печерскомъ, да на Подолѣ слышалась еще русская рѣчь и вырывались недовольные возгласы противъ полонизма, особенно между туземными малороссами: **бисъ бы взявъ проклятихъ ляхівъ**—часто бывало слышалось между народомъ, Но кромѣ этихъ возгласовъ не существовало другихъ слѣдовъ антипатіи къ полякамъ, всѣ обходились съ ними дружелюбно, по братски, даже угождали имъ, а Кіевскіе граждане, состоящіе почти из однихъ православныхъ, въ видахъ братского сближенія съ поляками, избрали городскимъ головою римско-католика.

Чѣмъ же отблагодарили ляхи за такое радушіе, гостепріимство и снисходительность къ нимъ и жителей и правительства?— Они между тѣмъ составляли въ тихомолку революціонное общество и задумывали на землѣ русской о всеобщемъ возстаніи противъ Россіи и объ истребленіи даже тѣхъ изъ русскихъ, которые имъ покровительствовали, или сквозь пальцы смотрѣли на ихъ революціонныя затѣи. Справедливо говорятъ малороссы „не вірь ляху“.

Почти два года существовалъ въ Кіевѣ заговоръ между поляками, въ главѣ которыхъ были студенты здѣшняго университета. Чего только они ни придумали для оскорбленія національнаго чувства русскихъ обитателей,—вѣковѣчныхъ хозяевъ. Польки одѣлись въ черныя платья—въ ознаменованіе траура по какихъ-то **замордованыхъ** въ Варшавѣ уличныхъ бродягъ, мятежниковъ, погибшихъ отъ столкновенія на улицѣ массъ народныхъ, пѣлись въ костелѣ мятежническіе гимны, студенты университета безнаказанно расхаживали толпами по улицамъ, вооруженные палками и оскорбляли русскую женщину за цвѣтное платье, ругались

надъ русскимъ священникомъ и издѣвались надъ русскимъ народомъ, распѣвая и насвистывая революціонныя пѣсеньки, били стекла, расхаживали въ символическихъ костюмахъ, били блюстителей порядка и проч. Такія выходки многимъ казались сначала ребячествомъ, и потому не подвергались особому преслѣдованію. Въ послѣдніе же пять-шесть мѣсяцевъ начали обнаруживаться въ средѣ поляковъ болѣе серіозныя затѣи: появились объявленія на уличныхъ столбахъ и подметныя письма съ разными угрозами, стали открываться въ разныхъ мѣстахъ склады оружія и пороху и разноситься слухи о варѳоломѣевскихъ ночахъ и о всеобщемъ возстаніи. Быть можетъ все это и случилось-бы, еслибы жаркое и неусыпное управленіе этимъ краемъ, въ послѣднее время, новаго генералъ-губернтора не лишило ихъ всякой возможности обратить намѣреніе въ фактъ. Не смотря однако на предосторожности, на частые ночные патрули и тщательные розыски полиціи,—жители г. Кіева находились въ тревожномъ состояніи, всякую ночь ожидали вооруженнаго нападенія. Наконецъ въ ночь съ 26 на 27 апрѣля заговорщики выбрались изъ Кіева вооруженною толпою въ лѣсъ, вѣроятно съ цѣлію соединиться съ такими же толпами, вышедшими въ туже ночь изъ другихъ мѣстъ здѣшняго генералъ-губернаторства. Большинство заговорщиковъ принадлежало къ шляхетскому сословію, очень мало между ними оказалось пожилыхъ людей, а была большею частію молодежь: студенты, гимназисты, мелкіе чиновники, служившіе въ прикащикахъ и работникахъ въ разныхъ мастерскихъ, однимъ словомъ бездомные, безъ правилъ. Войска тотчасъ были отправлены для ихъ преслѣдованія. Бунтовщики при поимкѣ ихъ сначала оказываютъ сопротивленіе, но при натискѣ нашихъ войскъ скоро обращаются въ бѣгство и потомъ ловятся по лѣсамъ крестьянами, которые преслѣдуютъ ихъ съ необыкновенною энергіей и неутомимостью. Шайка, вышедшая изъ Кіева, около 500 человѣкъ, недолго наслаждалась своими завоевательными мечтами: она на третій же день была разбита, уничтожена нашими войсками и крестьянами. Весь обозъ ихъ съ лошадьми, съѣстными припасами, со всѣмъ запасомъ пороха, патроновъ, пуль, оружія и амуниціи захваченъ; часть революціонеровъ убита и ранена, а большинство попалось въ плѣнъ.

и подверглись заслуженному наказанію, по военнымъ полевымъ законамъ.

Вотъ подробное описаніе дѣйствій противъ бунтовщиковъ въ здѣшнемъ генералъ-губернаторствѣ, заимствованное изъ оффиціальныхъ извѣстій.

Отъ 27 апрѣля. Изъ вышедшей въ ночь шайки изъ г. Кіева взято въ плѣнъ 104 ч., въ томъ числѣ много арестовано крестьянами, въ житомирскомъ уѣздѣ взято въ плѣнъ 30 ч. и у Таращи убито мятежниковъ 18 ч., взято въ плѣнъ 6. Въ послѣднемъ дѣлѣ съ нашей стороны убитъ 1 козакъ и ранено 3 рядовыхъ.

Отъ 29 апрѣля. При преслѣдованіи кіевской шайки убито 11 ч. и взято въ плѣнъ 63 ч. бунтовщиковъ; съ нашей стороны 1 убитъ и 4 ранено. Въ Бердичевѣ взято въ плѣнъ 126 ч.,—въ томъ числѣ 100 одними крестьянами.

Отъ 1 мая. Въ житомирскомъ уѣздѣ взято въ плѣнъ крестьянами 3 человѣка.

Отъ 2 Мая. Въ таращанскомъ уѣздѣ убито бунтовщиковъ 10, ранено 4 человѣка, а за тѣмъ остальные изъ шайки, преслѣдуемые нашими войсками, въ числѣ 40 человѣкъ положили оружіе передъ вышедшими имъ на встрѣчу крестьянами. Крестьянъ убито 2 и 1 раненъ. Въ Богуславѣ убито бунтовщиковъ 85 человѣкъ, въ плѣнъ взято войскомъ 20 и 20 крестьянами; съ нашей стороны 1 убитъ и 4 ранено.

Отъ 4 мая. Въ радомысльскомъ уѣздѣ, въ рукопашномъ бою, убито крестьянами 12, ранено 9 мятежниковъ, изъ крестьянъ раненъ 1 человѣкъ. Въ сквирскомъ уѣздѣ взято въ плѣнъ крестьянами 10 ч., съ нашей стороны убито 3 и тяжело раненъ 1 крестьянинъ. Въ владимірскомъ уѣздѣ взято въ плѣнъ 50 человѣкъ бунтовщиковъ. Въ васильковскомъ уѣздѣ убито мятежниковъ 11, тяжело ранено 5, взято въ плѣнъ 128 ч.,—въ томъ числѣ 52 ч. одними крестьянами; съ нашей стороны убито 2 крестьянина и 1 раненъ.

Отъ 6 мая. Въ радомысльскомъ уѣздѣ убито бунтовщиковъ 30 ч., взято въ плѣнъ 12 ч.; съ нашей стороны 5 ранено. Въ Бердичевѣ убито 40 ч. бунтовщиковъ.

Отъ 7 мая. Въ Бердичевѣ взято въ плѣнъ солдатами и крестья-

янами 70 ч. бунтовщиковъ; въ радомысльскомъ уѣздѣ 57 ч., въ овручскомъ уѣздѣ 9 ранено и 13 взято въ плѣнъ, съ нашей стороны 1 раненъ.

Отъ 8 мая. Въ липовецкомъ уѣздѣ убито бунтовщиковъ 40 ч., взято въ плѣнъ 5; съ нашей стороны убито: 1 офицеръ, 1 унтеръ-офицеръ и 2 рядовыхъ и ранено 1 офицеръ, 1 унтеръ-офицеръ и 2 рядовыхъ.

Отъ 9 мая. Въ новоград-волынскомъ уѣздѣ убито мятѣжниковъ 127 ч., ранено 18 ч., взято въ плѣнъ 46; съ нашей стороны убитъ 1 и ранено 10 человѣкъ.

Отъ 10 мая. Въ бердичевскомъ уѣздѣ взято въ плѣнъ крестьянами 37 бунтовщиковъ, въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ, тоже крестьянами, 70 ч.; въ овручскомъ уѣздѣ убито бунтовщиковъ 20 ч., ранено 14, взято въ плѣнъ 17 человѣкъ.

Отъ 14 мая. Флигель-Адъютантъ Казнаковъ настигъ 10 мая близь селенія Линковцы заславскаго уѣзда шайку мятежниковъ въ 1000 человѣкъ и разбилъ ее совершенно. Весь обозъ, состоящій изъ 30 повозокъ, 2 кузницы и много оружія и пороха достались въ добычу побѣдителямъ. Убитыхъ мятежниковъ найдено 78, въ томъ числѣ 3 ксендза и предводитель шайки помѣщикъ Цѣхонскій, взято въ плѣнъ 59. У насъ убито 10 стрѣлковъ и 1 козакъ. Ранено стрѣлковъ 16, козак 1. Отрядъ продолжаетъ преслѣдовать мятежниковъ.

У всѣхъ разбитыхъ шаекъ захвачено войсками и крестьянами почти всѣ запасы пороха, свинца, пуль и разнаго рода оружія, много значковъ, лошадей, съѣстныхъ припасовъ, одежды и повозокъ съ разнымъ военнымъ имуществомъ.

Итого: отъ 27 апрѣля по 11 мая, во всемъ здѣшнемъ генераль-губернаторствѣ убито мятежниковъ 582

Ранено (доставшихся въ плѣнъ) . . .	71
Взято въ плѣнъ	974 ч.
А всего	1627 ч.

Съ нашей стороны убито 1 офицеръ	
и убито солдатъ	20 ч.
ранено	49 ч.
убито крестьянъ	5 ч.
ранено	3 ч.
А всего	78 ч.

Въ настоящее время здѣшніе поляки, вслѣдствіе неудавшейся рухавки совершенно, упали духомъ и обращеніе ихъ съ русскими замѣтно измѣнилось; вмѣсто прежняго надменного, —сдѣлалось какимъ-то подобострастнымъ. Не принимавшіе (по видимому) участія въ бунтѣ помѣщики—поляки здѣшняго края прибѣгаютъ подъ защиту русскаго войска и мѣстной полиціи, боясь мщенія со стороны крестьянъ; а бунтовщики потеряли всякую надежду на серьозную удачу, даже на соединеніе съ другими шайками, отъ которыхъ они отрѣзаны нашими войсками. Это обстоятельство едва-ли не послужило главною причиною скораго и повсемѣстнаго истребленія инсургентовъ.

Бунтовщики, при возстаніи, сильно расчитывали на крестьянъ, раздавали имъ, такъ называемыя, золотыя грамоты съ золотыми печатями, въ которыхъ обѣщали имъ безвозмездный надѣлъ землею и другія льготы (впрочемъ такія, какими уже крестьяне пользуются, по милости Государя Императора); но крестьяне, отъ природы не лишенные здраваго смысла, благодарные своему Царю—Освободителю, не поддались на эти обманы, а напротивъ такъ ожесточились на искони ненавидимыхъ ими пановъ-ляховъ, что въ этомъ видится что—то похожее на прежнюю, старинную противъ нихъ ненависть. Крестьяне вооружаются чѣмъ ни попало, содѣйствуютъ неутомимо войскамъ въ поимкѣ бунтовщиковъ и даже сами, съ удивительнымъ геройствомъ, нападаютъ съ простыми кольями на хорошо вооруженныхъ инсургентовъ и разбиваютъ ихъ; такъ, напримѣръ, во время преслѣдованія нашими войсками, у м. Богуслава, шайки мятежниковъ,—крестьянинъ с. Луки, Григорій Кравченко, замѣтивъ мятежника, убившаго рядоваго прагскаго полка, кинулся на него съ дубиною, пришибъ и захватилъ въ плѣнъ, а такіе поступки со стороны крестьянъ нерѣдкость. Злоба ихъ противъ поляковъ до того велика, что вооружаются противъ нихъ не только мущины, но даже женщины и былъ случай, что семь здоровыхъ бабъ захватили и перевязали девять человѣкъ вооруженныхъ, храбрыхъ повстанцевъ и привели ихъ въ Кіевъ; надобно было видѣть съ какимъ торжествомъ конвоировали побѣдительницы плѣнныхъ, потрясая отнятыми у послѣднихъ ружьями и другимъ оружіемъ, и съ какими насмѣш-

ками, ругательствами и проклятіями встрѣтила и провожала лѣсныхъ вояковъ толпа народа!!... Это явленіе повторяется при каждомъ приводѣ плѣнныхъ поляковъ, они возбуждаютъ всеобщее негодованіе всего народа, и слово полякъ сдѣлалось теперь ругательнымъ. Даже дѣти простолюдиновъ и мѣщанъ играютъ теперь по улицамъ въ поляковъ и козаковъ и, разумѣется, козаки остаются всегда побѣдителями, а поляки осыпаются насмѣшками. Эти игры иногда доходятъ до того, что маленькіе герои приходятъ въ азартъ и часто матери принуждены бываютъ разнимать воюющихъ. Злоба народа противъ неблагодарныхъ поляковъ, повторимъ мы, такъ велика, что уже войска принуждены удерживать крестьянъ отъ особаго рвенія, потому, что они перебили-бы многихъ, *) особенно изъ числа тѣхъ, которые вздумали обольщать ихъ чѣмъ нибудь,—такъ напримѣръ, изъ донесеній сквирской полиціи видно, что когда поймали сына помѣщика Гуляницкаго,—то крестьяне непремѣнно убили бы его, если бы не выручила полиція. Одинъ изъ крестьянъ успѣлъ уже ударить *панича* по головѣ, упрекая съ бранью „ты грамоту намъ читалъ и даровалъ, чего самъ не имѣешь“.

Были примѣры, что нѣкоторые помѣщики — поляки, заподозрѣнные крестьянами въ тайныхъ сношеніяхъ съ мятежниками, прибѣгали съ своими семействами подъ защиту мѣстныхъ православныхъ священниковъ, и сіи послѣдніе не отказали, разумѣется, дать имъ убѣжище въ своихъ домахъ.

Но можетъ быть подумаютъ, что крестьяне ожесточенно нападаютъ на бунтовщиковъ потому, что они принадлежатъ къ дворянскому сословію, которое прежде господствовало надъ ними? Нѣтъ,—вообще всѣ, даже никогда не бывшіе въ крѣпостной зависимости, государственные крестьяне и городскіе жители, ожесточены противъ поляковъ, а о поселянахъ и говорить нечего; послѣдніе—не только православные, но даже католики, возстаютъ противъ бунтовщиковъ. Вотъ весьма поучительный случай для

*) Съ особенною запальчивостію крестьяне бросаются на свитниковъ, ляховъ переодѣвшихся въ мужицкія свиты, съ принадлежностями, въ знакъ единства (разумѣется мнимаго) съ народомъ, считая ихъ за дѣйствительныхъ крестьянъ, измѣнившихъ православію и Царю—Освободителю

польскаго революціоннаго рвенія. За Бѣлой-Церковью проживаетъ много однодворцевъ—католиковъ, изъ бывшей польской шляхты, на нихъ-то преимущественно разсчитывали мятежники; но ошиблись въ расчетѣ. Однодворцы не только не оказали имъ никакого содѣйствія, но, напротивъ, перевязали всѣхъ пришедшихъ къ нимъ возмутителей и представили начальству. Въ заключеніе описанія поступковъ здѣшнихъ сельскихъ обывателей, мы должны указать еще на высоко—благородную черту ихъ характера, чуждаго своекорыстія. Кидаясь на бунтовщиковъ, часто съ большою опасностію для собственной жизни, большинство крестьянъ не пользуется почти ничѣмъ (только съѣстными припасами) отъ захватываемыхъ ими въ плѣнъ и представляетъ всѣ найденныя при инсургентахъ вещи и деньги начальству. Такъ, напр., изъ донесенія генералъ-маіора Кренке видно, что у 190 человѣкъ, захваченныхъ крестьянами, было денегъ 1160 р. 69 к. и нѣсколько часовъ и крестьяне не воспользовались изъ этихъ денегъ ни копѣйкой.

При такомъ общемъ настроеніи народнаго духа въ здѣшнемъ краѣ, можно смѣло надѣяться, что скоро храбрые панове притихнутъ совершенно, и развѣ только для поддержанія своего рыцарскаго гонора будутъ нѣкоторое время показывать русскимъ изъ кармана кукишъ. Уже и теперь, какъ только вышедшая изъ Кіева бунтующая челядь была разбита и уничтожена нашими войсками,—городъ принялъ иной совершенно видъ: уже не оскорбляютъ патріотическаго чувства русскихъ отвратительныя чамарки, мужицкія свиты и разныя къ нимъ желѣзныя, мѣдныя и кожанныя прикрасы, напоминающія щеголеватое убранство русскихъ коновалові. Даже дамы польскія, хотя не оставили совершенно своихъ траурныхъ костюмовъ и продолжаютъ плакать и вопить въ костелѣ, проклиная козаковъ и мужиковъ невѣжливо поколачивающихъ ихъ милыхъ пановъ—повстанцевъ, которыхъ онѣ сами вывозили, въ сказанную выше ночь, на разбой въ каретахъ, но уже нѣтъ въ нихъ того нахальнаго, побѣдоноснаго взгляда, которымъ дарили съ высоты своего мнимаго величія встрѣчавшихся съ ними русскихъ, а пробираются онѣ въ костелъ украдкою и со страхомъ, боясь подвергнуться насмѣшкамъ ожесточен-

наго простолюдья, которое зоветъ ихъ **черными галками** и не пропускаетъ случая ввернуть при встрѣчѣ ласковое русское словечко. Наконецъ, къ утѣшенію нашему, и польскій языкъ, служившій прежде у здѣшнихъ пришельцевъ — поляковъ орудіемъ заявленія ихъ ненависти ко всему русскому и ихъ національныхъ тенденцій, теперь вовсе неслышенъ ни на улицахъ, ни на гуляньяхъ, ни даже въ магазинахъ. Сами поляки, оставшіеся въ Кіевѣ, въ присутствіи русскихъ не говорятъ уже по польски, какъ бывало прежде, но отлично объясняются по русски и своей польской рѣчи какъ бы стыдятся или, лучше сказать, боятся чрезъ нее обнаружить свое польское происхожденіе, чтобъ не подвергаться оскорбленію со стороны народа. Многіе даже, по этой послѣдней причинѣ, закупорились дома и не показываются на улицу,—впрочемъ быть можетъ и потому, чтобъ какой нибудь извощикъ не указалъ пальцемъ, что и онъ дескать участвовалъ въ приготовленіи къ возстанію. Вообще, можно сказать, что-то стало теперь легче на душѣ русскому человѣку въ Кіевѣ, возвратившемъ совершенно видъ русскаго города. Патріотическое настроеніе всѣхъ вообще православныхъ жителей Кіева такъ велико, что каждый изъ нихъ готовъ вооружиться чѣмъ попало и летѣть въ ряды русскихъ войскъ, чтобы содѣйствовать скорѣйшему истребленію польскихъ мятежниковъ, дерзнувшихъ поднять знамя бунта не только въ своей Польшѣ, но даже на нашей—русской землѣ. Граждане Кіева постоянно заявляютъ готовность составить изъ среды себя, въ помощь регулярнымъ войскамъ, для охраненія города и преслѣдованія мятежниковъ въ его окрестностяхъ, мѣстную милицію, а русское кіевское дворянство, чиновники и другія сословія приготовляютъ, какъ слышно, для представленія г. Генералъ-Губернатору всеподданнѣйшій адресъ, независимо отъ адреса, представленнаго 17 апрѣля городовымъ обществомъ, съ выраженіемъ вѣрноподданической преданности Государю Императору и готовности жертвовать, въ случаѣ надобности, всѣмъ своимъ достояніемъ и жизнію за цѣлость единой Россіи.

И МЫ СЕБЯ ЗАЯВИЛИ!

Наконецъ и мы себя показали, могутъ сказать гимназисты—патріоты польскіе. И въ самомъ дѣлѣ,—въ началѣ апрѣля доходили къ намъ въ Житомиръ слухи, что въ Ровно ученики тамошней гимназіи 5 и 6 класса, собравшись на шоссейной дорогѣ, имѣли совѣщаніе о томъ, какъ бы заявить имъ себя въ общемъ польскомъ дѣлѣ предъ Европой. Одинъ изъ нихъ выступилъ ораторомъ, и началъ въ такомъ родѣ: „Братья! мы собрались сюда въ небольшомъ числѣ, но крѣп„кіе своимъ единомысліемъ, проникнутые одною любовію, во„душевленные одною—ненавистію къ москалю. Хотя насъ, „говорю, не много: 7-й классъ измѣннически отрекся отъ на„шего роднаго дѣла; но мы должны явить себя достойными „сынами Польши. Что жъ мы сдѣлаемъ и что мы можемъ „сдѣлать, чтобъ Европа узнала и о насъ? А что нибудь на„до-же сдѣлать. Испортить телеграфъ? Но, вѣдь это уже „дѣлали прежде насъ, наши знаменитые соотчичи. Бить, му„чить москалей? Но малая горсть наша будетъ задавлена „ими.—Сдѣлаемъ же вотъ что: вы видите передъ собой этотъ „образъ москаля (указывая на участковый, придорожный, „каменный столбикъ), вообразите, что это всѣ многочислен„ные москали въ этой единицѣ! Рѣжьте его, душите, давите, „мучьте, терзайте!....... Гура!“...... Послѣ этого призывнаго крика, въ слѣдъ за вождемъ — ораторомъ, вся толпа учениковъ храбро бросается на каменный столбикъ, вырываетъ его съ остервенѣніемъ изъ земли, и—бросаетъ въ канаву. Не правда ли героизмъ забавный до смѣха; но, думая объ немъ, становится больно сердцу; поневолѣ призадумаешься за будущее, видя направленіе молодаго поколенія. Но это былъ только мотивъ трагикомедіи, имѣвшей разыграться въ окрестностяхъ Житомира, одновременно съ кіевскою и подольской губерніей,-съ тою же дѣтскою цѣлію—заявить о себѣ Европѣ.

Съ 26 на 27 апрѣля шайки вооруженныхъ польскихъ бродягъ стали стягиваться по селамъ изъ сквирскаго уѣзда кіевской губерніи, около мѣстечекъ Ивницы и Краснополя. Вся бунтующая сволочь должна была соединиться въ лѣсу за м. Трояновымъ. Прежде чѣмъ употреблена была для подавленія ея военная команда, крестьяне означенныхъ мѣстечекъ и сосѣднихъ съ ними сесъ начали ловить инсургентовъ, отнимая у

нихъ оружіе, лошадей, снаряды и всѣ припасы. Такимъ образомъ въ субботу 27 апрѣля Житомиръ имѣлъ уже случай видѣть партіи этихъ бродягъ, препровождаемые крестьянами, вооружившимися отъ нихъ же отнятымъ оружіемъ: ружьями, пистолетами, саблями, копьями и косами. На другой день, въ воскресенье и за тѣмъ понедѣльникъ-эти партіи, препровождаемые тѣми же крестьянами изъ-подъ упомянутыхъ мѣстечекъ и окрестныхъ селеній, доставили такихъ личностей въ г. Житомиръ до 300. При этомъ изъ ивницкихъ крестьянъ, преслѣдовавшихъ эти шайки, убито 3 и раненъ 1; бродяга убитъ 1 и нѣсколько ранено. Видъ этихъ стариковъ сѣдовласыхъ и юношей безбородыхъ, одѣтыхъ въ странные костюмы, нельзя надивиться — безумному фанатизму тѣхъ и другихъ, основанному на мечтѣ—привлеченія къ возстанію народа русскаго, который ихъ же ловитъ и преслѣдуетъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ читали они крестьянамъ отъ имени какой-то *тымчасовой народной старшины*, такъ называемую, свою *„золотую грамоту крестьянамъ“* и *„воззваніе къ народу“*, возбуждающее его къ неповиновенію законному правительству. Прикрывъ преступныя цѣли свои-возмутить крестьянъ волынской, подольской и кіевской губерній *до оружного на москалів походу*, чтобы изгнавъ москалівъ, *закуштовать добра народной свободы*,-они своею *золотою* (сусальнаго золота) *грамотою* обѣщаютъ крестьянамъ, освобожденнымъ уже отъ наложенной ихъ предками крѣпостной зависимости:

Что съ *этаго времени они вольни, свободни и ривни*, тогда какъ манифестомъ 19-го февраля 1861 года уже объявлена эта свобода всему крестьянскому населенію, отнятая у нихъ предками этихъ бродягъ 300 лѣтъ тому назадъ;

Что-они теперь *мають право учытысь во всяких школахъ*, которыя, до освобожденія народа настоящимъ манифестомъ, предками ихъ и нынѣшними бродягами были закрыты для крестьянъ, и о чемъ триста лѣтъ не могли они подумать;

Что-*разомъ съ другымы мають право выбыраты зъ помежъ себе выборныхъ до судивъ, и судытысь и правытысь нарівни съ другими*, о чемъ неподумали прежде ихъ предки, и нынѣшніе лѣсные бродяги, считая крестьянъ *быдломъ*—не человѣкомъ, и что между тѣмъ уже введено съ увольненіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости,-а у крестьянъ государственныхъ—Богъ знаетъ когда;

Что-*земли орны, синожати и садибы будуть видъ сього*

дня на вични часы власностію кежного хозаина, о чемъ до изданія упомянутаго манифеста ни отцы сихъ бродягъ, ни дѣды, ни прадѣды не хотѣли думать, а казна русская, дабы избавить крестьянъ отъ помѣщичьихъ притѣсненій и насилій, непремѣнно откупитъ земли крестьянскіе, но они еслибъ и дали сгоряча клочекъ безплатной земли, непремѣнно, чрезъ-годъ-два, отнимутъ его.

Что-*сильскимъ священникамъ православнымъ опричъ церковной земли назначаемъ плату грішми, щобъ тильки не требовалы видъ люду платы за духовны послугы*,—о чемъ озаботился еще покойный Государь Императоръ НИКОЛАЙ I, отецъ нынѣ царствующаго Освободителя всего Русскаго народа, видя то бѣдственное и нищенское положеніе, до котораго довели православное духовенство, прадѣды, дѣды и отцы нынѣшнихъ бунтовщиковъ и возмутителей русскаго народа;

Что-*кидаючи сельскому людови права вольности* (которыя даны уже), *обывательскои ривности* (развѣ по сермягамъ) и *земскои власности* (данной противъ ляшской воли по манифесту 19-го Февраля) *ручаемъ и вично обицаемъ свободу правъ, виры, якои хто прыдержуеться и ужываньа своеі мовы*, т. е. однимъ словомъ то, что имѣютъ крестьяне безъ ихъ милости, что триста лѣтъ предъ симъ предки ихъ обѣщали подъ присягою и неисполняли, въ чемъ во время козацкихъ войнъ, поднятыхъ въ защиту правъ сего же народа, они же присягали неоднократно и тотчасъ же преступно нарушали клятву, считая народъ рабочимъ *скотомъ*, вѣру его-*хлопскою*, а языкъ-*бараньимъ*.

Нельзя при этомъ не вспомнить одного очерка, вылившагося изъ подъ пера знаменитаго польскаго поэта Мицкевича и вѣрно изобразившаго необстоятельность польской рады, при обсужденіи вопросовъ, касающихся общественныхъ дѣлъ.

Ахъ, черти! ахъ, ослы! Собрали васъ на раду
О Польшѣ трактовать: ни складу въ васъ, ни ладу!
Когда бъ постановить въ васъ народный приговоръ
О благѣ родины—у васъ затѣи все, мечты!
Ни толку нѣтъ, ослы, ни смыслу, ни порядку!
(Панъ-Тадеушъ гл. VIII.)

Между тѣмъ житомирская польская публика, спѣша на помощь своимъ братьямъ-родакамъ,-въ виду этой грустной картины, старается оправдать вину нарушителей обще-

ственнаго спокойствія и государственнаго строя, пуская въ ходъ молву, что польскіе инсургенты взяты безъ боя, что они по распоряженію революціоннаго комитета, не стрѣляли въ мужиковъ, считая ихъ *братьями*, но отдавались добровольно, стрѣляя на воздухъ, на-сторону или въ землю, зачѣмъ же было стрѣлять? [1]) и что мѣшокъ висельныхъ петель съ желѣзными кольцами, приготовленный въ с. Пѣскахъ, въ 10 верстахъ отъ Житомира, неизвѣстно кѣмъ оставленъ въ саду помѣщика. Это, конечно, прелюдія къ тѣмъ заграничнымъ эксплекаціямъ, кои не замедлятъ явиться въ иностранной корреспонденціи изъ Россіи.

Ѳ. К.

Приговоры Государственныхъ крестьянъ.

Независимо отъ адрессовъ поступившихъ на имя Государя Императора отъ дворянства и городскихъ обществъ почти всей имперіи, ежедневно поступаютъ приговоры временно обязанныхъ и государственныхъ крестьянъ волостей разныхъ губерній, въ которыхъ крестьяне, по поводу возстанія въ Польшѣ и въ нѣкоторыхъ западныхъ русскихъ губерніяхъ, выражаютъ готовность встать поголовно и жер-

---

[1]). Отъ чегожъ между *братьями* крестьянами такъ много убитыхъ, повѣшенныхъ, истерзанныхъ? Въ Кіевѣ логика инсургентовъ изобрѣла другое объясненіе плѣна революціонеровъ: „люди, говорятъ, поѣхали въ лѣсъ поохотиться, прогуляться, напиться чаю; поѣхали въ гости; а ихъ взяли въ плѣнъ, какъ мятежниковъ!“ Хороши охотники, считающіе дичью козаковъ и драгунъ, хороши любители природы, лѣснаго чаепитія, вооруженные съ ногъ до головы, стрѣляющіе въ русскаго воина, засѣвшіе сотнями въ лѣсныхъ трущебахъ и проч. и проч.! Жалкая сообразительность! Думая объ ней, поневолѣ вспомнишь того польскаго вора, который, выпрыгнувъ изъ трубы камина и увидавъ хозяина, занимающагося чтеніемъ, на вопросъ сего послѣдняго: co chcesz, kochanku?, отвѣчалъ: służby szukam, panie! Стыдитесь, panowie!.

Ред.

твовать всѣмъ своимъ достояніемъ на защиту отечества. Приговоровъ и всеподданнѣйшихъ писемъ, по настоящее время явилось безчисленное множество, (въ одной минской губерніи до 600) содержаніе ихъ одинаково и одна патріотическая мысль одушевляетъ всѣхъ крестьянъ, составлявшихъ эти письма. По неимѣнію мѣста, мы помѣщаемъ здѣсь текстъ двухъ только всеподданнѣйшихъ писемъ:

1. Письмо Льговской волости (Рязан. губ.).

"Ваше Императорское Величество!"

„Говорятъ, что поляки, сражаясь съ нами, призываютъ еще на насъ и иноземныя царства, для того, чтобы отбить у Россіи ея достояніе. Но развѣ, Государь, враги наши забыли, что обширное царство русское создано не чужими руками, а самимъ народомъ русскимъ, и неужели они думаютъ, что этотъ самый народъ переродился и не въ силахъ уже отстоять родной земли, освященной кровію отцовъ нашихъ"?

„Повѣдай же, великій, обожаемый Государь, что надежды ихъ могутъ сбыться развѣ только на могилахъ всего русскаго народа, а для этого имъ нужно будетъ переплыть цѣлое море своей и нашей крови. Мы всѣ, Государь, идемъ за Тебя и Россію—идемъ поголовно, а все имущество свое кладемъ къ державнымъ стопамъ Твоимъ"!

(Слѣдуютъ подписи).

2. Письмо Солодчинской волости (Рязан. губ.)

"Всемилостивѣйшій Великій Государь!"

„Старики наши сказываютъ, что два съ половиною вѣка тому назадъ, поляки завладѣли Москвою и хотѣли покорить все царство русское, но крестьянинъ Иванъ Сусанинъ спасъ царя, а гражданинъ Мининъ съ княземъ Пожарскимъ подняли народъ православный и отстояли отечество„ слышно, Государь, что Польша, надѣясь на помощь иноземныхъ враговъ нашихъ, вновь покушатеся на святую Русь; значитъ, приходитъ, великій Государь, опять такое время, когда надобно подняться всему народу русскому. Если такъ, то повели, отецъ намъ, и мы, по старому, снесемъ въ казну все имущество наше, возьмемъ хоругвь святую, и каждый, кто только можетъ нести ружье и топоръ, пойдетъ на смерть за Тебя и Россію."

„Благослови же и не отвергни, Государь, готовыя тебѣ жертвы, какъ мы благословляемъ и будемъ благословлять Тебя и Россію во всѣ дни живота нашего!“

„Ждемъ великій Государь, твоего державнаго слова.“

(Слѣдують подписи.)

— *Рѣчь генералъ-адъютанта Назимова, виленскаго генералъ-губернатора.* — *Изъ Вильна пищуть въ „Кельнскую газету,“* что 18-го апрѣля (ст:—ст.), генералъ-адъютантъ Назимовъ сказалъ многочисленному собранію дворянъ слѣдующую рѣчь;

„Измѣной вы начали, вашей гибелью окончите. Сегодня ночью, вновь отсюда ушли къ инсургентамъ 100 юнощей, изъ коихъ ни одному нѣтъ и 17 лѣтъ отъ роду Все это натворили женщины, и женщины самыя дурныя. Неужели вы до того безсильны, что не можете держать вашихъ женъ и дѣтей въ повиновеніи? Къ чему вы здѣсь живете? Ступайте въ ваши помѣстья; живите тамъ тихо и старайтесь, чтобы все оставалось покойно.

Въ противномъ же случаѣ, знайте, что я не въ состояніи защитить васъ отъ вашихъ крестьянъ. Войска мнѣ нужны противъ укрывающихся въ лѣсахъ. Надѣюсь, что вы изъ дѣла гр. Моля кое-чему научились Уѣзжайте съ Богомъ!“

На эту рѣчь никто изъ присутствовавшихъ не нашелъ ничего отвѣтить.

— По послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ всеподданнѣйшіе адресы поступили отъ дворянствъ: Самарскаго, Харковскаго и Ярославскаго, отъ Кашинскаго городоваго общества, отъ торговцевъ на Семеновскомъ плацѣ (въ С.-Петербургѣ) отъ Ржевцкаго общества старообрядцевъ, отъ татарскаго Казанскаго общества, отъ Казанскаго городскаго общества, отъ Крестецкаго городскаго общества, отъ Рыбинскаго городскаго общества, отъ государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи и уѣзда, троицкой волости, отъ государственныхъ крестьянъ Рязанской губерніи и уѣзда, Ямской волости, отъ государств. крестьянъ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, Григорьевской волости, отъ дворянства Смоленской губерніи, отъ всѣхъ сословій Юхновскаго уѣзда Смоленской губ., отъ Колязинскаго дворянства и прочихъ сословій города и уѣзда,

отъ бѣльскаго дворянства, отъ купечечества и гражданъ г. Кіева, отъ вологодскаго городскаго общества, отъ гражданъ г. Костромы, отъ гражданъ г. Бобруйска, отъ Тихвинскаго городоваго общества, отъ Валдайскаго городоваго общества, отъ гражданъ города Торжка, отъ Ржевскаго купечества и мѣщанъ, отъ Арзамасскаго городскаго общества, отъ Боровскаго городс. общества, отъ Касимотскаго городскаго общества, отъ Саратовскаго дворянства, отъ Воронежскаго дворянства, отъ рязанскаго дворянства, отъ дворянъ Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи, отъ Рижскаго градскаго общества, отъ Дерптскаго городскаго общества, отъ Ревельскаго городскаго общества, отъ Пернавскаго городскаго общества. Кромѣ того ежедневно представляются Его Императорскому Величеству сотни всеподданнѣйшихъ писемъ отъ государственныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ всѣхъ губерній Имперіи, и болѣе всѣхъ западныхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

об изданіи черниговскихъ епархіальныхъ извѣстій.

Такъ какъ для подписчиковъ, неподлежащихъ вѣдомству черниговскаго епархіальнаго начальства, мало интереса въ оффиціальной части извѣстій; между тѣмъ, какъ неоффиціальная часть интересуетъ многихъ, и у насъ есть подписчики изъ Архангельска и Иркутска; то желающіе выписывать наши извѣстія могутъ выписывать и одну неоффиціальную часть, по цѣнѣ 3 р. сереб.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

По случаю быстро развивающейся въ народѣ грамотности настоитъ вопіющая нужда снабдить его книгами для чтенія, которыя бы расширили кругозоръ его міросозерцанія и открыли возможность пользоваться плодами грамотности. Правда у насъ книгъ не мало, довольно даже и такихъ, которыя какъ будто писаны для народнаго чтенія; но большинство всѣхъ этихъ во многихъ отношеніяхъ не пригодно для простого народа.

Предположено заняться составленіемъ для чтенія народа такихъ книгъ на **обще русскомъ** языкѣ, которыя были бы полезны для него въ умственномъ, нравственномъ и житейскомъ отношеніяхъ и въ тоже время доступны для него по своему изложенію и дешевизнѣ.

Всѣ друзья народнаго просвѣщенія симъ приглашаются къ посильному на это дѣло приношенію, состоящему въ денежныхъ пожертвованіяхъ на изданіе полезныхъ для народа книгъ.

Пожертвованія можно адрессовать въ д. консисторію и въ редакцію Вѣстника юго-западной и Западной Россіи, которая приняла на себя внѣшнюю сторону изданія и гласную отчетность въ приходо—расходѣ пожертвованій.

Редакція Вѣстника считаетъ не лишнимъ заявить предъ публикою, что она уже приступила къ изданію нѣкоторыхъ сочиненій и что на этотъ предметъ уже пожертвовано 500 р., жертва Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Кіевскаго Арсенія.

Редакторъ Говорскій.

Примѣчаніе. Имена жертвователей будутъ (если они того пожелаютъ) обнародываемы во всѣхъ выходящихъ въ Кіевѣ переодическихъ изданіяхъ.

ОПЕЧАТКИ въ III Отдѣлѣ, въ статьѣ: Отвѣтъ на рѣчъ принца Наполеона и проч.

Страница	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
106	21	играть играетъ	играетъ
111	13	великодушіе мы	великодушіе, мы
115	19	Далѣе богатая	Далѣе, богатая
—	30 31	живущіе...) воспламеняемые, почитающіе	живущее ..., воспламеняемое, почитающее
—	40	шикомъ	гимномъ
116	8	крупнаго числа	крупнаго чина
—	35	сочувствіи	сочувствію
117	21	натура	натуга
—	25	явившаяся	явившееся
118	12	принцомъ: что	Принцомъ—и спрашиваемъ: что
—	20	Въ объявленіи этой	Въ объясненіе этой
—	22	не объявляще	не объясняющее
120	6 7	сплѣтняхъ, клеветахъ	сплетняхъ, клеветахъ
—	18 19	угнѣтѣнія	угнетенія
122	41	., Да Россія	.Да, Россія
123	1	будьто бы	будто-бы
—	45	герцоговинцовъ	герцеговинцовъ

Гдѣ напечатано: Принцъ Наполеонъ, нужно было печататать: принцъ Наполеонъ. агдѣ стоитъ принцъ (одно-безъ Наполеонъ), нужно—Принцъ.

СОДЕРЖАНІЕ IX КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

При этой книжкѣ разсылаются Гг. подписчикамъ два приложенія: 1. Литературное прибавленіе. 2., Объявленіе о продолженіи изданія Вѣстника въ 18⁶³/₆₄ году.